

Артур Конан Дойл Архив Шерлока Холмса

Preface

I fear that Mr. Sherlock Holmes may become like one of those popular tenors who, having outlived their time, are still tempted to make repeated farewell bows to their indulgent audiences. This must cease and he must go the way of all flesh, material or imaginary. One likes to think that there is some fantastic limbo for the children of imagination, some strange, impossible place where the beaux of Fielding may still make love to the belles of Richardson, where Scott's heroes still may strut, Dickens's delightful Cockneys still raise a laugh, and Thackeray's worldlings continue to carry on their reprehensible careers. Perhaps in some humble corner of such a Valhalla, Sherlock and his Watson may for a time find a place, while some more astute sleuth with some even less astute comrade may fill the stage which they have vacated.

His career has been a long one—though it is possible to exaggerate it; decrepit gentlemen who approach me and declare that his adventures formed the reading of their boyhood do not meet the response from me which they seem to expect. One is not anxious to have one's personal dates handled so unkindly. As a matter of cold fact, Holmes made his debut in *A Study in Scarlet* and in *The Sign of Four*, two small booklets which appeared between 1887 and 1889. It was in 1891 that 'A Scandal in Bohemia,' the first of the long series of short stories, appeared in *The Strand Magazine*. The public seemed appreciative and desirous of more, so that from that date, thirty-nine years ago, they have been produced in a broken series which now contains no fewer than fifty-six stories, republished in *The Adventures*, *The Memoirs*, *The Return*, and *His Last Bow*, and there remain these twelve published during the last few years which are here produced under the title of *The Case-Book of Sherlock Holmes*. He began his adventures in the very heart of the later Victorian era, carried it through the all-too-short reign of Edward, and has managed to hold his own little niche even in these feverish days. Thus it would be true to say that those who first read of him, as young men, have lived to see their own grown-up children following the same adventures in the same magazine. It is a striking example of the patience and loyalty of the British public.

I had fully determined at the conclusion of *The Memoirs* to bring Holmes to an end, as I felt that my literary energies should not be directed too much into one channel. That pale, clear-cut face and loose-limbed figure were taking up an undue share of my imagination. I did the deed, but fortunately no coroner had pronounced upon the remains, and so, after a long interval, it was not difficult for me to respond to the flattering demand and to explain my rash act away. I have never regretted it, for I have not in actual practice found that these lighter sketches have prevented me from exploring and finding my limitations in such varied branches of literature as history, poetry, historical novels, psychic research, and the drama. Had Holmes never existed I could not have done more, though he may perhaps have stood a little in the way of the recognition of my more serious literary work.

And so, reader, farewell to Sherlock Holmes! I thank you for your past constancy, and can but hope that some return has been made in the shape of that distraction from the worries of life and stimulating change of thought which can only be found in the fairy kingdom of romance.

Arthur Conan Doyle

Знатный клиент

— Теперь это никому не повредит, — так ответил мне Шерлок Холмс, когда я в десятый раз за десять лет попросил у него разрешения обнародовать нижеследующее повествование. Так что мне наконец-то позволено написать отчет о том деле, которое в определенном отношении можно считать вершиной карьеры моего друга.

Турецкая баня — наша с Холмсом слабость. Я не раз замечал, что именно там, в приятной исто-
томе дымной парилки, мой друг становился менее замкнутым и более человеческим, нежели где бы то ни было. На верхнем этаже бань на Нортумберленд-авеню есть укромный уголок, в котором стоят рядышком две кушетки. На них-то мы и лежали 3 сентября 1902 года, в день, с которого начинается мое повествование. Я спросил Холмса, нет ли у него сейчас какого-нибудь интересного дела. Вместо

ответа он вытащил из-под простынок, в которые был запакован, худую нервную руку и извлек из внутреннего кармана висевшего рядом пальто какой-то конверт.

— Либо это написал суевающийся по пустякам напыщенный болван, либо речь идет о жизни и смерти, — сказал он, вручая мне письмо. — Я знаю не больше, чем сказано в этом послании.

Записка была отправлена из Карлтон-клуб вчера вечером. Вот что я прочел:

«Сэр Джеймс Дэймри с поклоном сообщает мистеру Шерлоку Холмсу, что посетит его завтра в половине пятого пополудни. Сэр Джеймс просит сообщить, что дело, которое он желал бы обсудить с мистером Холмсом, крайне щекотливое и важное. Поэтому он уверен, что мистер Холмс приложит все усилия к тому, чтобы встреча состоялась, и подтвердит это телефонным звонком в Карлтон-клуб».

— Излишне говорить, что я позвонил и подтвердил, Уотсон, — произнес Холмс, когда я вернул ему листок. — Вы знаете что-нибудь про этого Дэймри?

— Только одно: в свете это имя известно как имя дворянина.

— Что ж, я могу рассказать вам больше. Дэймри слывет докой по улаживанию щекотливых делишек, таких, которые не должны попадать в газеты. Возможно, вы помните его переговоры с сэром Джорджем Льюисом по вопросу о завещании Хаммерфорда. Это человек света, с природной склонностью к дипломатии, и поэтому я могу надеяться, что дело не обернется ложным следом и что ему действительно нужна наша помощь.

— Наша?

— Ну, если вы будете настолько любезны, Уотсон.

— Был бы польщен...

— В таком случае время вам известно: половина пятого. А пока можем выкинуть это дело из головы.

Я тогда жил в своей квартире на улице Королевы Анны, но явился на Бейкер-стрит до назначенного часа. Ровно в половине пятого доложили о прибытии полковника сэра Джеймса Дэймри. Вряд ли так уж необходимо описывать его наружность: многие помнят этого крупного, грубовато-добродушного и честного человека, его широкое, чисто выбритое лицо и в особенности голос — приятный и сочный. Серые ирландские глаза его излучали искренность, добрая усмешка играла на живых улыбчивых губах. Цилиндр с блестками, черный сюртук, каждый предмет одежды — от жемчужной булавки в черном атласном галстуке до бледно-лиловых, идеально надраенных туфель — говорил о дотошной изысканности, которой славился полковник. Этот грузный и уверенный в себе аристократ заполнил собой всю нашу маленькую комнату.

— Разумеется, я был готов застать здесь доктора Уотсона, — с изящным поклоном заметил

он. — Нам может понадобиться его помощь, поскольку на этот раз, мистер Холмс, речь идет о человеке, для которого насилие — привычное дело и который не останавливается буквально ни перед чем. Я бы даже сказал, что более опасного человека в Европе не сыскать.

— У меня уже было несколько противников, к которым применимы эти лестные слова, — с улыбкой ответил Холмс. — Вы не курите? В таком случае позвольте мне раскурить мою трубку. Если этот ваш человек более опасен, чем покойный профессор Мориарти или ныне здравствующий полковник Себастьян Моран, значит, с ним действительно стоит познакомиться. Могу я спросить, как его зовут?

— Вы когда-нибудь слышали о бароне Грюнере?

— Вы имеете в виду австрийского убийцу?

Полковник Дэймри со смехом всплеснул руками, затянутыми в лайковые перчатки.

— Все-то вам известно, мистер Холмс! Чудеса, да и только! Значит, вы уже составили о нем мнение как об убийце?

— В интересах дела я внимательно слежу за уголовной хроникой Континента. Кто же усомнится в виновности этого человека, ознакомившись с отчетом о пражских событиях? Его спасла чисто формальная юридическая зацепка да еще подозрительная смерть одного из свидетелей. А так называемый «несчастный случай» на Шплюгенском перевале? Он убил свою жену, я так же уверен в этом, как если бы видел все собственными глазами. О его приезде в Англию мне тоже известно, и я предчувствовал, что рано или поздно он загрузит меня какой-нибудь работенкой! Ну-с, что же натворит барон Грюнер? Не думаю, чтобы речь шла о той давней трагедии, вновь выплывшей на свет.

— Нет, дело гораздо серьезнее. Воздать за преступление, конечно, важно, однако куда важнее предотвратить его. Это ужасно, мистер Холмс: видеть, как прямо на глазах готовится зверское злодеяние, со всей ясностью сознавать, к чему оно приведет, и не иметь при этом ни малейшей возможности отвести беду. Дано ли человеку оказаться в более тяжелом положении?

— Вероятно, нет.

— Значит, вы с сочувствием отнесетесь к клиенту, в интересах которого я действую.

— Я не думал, что вы — лишь посредник. Кто же главное действующее лицо?

— Мистер Холмс, я вынужден просить вас не настаивать на ответе. Для меня крайне важно иметь возможность заверить этого человека, что его сиятельное имя ни в коем случае не будет упомянуто в связи с делом. Им движут в высшей степени достойные, рыцарские побуждения, но он предпочел бы не открываться. Излишне говорить, господа, что ваши гонорары гарантированы и что

вам предоставляется полная свобода действий. А имя клиента, я уверен, не имеет большого значения, не правда ли?

— Мне очень жаль, — ответил Холмс, — но я привык иметь в деле только одну тайну. Две чреватые слишком большой путаницей. Боюсь, сэр Джеймс, что мне придется отказаться от каких бы то ни было действий.

Наш посетитель очень смутился. На его крупное подвижное лицо легла тень досады и разочарования.

— Вряд ли вы сознаете, к чему приведет ваш отказ, мистер Холмс, — сказал он. — Вы ставите меня в крайне затруднительное положение, поскольку я уверен, что вы с гордостью возьметесь за дело, если я изложу вам факты, и в то же время обещание, которое я дал, не позволяет мне открыться до конца. Разрешите, по крайней мере, рассказать вам то, что я могу рассказать.

— Разумеется, если при этом я не беру на себя никаких обязательств.

— Само собой. Начнем с того, что вы, конечно же, слышаны о генерале де Мервиле.

— Прославившем себя под Хайбером? Да, я слышал о нем.

— У него есть дочь, Виолетта де Мервиль, юная, богатая, красивая, образованная. Женщина изумительная во всех отношениях. Вот ее-то, милую, простодушную девочку, мы и хотим вырвать из лап изверга.

— Значит, барон Грюнер имеет над ней какую-то власть?

— Самую сильную власть, какую только может иметь над женщиной, — власть любви. Как вы, вероятно, слышали, этот человек необычайно хорош собой. Манеры его обворожительны, голос нежен. Да еще этот налет романтической таинственности, который так привлекает женщин... Говорят, что перед ним не устоит ни одна из них, и он пользуется этим обстоятельством с большой выгодой для себя.

— Но как могло случиться, что такой человек вдруг познакомился с дамой, занимающей столь высокое положение в обществе, с мисс Виолеттой де Мервиль?

— Это произошло во время прогулки на яхте по Средиземному морю. В компанию вошли лишь избранные. Они сами оплатили поездку. Устроители слишком поздно осознали истинную сущность барона. Этот злодей начал увиваться за дамой и так преуспел, что окончательно и бесповоротно пленил ее сердце. Сказать, что она его любит, — значит почти ничего не сказать. Она сходит по нему с ума, она бредит им. Для нее на нем весь свет клином сошелся. Попробуйте при ней сказать о нем хоть одно дурное слово! Чего мы только не делали, чтобы излечить ее от этого безумия, — все впустую. Короче говоря, через месяц она собирается выйти за него замуж, и трудно сказать, как удержать ее от этого шага: она совершеннолетняя и обладает железной волей.

— Ей известно об австрийском происшествии?

— Хитрая бестия! Он рассказал ей обо всех гнусных скандалах, в которых был замешан в прошлом и которые стали достоянием гласности, причем в рассказах этих он неизменно выставлял себя невинным мучеником. Она безоговорочно приняла его версии и не желает слушать ничего другого.

— Боже мой! Однако вы невольно выдали нам имя вашего клиента. Это, конечно же, генерал де Мервиль.

Наш гость заерзал на стуле.

— Я мог бы обмануть вас, сказав, что это так, мистер Холмс. Но ведь это было бы ложью. Де Мервиль — сломленный человек. Некогда крепкий солдат теперь полностью деморализован, и всему виной самообладание, которое ни разу не изменило ему на поле брани, и превратился в немошного трясущегося старца, совершенно неспособного противостоять натиску такого сильного и блистательного мошенника, как этот австриец. Так или иначе, мой клиент — старый друг генерала, долгие годы близко знавший его, по-отечески заботившийся о девушке еще в те времена, когда она носила короткие платица. Видеть, как дело движется к трагической развязке, и не попытаться предотвратить ее — это выше его сил. Предложение призвать на помощь вас исходило от моего клиента, ибо задействовать Скотленд-Ярд невозможно. Однако клиент никоим образом не должен быть лично причастен к делу — это, как я уже говорил, неперемное условие. Я не сомневаюсь, мистер Холмс, что при ваших огромных возможностях вы с легкостью узнаете, кто он. Хотя бы проследив за мной. Но я прошу вас как честного человека воздержаться от такого рода действий и не нарушать его ин-

когнито.

Холмс капризно усмехнулся.

— Думается, я могу твердо обещать вам это, — ответил он. — Добавлю также, что ваше дело заинтересовало меня, и я готов им заняться. Как мне держать с вами связь?

— В Карлтон-клуб скажут, где я. В экстренных случаях звоните по домашнему телефону XX.31.

Холмс записал номер. Он сидел, положив на колени раскрытую записную книжку и продолжая улыбаться.

— Назовите, пожалуйста, теперешний адрес барона.

— Вернон-Лодж, возле Кингстона. Дом большой. Барон нажился на каких-то довольно темных махинациях. Теперь он богат, и это, естественно, превращает его в еще более опасного противника.

— А сейчас он дома?

— Да.

— Не могли бы вы сообщить мне еще какие-нибудь сведения об этом человеке вдобавок к уже сказанному?

— Вкусы у него дорогостоящие. Любитель лошадей. Одно время участвовал в поло в Хэрлингеме, но был вынужден бросить это дело, когда поднялась шумиха вокруг пражских событий. Собирает книги и картины. Довольно артистичная натура. Кажется, барон слышет признанным знатоком китайской керамики и написал о ней книгу.

— Разносторонний ум, — заметил Холмс. — Этим отличаются все незаурядные преступники. Мой старинный приятель Чарли Пейс виртуозно играл на скрипке. Уэйнрайт был неплохим художником. Могу привести множество других примеров... Итак, сэр Джеймс, передайте вашему клиенту, что я намерен обратить внимание на барона Грюнера. Это все, что я могу вам сказать. У меня есть кое-какие источники информации, и я осмелюсь утверждать, что мы сумеем внести ясность в это дело.

После ухода нашего гостя Холмс долго просидел в глубокой задумчивости. Мне даже показалось, что он забыл о моем присутствии. Но вот он наконец очнулся и словно спустился на землю.

— Ну-с, Уотсон, ваши соображения? — спросил он.

— По-моему, вы должны повидаться с юной леди лично.

— Мой дорогой Уотсон, если ее не может поколебать вид несчастного сломленного отца, то каким образом мне, постороннему человеку, удастся переубедить ее? И все же в вашем предложении кое-что есть. Если, конечно, другие меры ни к чему не приведут. Однако мне кажется, что начинать нам следует с другого бока. Думается, Шинвел Джонсон мог бы нам помочь.

Ранее у меня не было возможности упомянуть в этих воспоминаниях о Шинвеле Джонсоне, поскольку я редко описывал те дела, которыми мой друг занимался под конец своей карьеры. В начале века Джонсон стал нашим ценным помощником. Вынужден с прискорбием сообщить, что поначалу он прославился как опасный преступник и отсидел два срока в Паркхэрсте. В конце концов он раскаялся и близко сошелся с Холмсом, став его агентом в обширном преступном мире Лондона. Сведения, которые он собирал, зачастую оказывались жизненно важными. Будь Джонсон полицейским шпионом, его бы вскоре раскрыли, но поскольку он занимался делами, которые так и не доходили до суда, сообщники не знали истинного смысла его действий. Слава человека, дважды побывавшего на каторге, открывала перед ним двери всех ночных клубов, ночлежек и игорных домов города, а наблюдательность и сообразительность сделали его великолепным осведомителем. К нему-то и намеревался теперь обратиться Шерлок Холмс.

Я не мог проследить все предпринятые Холмсом шаги, поскольку был загружен срочной работой, но в тот же вечер мы, как было условлено, встретились у Симпсона. Сидя за маленьким столиком у парадной витрины и глядя на Стрэнд, где ключом была жизнь, Холмс рассказал мне о некоторых событиях прошедшего дня.

— Джонсон вышел на охоту, — сообщил он. — Вероятно, ему удастся выкопать кое-какой мусор в самых темных уголках преступного мира, поскольку, если мы хотим получить сведения о тайной жизни барона, их следует искать там, среди черных корней всех преступлений.

— Но коль скоро леди не желает принимать во внимание то, что уже известно, почему вы счи-

таете, что ваши новые открытия отвратят ее от задуманного?

— Как знать, Уотсон... Женское сердце и женский разум — неразрешимая загадка для мужчины. Они могут простить и объяснить убийство, и в то же время какой-нибудь мелкий грешок способен причинить им мучительные страдания. Как заметил в беседе со мной барон Грюнер...

— Заметил в беседе с вами?!

— Ах да, ведь я для большей верности не стал посвящать вас в свои замыслы. Что ж, Уотсон, мне нравится брать противника за грудки, встречаться с ним лицом к лицу и самолично определять, из какого материала он сделан. Дав указания Джонсону, я взял кэб, отправился в Кингстон и застал барона в самом приветливом расположении духа.

— Он узнал вас?

— Это было нетрудно. Я попросту послал ему свою визитную карточку. Замечательный противник, Уотсон. Холоден как лед, голос бархатистый, убаюкивающий, как у ваших модных консультантов. И ядовит, будто кобра. В нем чувствуется школа — настоящий аристократ преступного мира. Такой предлагает вам небрежным тоном послеполуденную чашечку чаю, а вы ощущаете за этой небрежностью смертельную злобу. Нет, я рад, что барон Адальберт Грюнер стал объектом моего внимания!

— Говорите, он был радушен?

— Словно кот-мурлыка, завидевший мышь, которой, как он полагает, суждено стать его добычей. Радушие иных людей более убийственно, чем жестокость грубых душ. Его приветствие уже говорило о многом. «Я так и думал, мистер Холмс, что рано или поздно мне доведется встретиться с вами, — сказал он. — Вас, несомненно, нанял генерал де Мервиль, пытаюсь помешать моей женитьбе на его дочери Виолетте. Это так или нет?»

Я промолчал в знак согласия, и тогда он сказал:

«Мой дорогой друг, вы только загубите свою заслуженную репутацию. В этом деле вам успеха не добиться. Работа неблагодарная, не говоря уж о некоторой толике опасности. Позвольте дать вам настоящий совет: немедленно отступитесь».

«Удивительное дело, — ответил я. — Именно этот совет я хотел дать вам. Я уважаю ваш ум, барон, и это уважение не уменьшилось после того, как я немного узнал вас. Давайте говорить как мужчина с мужчиной. Никто не собирается ворошить ваше прошлое и причинять вам неудобства: с этим покончено, и вы на спокойной воле. Но если вы будете настаивать на женитьбе, то наживете целый сонм влиятельных врагов, и они не оставят вас в покое до тех пор, пока английская земля не загорится у вас под ногами. Стоит ли игра свеч? Куда благоразумнее было бы расстаться с леди. Если она узнает о некоторых фактах вашей прошлой жизни, это вряд ли будет вам приятно».

У этого барона короткие напояженные усики, которые торчат, как усы какого-нибудь насекомого. Он слушал меня, и усики эти подрагивали от сдерживаемого хохота. Кончилось тем, что барон разразился вежливым смешком.

«Простите мне мое веселье, мистер Холмс, — сказал он, — но наблюдать за человеком, который порывается играть в карты, не имея на руках ни одной, действительно забавно. Не думаю, что кто-либо способен делать это лучше вас, но тем не менее зрелище довольно жалкое. У вас нет ни единого козыря, мистер Холмс. Только разная мелочь».

«Вы думаете?»

«Я знаю. Давайте я вам все объясню, ибо мои карты так сильны, что я могу позволить себе раскрыть их. Мне посчастливилось добиться беззаветной любви этой дамы. Я без утайки рассказал ей обо всех несчастьях моей прошлой жизни, и тем не менее она полюбила меня. Кроме того, я предупредил ее, что к ней будут приходить коварные недоброжелатели (вы, разумеется, узнаете себя) и вновь рассказывать все эти истории. Я объяснил ей, как следует держать себя с подобного рода посетителями. Вы слышали о постгипнотическом внушении, мистер Холмс? Что ж, у вас будет возможность своими глазами увидеть, как действует эта штука, ибо человек, обладающий сильным характером, умеет пользоваться гипнозом, причем без надувательства и всяких там пошлых пассов. Леди готова к вашему приходу и, несомненно, примет вас, поскольку она послушна воле своего отца во всем, не считая одного пустяка».

Вот так, Уотсон. Говорить, кажется, было больше не о чем, и я удалился со всем доступным

мне холодным достоинством. Однако, когда я уже взялся за дверную ручку, барон остановил меня.

«Да, кстати, мистер Холмс, — спросил барон, — вы знали французского сыщика Лебрана?»

«Знал», — ответил я.

«Вам известно, какое его постигло несчастье?»

«Я слышал, что неподалеку от Монматра его будто бы избили какие-то хулиганы, и он на всю жизнь остался калекой».

«Совершенно верно, мистер Холмс. По странному совпадению, всего за неделю до этого события он начал приставать к людям с расспросами о моих делах. Не стоит этим заниматься, мистер Холмс. Кое-кто уже убедился, что это не приносит счастья. Шагайте своей дорогой, а мне позвольте шагать своей. Это мое последнее слово. Прощайте!»

Такие вот пироги, Уотсон. Теперь вы знаете все.

— Кажется, барон — опасный человек.

— Чрезвычайно опасный. На какого-нибудь задиристого бахвала я бы и внимания не обратил, но барон — из тех людей, которые далеко не все свои мысли облачают в слова.

— Неужели вы непременно должны ему мешать? А может, пускай себе женится на девушке? Какое это имеет значение?

— Очень большое, если учесть, что он, вне всякого сомнения, убил свою первую жену. Допивайте кофе и пойдемте-ка со мной: наш весельчак Шинвел давно нас ждет.

Мы и вправду застали его у себя. Это был крупный, грубоватый краснолицый мужчина болезненного вида. Лишь живые черные глаза выдавали в нем большого хитреца. Держался он, словно король в своем королевстве. Рядом с ним на кушетке сидела одна из его воспитанниц — худощавая, подвижная как огонь молодая женщина с бледным настороженным лицом, еще юным, но уже успевшим увянуть от жизни, полной горечи и порока. Тяжкие годы оставили на ее облике нездоровый след.

— Это мисс Китти Уинтер, — произнес Шинвел Джонсон и взмахнул рукой, представляя свою спутницу. — Если уж она чего-то не знает... А впрочем, пускай сама говорит. Я вышел на нее через какой-нибудь час после получения вашей записки, мистер Холмс.

— Меня долго искать, не надо, — сказала молодая женщина. — Адрес у нас с Хрюшей Шинвелом один и тот же: Преисподняя, Лондон. Так и пишите, не ошибетесь. Хрюша и я — старые приятели. Но есть один человек, который, будь в мире справедливость, сидел бы сейчас в еще более

страшном аду, чем мы. Клянусь всеми чертями! Это человек, за которым вы охотитесь, мистер Холмс.

Холмс улыбнулся.

— Насколько я понимаю, вы желаете нам успеха, мисс Уинтер?

— Если вам нужна моя помощь, чтобы упрятать парня туда, где ему самое место, я вся ваша, от хвоста до головы, — свирепо сказала наша гостья. Ее бледное решительное лицо напряглось, наливаясь ненавистью. Нечасто доводилось мне видеть такой огонь в глазах женщины, а в глазах мужчины — и вовсе ни разу. — Вам нет нужды лезть в мое прошлое, мистер Холмс. Оно к делу не относится. Но это Адальберт Грюнер превратил меня в то, чем я стала. Эх, если б только я могла свалить его! — Она яростно вцепилась руками в воздух. — Уж я бы стащила его в ту яму, в которую он сбросил столько народу!

— Вам известно, как обстоят дела?

— Хрюша Шинвел рассказывал. Барон волочится за очередной бедной дурой. На этот раз ему приспичило жениться. Вы хотите этому помешать. Наверняка вы знаете об этом злодее достаточно, чтобы у любой доброй девушки отбить охоту иметь с ним дело, если она в своем уме.

— Эта девушка не в своем уме. Она влюблена до безумия. Она знает о нем все, но ей хоть бы что!

— А про убийство ей рассказывали?

— Да.

— Господи, ну и нервы же у нее!

— Она считает, что все это клевета.

— Разве вы не можете сунуть ей под нос доказательства?

— А вы поможете нам в этом?

— Да я сама живое доказательство. Стоит мне заявиться к ней и рассказать, как он изводил меня...

— А вы бы согласились?

— Согласилась бы я?! Да неужто не согласилась бы!

— Попробовать, наверное, стоит. Но он уже поведал ей большую часть своих прегрешений и получил прощение. По-моему, для нее этот вопрос закрыт, и она не захочет возвращаться к нему.

— Чтоб мне подохнуть, если он рассказал ей все, — отвечала мисс Уинтер. — Помимо того нашумевшего убийства, я слышала кое-что еще об одном или двух. Он, бывало, рассказывает о ком-нибудь этим своим бархатистым голосом, а потом вперит в меня глазищи и говорит: «Он умер. И месяца не прошло». И это было не пустое бахвальство. Но я почти не обращала внимания на такие речи, мистер Холмс, ведь я любила его в те времена, и мне было все равно, чем он занимается. Так же, как сейчас этой бедной дурехе. Только одна вещь действительно потрясла меня. Если б не его лживый язык, способный все объяснить и всех успокоить, я бы ушла от него в тот же вечер, чертом клянусь! У него есть книга, мистер Холмс. В буром таком кожаном переплете с замочком. Сверху — золотой баронский герб. Наверное, он был немножко под хмельком, иначе ни за что не показал бы мне ее.

— Что же это за книга?

— Говорят же вам, мистер Холмс: этот человек коллекционирует женщин так же, как иные собирают мотыльков и бабочек. И кичится своей коллекцией. Вот что это за книга. Альбом с фотографиями, именами, подробностями и всем прочим. Это была чудовищная книга. Ни один мужчина, даже если он живет в придорожной канаве, ни за что не составил бы такую. И тем не менее это была книга Адальберта Грюнера. «Души, которые я погубил» — вот что он мог бы написать на обложке, будь у него такое желание. Да только не будет вам проку с этой книги, а если и будет, ее ведь не достать.

— Где она?

— Откуда я знаю, где она теперь? Я бросила барона год с лишним назад. Мне известно, в каком месте он хранил книгу в те времена. Кое в чем этот кот аккуратен и дотошен до педантичности, так что, может статься, книга все еще лежит в тайнике старого бюро во внутреннем кабинете. Вы знакомы с его домом?

— В кабинете я был, — ответил Холмс.

— Вот как? Значит, вы времени даром не теряли, если взялись за дело только нынче утром. Видать, на этот раз милашка Адальберт встретил достойного противника. Во внешнем кабинете у него китайская посуда — там стоит большущий стеклянный шкаф промеж двух окон. А позади письменного стола есть дверца, которая ведет во внутренний кабинет — маленькую комнатку, где он хранит бумаги и всякую всячину.

— Он что же, не боится взломщика?

— Адальберт не трус. Злейший враг не сможет сказать этого о нем. Он умеет за себя постоять. По ночам дом охраняют от взломщиков. Да и какой прок взломщику забираться туда? Разве что утащит всю эту диковинную посуду.

— Бесплезное дело, — твердым тоном знатока заявил Шинвел Джонсон. — Ни один барыга не возьмет товар, который нельзя сплавить или загнать.

— Совершенно верно, — согласился Холмс. — Хорошо, мисс Уинтер. Может быть, вы зайдете сюда завтра в пять часов вечера? А я тем временем пораскину мозгами и решу, можно ли воспользоваться вашим предложением и устроить личную встречу с этой дамой. Крайне признателен вам за помощь. Вряд ли стоит говорить, что мои клиенты не поскупятся...

— Не надо об этом, мистер Холмс! — воскликнула молодая женщина. — Не в деньгах дело. Швырните этого человека в грязь и дайте мне втоптать туда его проклятую физиономию — больше мне ничего не нужно. Такова моя цена. Я буду у вас завтра или в любой другой день, пока вы идете по его следу. Хрюша всегда скажет, где меня найти.

Я вновь встретился с Холмсом лишь следующим вечером, когда мы опять обедали в нашем ресторанчике на Стрэнде. На мой вопрос о том, удачно ли прошла встреча, Холмс только пожал плечами. Но потом он рассказал мне все, и я повторяю его рассказ в несколько измененном виде. Сухое и точное сообщение Холмса надобно слегка подредактировать, смягчить и передать более простыми словами.

— Встречу удалось устроить без каких-либо затруднений, — начал Холмс, — поскольку девушка прямо-таки олицетворяет собою образец безропотной дочерней покорности, пытаюсь вознаградить отца за свое вопиющее непослушание в вопросе о женитьбе послушанием во всех остальных мелочах. Генерал сообщил мне по телефону, что все готово, мисс Уинтер явилась точно в срок, и в половине шестого мы вылезли из кэба возле дома номер 104 по Беркли-скуэр, где живет старый генерал. Вы знаете эти безобразные серые лондонские замки, в сравнении с которыми церковь и та выглядит кокетливо. Лакей провел нас в громадную гостиную, украшенную желтой драпировкой. Здесь нас и ждала леди — бледная, притворно-застенчивая, замкнутая, непреклонная и далекая, как снеговик на склоне горы. Даже и не знаю, как описать ее вам, Уотсон. Возможно, вы еще встретитесь с ней по ходу дела и тогда сумеете использовать ваше писательское дарование. Она прекрасна, но это какая-то неземная, потусторонняя красота фанатика, чьи мысли парят в заоблачных высях. Я видел такие лица на средневековых полотнах старых мастеров. Ума не приложу, каким образом этому зверю в человеческом обличье удалось заграбастать своими мерзкими лапами такое небесное создание. Вероятно, вы заметили, как стремятся друг к другу противоположности — духовное к плотскому, пещерный человек — к ангелу... Тут мы имеем дело с самым вопиющим примером такого рода.

Разумеется, она знала, зачем мы пришли, — негодяй уже успел отравить ее разум и настропать против нас. Думается, появление мисс Уинтер несколько удивило леди, но она жестом пригласила нас садиться в отведенные для нас кресла, словно какая-нибудь преподобная настоятельница, принимающая двух прокаженных нищих. Если вы склонны к возвышенным помыслам, Уотсон, берите пример с мисс Виолетты де Мервиль!

«Мне знакомо ваше имя, сэр, — сказала она холодным, как дыхание айсберга, голосом. — Как я понимаю, вы явились сюда с намерением оклеветать моего жениха, барона Грюнера. Я согласилась принять вас только потому, что об этом просил мой отец, и хочу заранее предупредить: что бы вы ни говорили, ваши слова не окажут на меня никакого влияния».

Мне стало жаль ее, Уотсон. На какое-то мгновение я представил себе, что это моя родная дочь. Мне не так уж часто удавалось блеснуть красноречием: я живу умом, а не сердцем. Но тут я буквально молил ее, я говорил с таким жаром, какой только доступен человеку моего склада. Я расписал

ей весь ужас положения женщины, которая узнает истинную цену мужчине лишь после того, как становится его женой, женщины, которая вынуждена сносить ласки окровавленных рук и развратных губ. Я перечислил все — стыд, страх, страдания, безысходность... Но жара моих слов не хватило даже на то, чтобы окрасить хотя бы едва заметным румянцем эти щеки цвета слоновой кости или хоть раз зажечь огонек чувства в этих отрешенных глазах. Я вспомнил слова этого негодяя о постгипнотическом внушении. Нетрудно поверить, что девушка живет в каком-то сонном иступлении. И при всем том она отвечала мне вполне осмысленно.

«Я терпеливо выслушала вас, мистер Холмс, — проговорила она, — и не ошиблась в своем предположении касательно воздействия, которое окажет на меня ваша речь. Мне известно, что Адальберт... что мой жених прожил бурную жизнь, что он навлек на себя жгучую ненависть многих людей и не раз бывал ославлен злыми языками без всяких на то оснований. Не вы первый являетесь ко мне с этой клеветой. Возможно, вами движут добрые побуждения, хотя, как мне известно, вы — платный сыщик, в равной мере готовый действовать как в интересах барона, так и против него. Как бы там ни было, я прошу вас раз и навсегда уяснить, что я люблю его, а он — меня и что мнение света значит для меня не больше, чем чириканье вон тех птичек за окном. А если этот благороднейший человек однажды на миг оступился, то вполне возможно, что именно мне назначено судьбой вознести его дух на подобающую ему высоту. Мне не совсем понятно, — тут она перевела взор на мою спутницу, — кто эта юная леди».

Я уже открыл рот, чтобы ответить, но в этот миг девушка сама вихрем ворвалась в разговор.

«Я скажу вам, кто я! — закричала она, вскакивая со стула с перекошенным от гнева ртом. — Я — его последняя любовница, одна из тех женщин, которых он соблазнил, довел до ручки, обесчестил и вышвырнул на свалку, как вскоре вышвырнет и вас! Только той свалкой, где будете лежать вы, вернее всего окажется могила. Может, оно и к лучшему. Знайте, глупая женщина: выйдя замуж за барона, вы вступите в брак с собственной смертью. Не ведаю, чем это кончится — разбитым сердцем или свернутой шеей, но тем или иным способом он с вами расправится. Я говорю это не из любви к вам: мне совершенно наплевать, умрете вы или нет. Я ненавижу его, я желаю ему зла и хочу отомстить за то, что он со мной сделал. Все это правда, и нечего так на меня глазеть, моя прекрасная леди, ибо вы можете пасть еще ниже, чем я, пока пройдете этот путь до конца!»

«Я бы предпочла не обсуждать этот вопрос, — холодно проговорила мисс де Мервиль. — Хочу сразу сказать, что в жизни моего жениха было три случая (и все они мне известны), когда коварным женщинам удавалось опутать его своими сетями, и что он от всего сердца раскаивается в том зле, которое когда-то кому-то причинил».

«Три случая! — возопила моя спутница. — Дура! Слов нет, какая вы дура!»

«Мистер Холмс, я нижайше прошу вас закончить нашу беседу, — ледяным тоном проговорила мисс де Мервиль. — Я уступила желанию отца и встретила с вами, но никто не заставит меня выслушивать оскорбления от этой особы».

Мисс Уинтер с проклятиями ринулась вперед и наверняка вцепилась бы в волосы этой дамы, не схвати я ее за руку. Я поволок ее к двери и сумел водворить обратно в кэб, счастливо избежав свары

при всем честном народе, ибо мисс Уинтер была вне себя от злости. Я и сам испытывал какую-то холодную ярость, Уотсон. В ее спокойной самодовольной отчужденности было нечто такое, отчего я вдруг почувствовал невыразимую злость. А ведь мы пришли туда, чтобы попытаться спасти эту женщину!

Ну вот, вы опять в курсе дела. Теперь, разумеется, придется придумать какой-нибудь новый ход, поскольку гамбит не удался. Буду держать с вами связь, Уотсон: я больше чем уверен, что вам еще предстоит сыграть свою роль, хотя следующий ход, возможно, сделаем не мы, а наши противники.

Так и случилось. Они нанесли свой удар. Вернее, он нанес свой удар, ибо я никогда не поверю, что юная леди тоже была к этому причастна. Думается, я смог бы показать вам даже ту каменную плиту в мостовой, на которой я стоял, когда мой взгляд натолкнулся на афишу и я почувствовал внезапный приступ ужаса. Это было между Гранд-отелем и Чаринг-кросским вокзалом, рядом с тем местом, где стоит одноногий продавец вечерних газет. Афишу напечатали через два дня после моей последней беседы с Холмсом. На желтом поле чернела ужасная надпись:

«Покушение на убийство Шерлока Холмса».

Несколько секунд я простоял, словно оглушенный. Смутно помню, как я схватил газету, как запричитал продавец, которому я не заплатил, и, наконец, как я стоял в дверях аптеки, листая газету в поисках роковой заметки. Вот что в ней говорилось:

«Редакция с прискорбием узнала, что мистер Шерлок Холмс, широко известный частный сыщик, нынче утром стал жертвой кровавого избиения, и теперь жизнь мистера Холмса висит на волоске. Мы не можем сообщить всех подробностей, но это событие, очевидно, произошло около полудня на Риджент-стрит, перед „Кафе-Ройял“. Двое нападавших были вооружены палками и нанесли мистеру Холмсу удары по голове и туловищу, причинив ранения, которые врачи считают очень серьезными. Холмса доставили в Чаринг-кросскую лечебницу, но затем по его настоянию отвезли домой на Бейкер-стрит. Негодяи, напавшие на него, были прилично одеты. Они скрылись от собравшихся вокруг

прохожих, пробежав через „Кафе-Ройял“ на расположенную за ним Тепличную улицу».

Излишне говорить, что я тут же ринулся на Бейкер-стрит, еще не успев дочитать заметку до конца. В прихожей я застал знаменитого хирурга сэра Лесли Окшотта, у тротуара стоял его кабриолет.

— Непосредственной опасности нет, — сообщил он. — Две рваные раны на черепе и несколько изрядных синяков. Пришлось наложить пару швов и ввести морфий. Необходим покой, однако короткую беседу не запрещаю.

Заручившись разрешением, я крадучись вошел в затемненную комнату. Страдалец не спал, и я услышал свое имя, произнесенное хриплым шепотом. Штора была спущена на три четверти, но в комнату проникал солнечный лучик и падал на забинтованную голову раненого. Кровь багровой полоской просочилась сквозь белую полотняную повязку. Я присел рядом с Холмсом и понурил голову.

— Все в порядке, Уотсон, к чему этот испуганный вид? — пробормотал он слабым голосом. — Дела не так плохи, как кажется.

— Слава Богу, коли так!

— Я все-таки умею бороться один на один с человеком, вооруженным палкой.

— Чем я могу вам помочь, Холмс? Их, конечно же, подослал тот проклятый субъект. Одно ваше слово, Холмс, и я пойду и сдеру с него шкуру!

— Добрый старый Уотсон! Нет, тут мы бессильны что-либо сделать, разве что полиция сцапает этих парней; однако их отход был хорошо продуман, в этом можете не сомневаться. Погодите немного, у меня тоже есть кое-какие замыслы. Первым делом необходимо преувеличить серьезность моих ранений. К вам явятся репортеры. Напугайте их, Уотсон. Дай Бог, чтобы я протянул неделю: сотрясение мозга, бред, все, что хотите! Перестараться тут невозможно.

— Но как же сэр Лесли Окшотт?

— О нем не беспокойтесь, он будет видеть меня в наихудшем состоянии. Об этом я позабочусь.

— Еще что-нибудь?

— Да. Велите Шинвелу Джонсону удалить девушку. Эти милашки теперь будут охотиться за ней. Им, конечно же, известно, что она участвовала в деле вместе со мной. Если уж они дерзнули напасть на меня, то ею вряд ли пренебрегут. Это срочно, удалите ее сегодня же вечером.

— Отправляюсь немедленно. Что еще?

— Положите на стол мою трубку и поставьте туфлю с табаком. Вот так! Заходите каждое утро, мы продумаем нашу кампанию.

Тем же вечером мы с Джонсоном сумели перевезти мисс Уинтер в тихий пригород и позаботились о том, чтобы она залегла на дно до тех пор, пока не минует опасность.

В течение шести дней публика пребывала в твердом убеждении, что Шерлок Холмс стоит у врат смерти. Сводки были удручающие, в газетах появлялись зловещие заметки. Мои частые приходы к Холмсу убедили меня, что все не так уж и плохо. Крепкий организм и твердая воля моего друга творили чудеса. Он быстро шел на поправку — как я временами подозревал, даже быстрее, чем хотел мне показать. Скрытность и таинственность, свойственные характеру этого человека, не раз приводили к театральным эффектам и в то же время заставляли даже ближайших друзей Холмса ломать голову, силясь догадаться, что у него на уме. Он довел до крайности аксиому, гласящую, что строить поистине тайные планы можно только в одиночку. Я был самым близким ему человеком, но даже я неизменно ощущал разделявшую нас пропасть.

На седьмой день швы сняли, но в вечерних газетах тем не менее появилось сообщение о рожистом воспалении. Те же вечерние газеты поместили объявление, которое я не мог не довести до сведения моего друга, здоров он или болен. В объявлении говорилось, что среди пассажиров парохода «Руритания», отплывающего из Ливерпуля в ближайшую пятницу, будет барон Адальберт Грюнер, которому необходимо уладить важные денежные дела в Штатах накануне бракосочетания с мисс Виолеттой де Мервиль, единственной дочерью и проч. Холмс выслушал известие с холодным сосредоточенным выражением лица, по которому я определил, что эта новость стала для него серьезным ударом.

— В пятницу! — воскликнул он. — Всего трое полных суток в нашем распоряжении. Похоже, негодяи решил обезопасить себя. Но ничего не выйдет, Уотсон! Клянусь Иисусом Христом, ничего не выйдет! Так, Уотсон, вы должны кое-что для меня сделать.

— Я здесь специально для этого, Холмс.

— В таком случае посвятите ближайшие двадцать четыре часа основательному изучению китайской керамики.

Он не дал никаких пояснений, да я их и не спрашивал, зная по долгому опыту, что благоразумнее всего делать так, как он велит. Но когда я вышел от Холмса и зашагал по Бейкер-стрит, разум мой терзала одна мысль: как же выполнить столь странное распоряжение? В конце концов я поехал в лондонскую библиотеку на Сент-Джеймс-скуэр, изложил дело своему приятелю Ломаксу, младшему библиотекарю, и отправился домой с увесистым томом под мышкой.

На следующий вечер я явился к Холмсу и был с пристрастием проэкзаменован. Он уже встал с постели, хотя догадаться об этом по печатным отчетам было нельзя, и сидел в глубинах своего любимого кресла, подперев рукой обмотанную бинтами голову.

— Право же, Холмс, — сказал я, — если верить газетам, вы при смерти.

— Именно такое впечатление я и хотел создать, — отвечал он. — Ну как, Уотсон, выучили уроки?

— Во всяком случае, попытался.

— Хорошо. Вы в состоянии вести умный разговор о предмете?

— Думаю, что в состоянии.

— Тогда передайте мне вон ту коробочку, что стоит на камине. Он откинул крышку и извлек из коробки маленькую вещицу, заботливо обернутую тонким восточным шелком. Развернув его, Холмс вытащил крохотное блюдечко тонкой работы прекрасного темно-синего цвета.

— Эта штукавина требует осторожного обращения, Уотсон. Настоящая керамика времен династии Мин. Не толще яичной скорлупы. У Кристи никогда не было таких искусно выполненных изделий. Целый сервиз стоит громадных денег, да и неизвестно, существует ли где-либо за пределами императорского дворца в Пекине такой полный набор. При виде этой штуки любой подлинный ценитель потеряет голову.

— Что я должен с ней сделать?

Холмс вручил мне карточку, на которой было напечатано: «Доктор Хилл Бартон, улица Хафмун-стрит, 369».

— На сегодняшний вечер это ваше имя, Уотсон. Вы пойдете к барону Грюнеру. Я немного знаком с его привычками. В половине девятого он, вероятно, будет свободен, О вашем приходе он

узнает заранее из записки. Вы напишете, что хотели бы принести ему предмет из совершенно уникального фарфорового сервиза, изготовленного в эпоху династии Мин. Вы медик. Эту роль вам удастся сыграть без натяжек. Вы собиратель. Блюдечко попало к вам в руки, и вы, зная о том, какой интерес питает барон к фарфору, были бы не прочь продать сервиз за хорошую цену.

— За какую цену?

— Отличный вопрос, Уотсон! Разумеется, вы загремите, если не будете знать стоимость своего товара. Это блюдечко мне достал сэр Джеймс, взяв его, насколько я понял, из коллекции своего клиента. Можно без преувеличения сказать, что второго такого в мире нет.

— Я мог бы предложить оценить сервиз у какого-нибудь знатока.

— Превосходно, Уотсон! Сегодня вы просто блистательны. Предложите обратиться к Кристи или Сотби. Деликатность мешает вам самому назначить цену.

— А если он не пожелает принять меня?

— Еще как пожелает. Он одержим манией собирательства в самой острой ее форме, особенно когда речь идет о предмете, в котором он слышет признанным авторитетом. Садитесь, Уотсон, я продиктую вам письмо. Ответа не нужно. Вы просто уведомите его, что придете, и сообщите, зачем.

Это был восхитительный документ — краткий, изысканный, дразнящий любопытство истинного ценителя. В должное время районный парнишка-рассыльный понес его по назначению. Тем же вечером я отправился навстречу своей судьбе, держа в руках драгоценное блюдечко и сунув в карман визитную карточку доктора Хилла Бартона.

Прекрасный дом и его окружение свидетельствовали о том, что барон Грюнер, как и говорил сэр Джеймс, был обладателем значительного состояния.

Дворецкий, способный украсить собою жилище епископа, впустил меня внутрь и передал облаченному в бархат лакею, который и привел меня к барону.

Тот стоял у открытой дверцы громадного шкафа, помещавшегося меж двух окон и содержавшего часть его китайской коллекции. При моем появлении он обернулся. В руках у барона была маленькая коричневая вазочка.

— Садитесь, доктор, прошу вас, — сказал он. — Я как раз делал смотр моим сокровищам и прикидывал, могу ли я позволить себе пополнить их. Возможно, вас заинтересует это изделие времен династии Тан. Седьмой век. Уверен, что прежде вам не доводилось видеть более искусной работы и богатой глазури. Вы принесли с собой то самое блюдечко эпохи Мин, о котором говорили?

Я осторожно распаковал блюдечко и протянул его барону. Он уселся за письменный стол, подвинул лампу, поскольку уже темнело, и принялся изучать фарфор. При этом лицо барона залил желтый цвет, и я смог спокойно рассмотреть его.

Это действительно был на редкость миловидный мужчина, вполне заслуженно слышавший в Европе красавцем. Не выше среднего роста, однако с грациозными и выразительными линиями фигуры. Лицо смуглое, почти восточное, с большими томными черными глазами, неодолимо привлекательными для любой женщины. Волосы и усы у него были иссиня-черные, причем коротко остриженные усики стояли торчком и были тщательно напояжены. Правильность этих миловидных черт нарушал лишь прямой тонкогубый рот. То был настоящий рот убийцы — жесткий и твердый, словно рубец, и плотно сжатый. Он свидетельствовал о бессердечии и производил ужасающее впечатление. Кто-то очень неудачно посоветовал Грюнеру расчесывать усы таким образом, чтобы они обнажали губы — этот сигнал опасности, подаваемый жертвам барона самой природой. Голос его звучал заволаживающе, а манеры были безупречны. Я бы дал ему чуть больше тридцати лет, хотя впоследствии мы узнали из документов, что барону было сорок два.

— Прелесть, просто прелесть! — сказал он наконец. — Вы говорите, у вас есть набор из шести штук? Удивительно, почему я прежде никогда не слыхал о таких чудесных изделиях. Я знаю, что в Англии есть только один набор, способный сравниться с вашим, и он вряд ли когда-нибудь появится на рынке. Не будет ли нескромным с моей стороны спросить, как вы завладели им, доктор Хилл Бартон?

— Так ли уж это важно? — ответил я с таким беспечным видом, какой только сумел на себя напустить. — Вы видите, что это подлинник, а что до его стоимости, так меня вполне устроит оценка знатока.

— Очень таинственно, — сказал барон, и его черные глаза подозрительно вспыхнули. — Когда имеешь дело с такими дорогими вещами, вполне естественно возникает желание узнать об условиях сделки все. Разумеется, это подлинник, тут у меня нет никаких сомнений. Но давайте допустим, что в один прекрасный день выяснится — а я обязан учитывать все возможности, — что вы не имеете права продавать его?

— Могу ручаться, что никаких претензий подобного рода не возникнет.

— И все же эта сделка поражает меня своей необычностью.

— Вы вправе принять ее или отказаться, — безразличным тоном ответил я. — Я решил обратиться с моим предложением сначала к вам, поскольку, как я понял, вы — истинный ценитель. Но я не встречу никаких затруднений в любом другом месте.

— А кто сказал вам, что я — истинный ценитель?

— Мне известно, что вы написали книгу о китайском фарфоре.

— Вы читали эту книгу?

— Нет.

— Боже мой! Мне становится все труднее и труднее понимать вас! Вы знаток и собиратель, в вашей коллекции есть очень ценный экспонат, и тем не менее вы даже не позаботились обратиться к единственной в мире книге, способной дать вам представление о подлинном значении и стоимости принадлежащего вам предмета! Как вы это объясните?

— Я очень занятой человек. Практикующий врач.

— Это не ответ. Если уж человек чем-то увлекся, он сумеет выкроить время для своего увлечения, как бы он ни был при этом загружен другими делами. А в вашем письме было сказано, что вы — большой любитель фарфора.

— Так оно и есть.

— Могу я задать вам несколько вопросов, чтобы проверить ваши знания? Должен сообщить

вам, доктор — если вы и правда доктор, — что дело принимает все более подозрительный оборот. Позвольте спросить, что вам известно об императоре Си и какая связь между ним и Сисоин возле Нары? Господи, неужели этот вопрос обескуражил вас?

Я с притворным возмущением вскочил со стула.

— Это уж слишком, сэр! Я пришел сюда, чтобы оказать вам любезность, а не сдавать экзамен, будто какой-нибудь школьник. Вполне вероятно, что я знаю об этом предмете гораздо меньше, чем вы, но я не намерен отвечать на вопросы, поставленные столь оскорбительным образом.

Он пристально посмотрел на меня. Истомы в глазах как не бывало. Вдруг они гневно сверкнули. Жесткие губы разомкнулись, обнажив тускло блестящие зубы.

— Что за игру вы ведете? Вы явились сюда шпионить за мной. Вас подослал Холмс! Вы хотите обвести меня вокруг пальца. Как я слышал, этот парень при смерти, вот он и посылает своих подручных следить за мной! Вы ввалились ко мне без приглашения, и, клянусь Богом, сейчас вы убедитесь, что выйти отсюда труднее, чем войти!

Он вскочил на ноги, и я отступил на шаг, приготовившись отразить нападение. Должно быть, он заподозрил меня с самого начала, а перекрестный допрос уж наверняка открыл ему истину. Так или иначе, но мне было совершенно ясно, что пытаться перехитрить его — безнадежное дело, Барон сунул руку в боковой ящик и принялся яростно рыться в нем. Потом его ухо уловило какой-то звук, и он замер, сосредоточенно прислушиваясь.

— Ага! — вскричал барон. — Ага! — И ринулся во внутренний кабинет.

Два шага, и я у распахнутой двери. Разыгравшаяся в комнате сцена четко и на всю жизнь запечатлелась в моей памяти. Окно, выходившее в сад, было раскрыто настежь, а возле него, словно какой-то жуткий призрак, стоял Шерлок Холмс. Голова его была обмотана кровавыми бинтами, белое лицо искажено. В тот же миг он выскочил в окно, и я услышал, как его тело с треском рухнуло в росшие на улице кусты лавра. Хозяин дома с яростным воплем бросился следом за Холмсом к открытому окну.

А потом! Это произошло в мгновение ока, но тем не менее я отчетливо все видел. Из гущи листвы стремительно высунулась рука — женская рука! В тот же миг барон издал страшный крик — вопль, который будет вечно звенеть у меня в ушах. Он прижал ладони к лицу и заметался по комнате, с силой ударяясь головой о стены, потом рухнул на ковер и начал кататься по нему, корчась и оглашая дом непрерывными криками.

— Воды! Ради Бога, дайте воды! — молил он.

Схватив с бокового столика графин, я бросился ему на помощь. В тот же миг из коридора в ка-

бинет вбежали дворецкий и несколько лакеев. Помню, как один из них лишился чувств, когда я спустился на колени возле раненого и повернул его страшное лицо к свету лампы. Купорос въедался в него, капая с подбородка и ушей. Один глаз уже покрылся бельмом и остекленел, второй воспалился и покраснел. Лицо, которым я любовался всего несколько минут назад, теперь было похоже на прекрасную картину, по которой живописец провел мокрой и грязной губкой. Черты его смазались, обесцветились и приобрели страшный, нечеловеческий вид.

Я в нескольких словах объяснил, каким образом произошло нападение. Кое-кто из слуг полез в окно, другие бросились на лужайку через двери, но было темно и начинался дождь. Крики жертвы перемежались яростными проклятиями в адрес мстительницы.

— Это Китти Уинтер! — вопил барон. — Чертова кошка! Дьяволица! Она за это заплатит! Заплатит! О, силы небесные, я не вынесу этой боли!

Я обмыл его лицо растительным маслом, наложил на раны вату и впрыснул барону морфия. Потрясение вытравило из его сознания все подозрения на мой счет, и он цеплялся за мои руки, словно в моей власти было прояснить взгляд этих устремленных на меня остекленевших глаз, похожих на глаза дохлой рыбы. Вид этого пепелища едва не заставил меня прослезиться, но я слишком хорошо помнил, что этот человек сотворил в жизни много зла, которое и навлекло на него столь ужасное возмездие. Его огненно-горячие руки впились в меня, и это было отвратительное ощущение.

Поэтому я облегченно вздохнул, когда мне на смену прибыл домашний врач больного в сопровождении специалиста по ожогам. Приехал и полицейский инспектор. Я вручил ему свою настоящую визитную карточку. Поступить иначе было бы глупо и бессмысленно, поскольку в Скотленд-Ярде меня знали в лицо почти так же хорошо, как и самого Холмса. Затем я покинул этот полный тоски и ужаса дом и менее чем через час был на Бейкер-стрит.

Холмс, бледный и изможденный, сидел в своем привычном кресле. Раны и события сегодняшнего вечера потрясли даже его стальные нервы. Он с ужасом выслушал мой рассказ о страшном преображении барона.

— Это расплата за грехи, Уотсон! Расплата за грехи! — воскликнул он. — Рано ли, поздно ли, но она непременно приходит. А грехов у него, видит Бог, хватает, — добавил Холмс, взяв со стола том в коричневом переплете. — Вот та самая книга, о которой рассказывала мисс Уинтер. Если уж она не расстроит свадьбу, стало быть, это и вовсе невозможно. Но она расстроит ее, Уотсон. Должна расстроить. Ни одна уважающая себя женщина не снесет такого оскорбления.

— Это дневник любовных походов барона?

— Или, скорее, дневник его распутства. Как хотите, так и называйте. В тот миг, когда мисс Уинтер рассказала нам о нем, я понял, что книга может стать сокрушительным оружием, если только нам удастся завладеть ею. Я тогда ни словом не обмолвился о своем замысле, но начал вынашивать его. Потом на меня напали, и я воспользовался этим нападением, чтобы внушить барону, что я для него безвреден и предосторожности излишни. Все складывалось очень удачно. Я бы выждал еще немного, но его отъезд в Америку вынудил меня действовать без промедления. Ведь барон наверняка забрал бы столь компрометирующий документ с собой. Ночной грабеж отпадал: барон осторожен. Зато в вечерние часы я мог попытаться счастья, если б наверняка знал, что его внимание отвлечено. Тут-то мне и понадобились вы с вашим синим блюдечком. Однако мне необходимо было совершенно точно установить местонахождение книги, поэтому в самый последний миг я прихватил с собой девушку. Сколько минут в моем распоряжении — зависело от объема ваших познаний в области китайской керамики. Откуда мне было знать, что там, в этом маленьком пакетике, который мисс Уинтер с такими предосторожностями несла под накидкой? Я-то думал, что она будет только помогать мне, но у нее, похоже, были там и свои дела.

— Барон догадался, что я пришел от вас.

— Я этого опасался. Но ваша игра отвлекла его, и я успел забрать книгу. Правда, на то, чтобы скрыться незамеченным, времени уже не хватило. А, сэр Джеймс! Как я рад, что вы пришли!

Наш выложенный приятель явился по заранее посланному приглашению. Он с глубочайшим вниманием слушал рассказ Холмса о случившемся.

— Вы свершили чудо! Чудо! — воскликнул он, выслушав историю. — Однако если раны барона так ужасны, как описывает их доктор Уотсон, этого обстоятельства нам с избытком хватит, чтобы

добиться нашей цели и сорвать женитьбу, не прибегая к помощи этой ужасной книги!

Холмс покачал головой.

— Женщина такого типа, как Виолетта де Мервиль, будет любить искалеченного страдальца еще крепче, чем здорового человека. Нет, нет, мы должны уничтожить его морально, а не физически. Эта книга — и только она одна — вернет девушку на землю. Книга написана почерком барона, мисс де Мервиль не сможет этого не заметить.

Сэр Джеймс унес с собой и книгу, и драгоценное блюдечко. Я и сам засиделся у Холмса дольше, чем нужно, и поэтому вышел на улицу вместе с полковником. Его ждал кабриолет. Сэр Джеймс вскочил в экипаж, отдал короткую команду кучеру, на голове которого красовалась кокарда, и быстро уехал. Он наполовину свесил из окна свое пальто, чтобы прикрыть им геральдические знаки на дверце, но это ничуть не помешало мне разглядеть их в ярком свете, падавшем из веерообразного оконца над дверью дома. Я задохнулся от изумления, затем повернулся и вновь поднялся по лестнице в комнату Холмса.

— Я выяснил, кто наш клиент! — воскликнул я, распираемый желанием поскорее выпалить великое известие. — Холмс, да это же...

— Это истинный рыцарь и верный друг, — сказал Холмс, жестом призывая меня к молчанию. — Давайте же раз и навсегда удовлетворимся этим.

Я не знаю, каким образом была пущена в дело порочащая барона книга. Это устроил сэр Джеймс. Или же, что более вероятно, столь щекотливое поручение было доверено отцу юной дамы. Во всяком случае, это возымело желаемое действие. Спустя три дня в «Утренней почте» появилась заметка, сообщавшая, что бракосочетание барона Адальберта Грюнера и мисс Виолетты де Мервиль не состоится. В той же газете был помещен первый отчет о слушании судебного дела, возбужденного против мисс Китти Уинтер по серьезному обвинению в нанесении увечий посредством купороса. На суде открылись такие смягчающие вину обстоятельства, что приговор, как вы помните, оказался самым мягким, какой только можно было вынести за такое преступление. Шерлоку Холмсу угрожали преследованием за кражу со взломом, однако, когда цель благородна, а клиент достаточно знатен, даже косный английский закон становится гибким и человечным. Моего друга так и не посадили на скамью подсудимых.¹

Человек с белым лицом

Мой друг Уотсон не отличается глубиной ума, зато упрямства ему не занимать. Вот уже сколько времени он уговаривает меня описать одно из моих дел. Впрочем, я сам, пожалуй, дал ему повод докучать мне этой просьбой, ибо не раз говорил, что его рассказы поверхностны и что он потворствует вкусам публики, вместо того чтобы строго придерживаться истины. «Попробуйте сами, Холмс!» — обычно отвечал он, и, должен признаться, едва взяв в руки перо, я уже испытываю желание изложить эту историю так, чтобы она понравилась читателю. Дело, о котором пойдет речь, безусловно, заинтересует публику — это одно из самых необычных дел в моей практике, хотя Уотсон даже не упоминает о нем в своих заметках. Заговорив о моем старом друге и биографе, я воспользуюсь случаем и объясню, пожалуй, зачем я обременяю себя партнером, распутывая ту или иную загадку. Я делаю это не из прихоти и не из дружеского расположения к Уотсону, а потому, что он обладает присущими только ему особенностями, о которых обычно умалчивает, когда с неумеренным пылом описывает мои таланты. Партнер, пытающийся предугадать ваши выводы и способ действия, может лишь испортить дело, но человек, который удивляется каждому новому обстоятельству, вскрытому в ходе расследования, и считает загадку неразрешимой, является идеальным по-

¹ The Adventure of the Illustrious Client

Впервые опубликовано в Collier's Weekly Magazine, Ноябрь 1924, с 4 иллюстрациями John Richard Flanagan, и в Strand Magazine, Фев.-Март 1925, с 8 иллюстрациями Howard K. Elcock.

мощником.

Судя по заметкам в моей записной книжке, мистер Джеймс М. Додд посетил меня в январе 1903 года, сразу же, как только закончилась война с бурами. Это был высокий, энергичный, обожженный солнцем англичанин. Старина Уотсон в то время покинул меня ради жены — единственный эгоистический поступок, совершенный им за все время, что мы знали друг друга. Я остался один.

У меня есть привычка садиться спиной к окну, а посетителя усаживать в кресло напротив, так, чтобы свет падал на него. Мистер Джеймс М. Додд, видимо, испытывал некоторое затруднение, не зная, с чего начать беседу. Я же не торопился прийти ему на помощь, предпочитая молча наблюдать за ним. Однако я не раз убеждался, как важно поразить клиентов своей осведомленностью, и потому решил наконец сообщить кое-какие выводы.

— Из Южной Африки, сэр, я полагаю?

— Да, сэр, — ответил он с некоторым удивлением.

— Имперский, кавалерийский полк территориальной армии, разумеется.

— Совершенно правильно.

— Мидлсекский корпус, несомненно?

— Так точно, мистер Холмс. Да вы чародей.

Видя его изумление, я улыбнулся.

— Когда ко мне приходит столь энергичный на вид джентльмен, с лицом, загоревшим явно не под английским солнцем, и с носовым платком в рукаве, а не в кармане, — совсем не трудно определить, кто он. У вас небольшая борода, а это значит, что вы не из регулярной армии. Выправка заправского кавалериста. Из вашей визитной карточки видно, что вы биржевой маклер с Трогмортон-стрит, — поэтому я и упомянул Мидлсекс. В каком же еще полку вы могли служить?

— Вы все видите!

— Не больше, чем вы, по я приучил себя анализировать все, что замечаю. Однако, мистер Додд, вы зашли ко мне сегодня утром не ради того, чтобы побеседовать об искусстве наблюдения, Так что же происходит в Таксбери-олд-парк?

— Мистер Холмс!..

— Мой дорогой сэр, я не делаю никакого открытия. Именно это место указано на бланке вашего письма, а из вашей настоятельной просьбы о свидании вытекает, что произошло нечто неожиданное и серьезное.

— Да, да, конечно. Но письмо написано в полдень, и с тех пор произошло многое. Если бы полковник Эмеворт не выгнал меня...

— Выгнал?!

— По существу, да. Суровый человек этот полковник Эмеворт. Трудно было сыскать в свое время более исправного армейского служаку, к тому же в армии в те годы грубость вообще считалась чем-то само собой разумеющимся. Я бы не стал связываться с полковником, если бы не Годфри.

Я закурил трубку и откинулся на спинку кресла.

— Может быть, вы объясните, о чем идет речь?

Мистер Додд усмехнулся.

— Я уже привык, что вы сами все знаете. Хорошо, я сообщу вам факты и надеюсь, что вы найдете им объяснение. Я не спал всю ночь, но чем больше ломал голову, тем невероятнее казалась мне вся эта история.

На военную службу я поступил в январе 1901 года, как раз два года назад, и попал в тот же эскадрон, где служил молодой Годфри Эмеворт. Он был единственным сыном полковника Эмеворта, того самого, что получил «Крест Виктории» в Крымской войне, — в жилах у Годфри текла солдатская кровь, и неудивительно, что он пошел добровольцем в армию. Лучшего парня не было во всем полку. Мы подружились, как могут подружиться только люди, которые ведут одинаковый образ жизни делят одни и те же радости и печали. Он стал моим другом, а в армии это много значит. Целый год мы участвовали в ожесточенных боях, вместе переживали и поражения и победы. Затем в сражении у Брильянт-хилл, близ Претории, он был ранен пулей из крупнокалиберной винтовки. Я получил от него два письма — одно из госпиталя в Кейптауне, другое из Саутгемптона. После этого, мистер Холмс, за шесть с лишним месяцев он не написал мне ни слова, не единого слова, а ведь он был моим ближайшим другом.

Ну вот. Как только кончилась война и мы вернулись по домам, я написал его отцу и попросил сообщить, что ему известно о Годфри. Никакого ответа. Через некоторое время я написал снова. На этот раз пришел короткий и грубый ответ. Годфри, говорилось в нем, отправился в кругосветное путешествие и вряд ли вернется раньше, чем через год. Вот и все.

Такой ответ не удовлетворил меня, мистер Холмс. Вся эта история показалась мне чертовски неправдоподобной. Такой парень, как Годфри, не мог забыть так быстро своего друга. Нет, это совсем на него не походило. Кроме того, случайно я узнал, что ему предстояло получить большое наследство и что он не всегда жил в согласии со своим отцом. Старик бывал очень груб, и самолюбивый юноша не хотел покорно переносить его выходки. Нет, нет, ответ отца меня не удовлетворил, и я решил разобраться, что произошло. К сожалению, в результате двухлетнего отсутствия дела мои пришли в расстройство, и только на этой неделе я смог вновь вернуться к истории с Годфри. Но уж если я вернулся, то теперь брошу все, а дело до конца доведу.

Мистер Джеймс М. Додд выглядел человеком, которого предпочтительнее иметь в числе друзей, нежели врагов. Его голубые глаза выражали непреклонность, а квадратный подбородок свидетельствовал о настойчивом и твердом характере.

— Ну и что же вы сделали? — поинтересовался я.

— Прежде всего я решил побывать у него в доме, в Таксбери-олд-парк, и выяснить обстановку на месте. Я предпринял лобовую атаку и написал его матери (с грубияном отцом я уже столкнулся и больше не хотел с ним связываться), что Годфри был моим приятелем, я мог бы рассказать много интересного о наших совместных переживаниях, и, так как скоро должен побывать в соседних с имением местах, не будет ли она возражать, если я... и т. д. и т. п. В ответ я получил вполне любезное приглашение остановиться на ночь у них. Вот почему я и отправился туда в понедельник.

Не так-то просто оказалось попасть в Таксбери-олд-парк: от ближайшего населенного пункта нужно было добираться до него миль пять. На станцию за мной никто не приехал, и мне пришлось отправиться пешком, с чемоданом в руке, так что, когда я пришел на место, уже почти стемнело. Дом — огромный и какой-то несуразный — стоял посреди большого парка. Я бы сказал, что в нем сочеталась архитектура разных эпох и стилей, начиная с деревянных сооружений елизаветинских времен и кончая портиком в викторианском стиле. Комнаты дома, где, казалось, блуждают тени прошлого и скрыты какие-то тайны, были обшиты панелями и украшены многочисленными гобеленами и полувыцветшими картинами. Старик дворецкий, по имени Ральф, был, наверно, не моложе самого дома, а его жена еще дряхлее. Несмотря на ее странный вид, я сразу почувствовал к ней расположение: она была нянькой Годфри, и я не раз слышал, как он называл ее своей второй матерью. Мать Годфри — маленькая, ласковая, седенькая, как белая мышь, старушка — тоже мне понравилась. Зато сам полковник никакой симпатии у меня не вызвал.

Мы поссорились с ним в первые же минуты, и я бы немедленно вернулся на станцию, если бы не мысль о том, что именно этого он, возможно, и добивается.

Едва я появился в доме, как меня сразу провели к нему в кабинет, где я увидел огромного сутулого человека с прокопченной — так мне показалось — кожей и седой растрепанной бородой; он сидел за письменным столом, заваленным бумагами. Покрытый красными жилками нос торчал, как клюв грифа, а из-под косматых бровей свирепо смотрели серые глаза. Теперь я понял, почему Годфри так неохотно говорил об отце.

— Ну-с, сэр, — пронзительным голосом начал он, — хотелось бы мне знать истинные причины вашего визита. Я ответил, что уже объяснил их в письме его жене. — Да, да, вы утверждаете, что знали Годфри в Африке. Но почему, собственно, мы должны верить вам на слово?

— У меня с собой его письма.

— Позвольте взглянуть.

Он быстро просмотрел два письма, которые я вручил, потом бросил их мне обратно.

— Ну и что же? — спросил он.

— Я привязался к вашему сыну Годфри, сэр. Нас связывала большая дружба, мы с ним много пережили. Меня, естественно, удивляет, почему он вдруг перестал писать мне. Я хочу знать, что с ним произошло.

— Насколько мне помнится, я уже писал вам и все объяснил. Он отправился в кругосветное путешествие. Служба в Африке отрицательно сказалась на его здоровье, и мы с его матерью решили, что ему необходимы полный отдых и перемена обстановки. Не откажите в любезности поставить об этом в известность всех других его приятелей.

— Разумеется, — ответил я. — Но будьте добры, назовите, пожалуйста, пароходную линию и корабль, на котором он отплыл, а также дату отплытия. Уверен, что мне удастся переслать ему письмо.

Моя просьба одновременно и озадачила и привела в раздражение моего хозяина. Его мохнатые брови нахмурились, он нетерпеливо забарабанил пальцами по столу. Наконец он взглянул на меня, и на его лице появилось то же самое выражение, какое бывает у шахматиста, оценившего все коварство очередного хода противника и решившего достойно его парировать.

— Мистер Додд, — сказал он, — многие на моем месте нашли бы вашу настойчивость возмутительной, переходящей в откровенную наглость.

— Моя настойчивость только доказывает, как искренне я привязан к вашему сыну, сэр.

— Не спорю. Именно поэтому я проявляю такую снисходительность. И тем не менее я вынужден просить вас отказаться от дальнейшего наделяния всяких справок. У каждой семьи есть свои глубоко семейные дела, и не всегда уместно посвящать в них посторонних, какими бы добрыми побуждениями те ни руководствовались. Моей жене очень хотелось бы услышать все, что вы знаете о военной жизни Годфри, но я прошу вас не задавать вопросов, относящихся к настоящему или будущему. Это ни к чему не приведет, а только поставит нас в щекотливое и даже трудное положение.

Я понял, мистер Холмс, что из расспросов ничего не выйдет. Мне оставалось лишь принять условия старика, но в душе я дал клятву не успокаиваться до тех пор, пока не выясню судьбу друга. Вечер прошел скучно. Мы втроем мирно поужинали в мрачной и какой-то поблекшей комнате. Старушка нетерпеливо расспрашивала меня о своем сыне, старик был угрюм и подавлен. Церемония ужина производила на меня столь тягостное впечатление, что под первым же благовидным предлогом я извинился и ушел в отведенную мне комнату. Это была большая, скудно обставленная комната на первом этаже, такая же мрачная, как и весь дом, но если в течение целого года единственным ложем человеку служила южноафриканская степь, мистер Холмс, он перестает быть чересчур разборчивым в отношении ночлега. Я раздвинул занавеси и выглянул в парк; вечер выдался великолепный, яркий лунный свет заливал все вокруг. Я уселся перед пылающим камином, поставил лампу на столик и попытался занять себя чтением романа. Дверь вдруг отворилась, и вошел старик дворецкий Ральф с корзиной угля в руках.

— Я подумал, сэр, что вам может не хватить угля па ночь. Комнаты эти сырые, а погода холодная.

Старик явно не спешил уходить, и, оглянувшись, я увидел, что он все еще топчется на месте с каким-то тоскливым выражением на морщинистом лице.

— Прошу прощения, сэр, но я нечаянно услышал, как вы рассказывали во время ужина о нашем

молодом господине Годфри. Вы знаете, сэр, моя жена нянчила его, а я люблю его, как отец. Нам тоже интересно о нем послушать. Так вы говорите, сэр, он был хорошим солдатом?

— В полку не было человека храбрее его. Если бы не Годфри, я, возможно, не сидел бы сейчас здесь — однажды он вытащил меня из-под обстрела.

Старик дворецкий потер костлявые руки.

— Да, сэр, да, узнаю нашего молодого господина Годфри! В смелости ему не откажешь. В нашем парке, сэр, нет ни одного дерева, на которое бы он не взбирался. Ничто не могло его остановить. Какой был замечательный мальчик, сэр, какой был замечательный молодой человек!

Я вскочил.

— Послушайте! — воскликнул я. — Вы сказали «был», словно речь идет о мертвом. Что-то вы все скрываете! Что случилось с Годфри Эмсвортом?

Я схватил старика за плечо, но он отшатнулся.

— Не понимаю, сэр, о чем вы толкуете. Спросите о молодом господине у хозяина. Он знает. А мне запрещено вмешиваться.

Он хотел уйти, но я удержал его за руку.

— Или вы ответите мне на один вопрос, или я продержу вас здесь всю ночь. Годфри мертв?

Старик не мог поднять на меня глаза. Он стоял, словно загипнотизированный, а когда собрался с силами и ответил, я услышал нечто ужасное и совершенно неожиданное.

— Уж лучше бы он был мертв! — воскликнул старик и, вырвавшись из моих рук, выбежал из комнаты.

Вы понимаете, мистер Холмс, в каком настроении я снова опустился в кресло. Слова старика могли означать только одно: либо мой бедный друг замешан в каком-то преступлении, либо, в лучшем случае, совершил недостойный поступок, затрагивающий честь семьи. Непреклонный старик услал куда-то сына, укрыл его от глаз людских, опасаясь, как бы скандал не выплыл наружу. Годфри был сорвиголова и легко поддавался влиянию окружающих. Несомненно, он попал в чьи-то дурные руки, его обманули и погубили. Жаль, конечно, если это так, но и сейчас мой долг состоял в том, чтобы найти его и выяснить, чем можно ему помочь. Погруженный в эти размышления, я машинально поднял глаза и увидел перед собой... Годфри Эмеворта... Мой клиент умолк, вновь охваченный волнением.

— Прошу вас, продолжайте, — сказал я. — История и в самом деле не совсем обычная.

— Он стоял за окном, мистер Холмс, прижимаясь лицом к стеклу. Я уже говорил вам, что незадолго до этого любовался парком, освещенным луной, и, очевидно, неплотно задвинул занавески на окно. В образовавшемся между ними просвете и стоял мой друг. Окно начиналось от самого пола, и я видел Годфри во весь рост, но прежде всего мне бросилось в глаза его лицо. Оно было мертвенно-бледное — ни у кого никогда я не видел такого бледного лица. Так, наверно, выглядят привидения, но когда наши взгляды встретились, я понял, что передо мной живой человек. Он заметил, что я смотрю на него, отскочил от окна и скрылся в темноте.

Вид Годфри, мистер Холмс, поразил меня. Не только это лицо, блевшее в темноте, словно ломоть сыра, но еще больше его жалкое, виноватое, какое-то приниженное выражение. Оно было так несвойственно прямодушному и мужественному юноше, каким я знал Годфри. Я содрогнулся от ужаса.

Но тот, кто провоевал год-другой, приучается сохранять хладнокровие и мгновенно принимать решения. Едва Годфри исчез, как я оказался у окна. Мне пришлось потратить некоторое время, чтобы справиться с замысловатым шпингалетом и распахнуть окно. Я выскочил в парк и побежал по тропинке, по которой мог скрыться Годфри.

Тропинка, казалось, не имела конца, среди деревьев царил полумрак, но все же — или зрение обманывало меня? — я заметил впереди что-то движущееся. Несколько раз на бегу я окликнул Годфри по имени. Добравшись до конца тропинки, я обнаружил еще несколько дорожек, разбегавшихся в разных направлениях к каким-то постройкам. Я в нерешительности остановился и тут же услышал стук закрывающейся двери. Звук долетел не из дома, оставшегося у меня за спиной, а откуда-то из темноты, впереди меня. Этого было достаточно, мистер Холмс, чтобы рассеять мои сомнения в реальности происходящего. Это был Годфри, и, скрываясь от меня в доме, он захлопнул за собой дверь. Я был твердо в этом убежден.

Мне не оставалось ничего другого, как вернуться в свою комнату, где я провел бессонную ночь, размышляя и пытаясь найти какое-то объяснение случившемуся.

На следующий день полковник разговаривал со мной более дружелюбным тоном, а когда его жена вскользь заметила, что места вокруг очень живописные, я воспользовался случаем и спросил, не очень ли помешаю им, если останусь еще на ночь. Старик, хотя и не очень охотно, ответил согласием, и таким образом я получил для своих наблюдений целый день. Я уже не сомневался, что Годфри скрывается где-то поблизости, но где и почему — эту загадку мне предстояло решить.

Дом был такой большой и так беспорядочно построен, что в нем мог бы укрыться целый полк, и никто бы об этом не узнал. Если разгадка тайны скрывалась в самом доме, мне нечего было и надеяться на успех. Но дверь, стук которой я слышал, находилась безусловно не в доме. Мне предстояли обследовать парк и выяснить, какие строения в нем расположены. Задача не представляла особой трудности, поскольку хозяева занимались своими делами и предоставили меня самому себе.

Неизвестный ушел, но, обернувшись через некоторое время, я заметил, что он стоит за Лавровыми кустами в дальнем конце сада.

Усадьба состояла из нескольких надворных построек, а в конце парка находился изолированный флигель, предназначенный, видимо, для садовника или егеря. Не здесь ли и хлопнула дверь накануне ночью? С небрежным видом, будто прогуливаясь по саду, я приблизился к флигелю. Как раз в это время невысокий энергичный человек с бородкой, в черном пальто и в шляпе-котелке, вышел из двери. Он совсем не походил на садовника. Выйдя из домика, он, к моему изумлению, закрыл дверь на замок и положил ключ в карман. Потом он с некоторым удивлением взглянул на меня.

— Вы здесь в гостях? — спросил он.

Я объяснил причины своего приезда и подчеркнул, что являюсь другом Годфри.

— Какая жалость, что ему пришлось отправиться в путешествие, — продолжал я, — наша встреча доставила бы ему удовольствие.

— Вот именно, — ответил он несколько сконфуженно. — Но ничего, вы еще побываете здесь в более подходящее время.

Неизвестный ушел, но, обернувшись через некоторое время, я заметил, что он стоит за Лавровыми кустами в дальнем конце сада и наблюдает за мной.

Продолжая прогуливаться, я внимательно осмотрел домик. Тяжелые шторы на окнах не позволяли заглянуть внутрь, но во флигеле, видимо, никого не было. Я чувствовал, что за мной по-прежнему наблюдают, и понял, что испорчу себе всю игру, если буду действовать слишком уж дерзко. Мне просто-напросто предложат убраться из поместья. Я решил отложить дальнейшие поиски до наступления вечера и не спеша вернулся в свою комнату. Как только стемнело и все кругом затихло, я выскользнул в окно и, соблюдая величайшую осторожность, прокрался к таинственному домику.

Я уже говорил, что тяжелые шторы не позволяли заглянуть внутрь, а теперь окна были закрыты еще и ставнями. Однако в одном месте сквозь них пробивалась полоска света, и я прильнул к окну. Мне повезло: шторы оказались задернутыми небрежно, в ставне нашлась узенькая щель, и я смог разглядеть все внутри. Это была довольно уютная, освещенная яркой лампой комната с пылающим камином. Напротив меня сидел невысокий человек — с ним я разговаривал сегодня утром. Он покурил трубку и читал газету...

— Какую? — поинтересовался я.

Мне показалось, что мой клиент несколько раздражен тем, что я перебил его.

— Разве это имеет значение? — спросил он.

— Имеет, и очень важное.

— Я не обратил внимания.

— Но, возможно, вы заметили, какого формата была газета — большая или размера еженедельника?

— Теперь, после вашего вопроса, припоминаю, что небольшого. Возможно, это был журнал «Спектейтор». Но у меня не было времени интересоваться подобными деталями, я увидел в комнате второго человека. Он сидел спиной к окну, и я готов был поклясться, что это Годфри. Его лица я не видел, но узнал своего друга по знакомой покатоности плеч. Он сидел, повернувшись к камину и опираясь на руку, и вся его поза выражала величайшую меланхолию. Пока я раздумывал, как поступить дальше, кто-то сильно толкнул меня в спину, и я увидел рядом с собой полковника Эмеворта.

— Идите за мной, сэр. — тихо проговорил он и молча направился к дому.

Мне не оставалось ничего другого, как последовать за ним в отведенную мне комнату. В вестибюле он захватил с собой железнодорожное расписание.

— Поезд в Лондон отправляется в восемь тридцать, — сказал он. — Двуколка будет ждать у подъезда в восемь.

Полковник даже побелел от ярости, а я испытывал такой стыд, что мог пролепетать в свое оправдание лишь несколько бессвязных фраз, объясняя свой поступок беспокойством за друга.

— Вопрос не подлежит обсуждению, — резко ответил полковник. — Вы нагло вмешались в частные дела нашей семьи. Вы приехали сюда как гость, а оказались шпионом. Нам не о чем больше говорить, хочу только добавить, что не имею ни малейшего желания еще раз встречаться с вами.

Я не сдержался, мистер Холмс, и заговорил со стариком с некоторой горячностью:

— Я видел вашего сына и убежден, что по каким-то причинам вы прячете его от всех. Не знаю, чем это вызвано, но не сомневаюсь, что он лишен возможности действовать по собственной воле. Предупреждаю вас, полковник Эмсворт, что до тех пор, пока я не получу доказательств, что жизни моего друга ничто не угрожает, я не откажусь от попыток до конца разобраться в этой тайне; я не позволю себя запугать, что бы вы ни говорили и ни делали.

Я опасался, что взбешенный старик вот-вот бросится на меня. Я уже сказал, что это был высокочеленный и энергичный старина-великан, и, хотя я и сам не из числа слабых, мне пришлось бы туго, если бы мы с ним схватились. Он долго с гневом смотрел на меня, потом резко повернулся и вышел. Я же сел в поезд, полный решимости немедленно обратиться к вам за советом и помощью. Письмо с просьбой о свидании я направил вам несколько раньше.

Такова была загадка, которую мне предложил мой посетитель. Проницательный читатель, вероятно, уже понял, что она не представляла особых трудностей, поскольку существовало всего два-три варианта ее решения. И все же, несмотря на простоту, она содержала несколько интересных и необычных деталей, что, собственно, и заставило меня выбрать ее, когда я взялся за перо. Применяя свой обычный метод, я продолжал сокращать количество возможных решений.

— Сколько всего слуг в доме? — спросил я.

— Если не ошибаюсь, только старик дворецкий и его жена. Эмеворты живут очень просто.

— Следовательно, во флигеле слуги не было?

— Нет, если только его обязанности не выполняет маленький человек с бородой. Однако он совсем не похож на слугу.

— Очень важное обстоятельство. Вы не замечали, пища доставляется во флигель из дома?

— Сейчас припоминаю, что однажды я видел, как Ральф шел по дорожке парка к флигелю с корзиной в руках. Но тогда мне и в голову не пришло, что он нес еду.

— Ну, а на месте вы наводили какие-нибудь справки?

— Да, я разговаривал с начальником станции и с хозяином деревенской таверны. Я интересовался, известно ли им что-нибудь о моем старом товарище Годфри Эмеворте. Оба они утверждали, что он отправился в кругосветное путешествие. По их словам, он вернулся домой из армии, но почти сразу же отправился путешествовать. Очевидно, это общее мнение.

— Вы ничего не говорили о своих подозрениях?

— Ни слова.

— Похвально. Дело безусловно нужно расследовать. Я поеду вместе с вами в Таксбери-олд-парк.

— Сегодня?

Случилось так, что в то время я заканчивал дело, названное моим другом Уотсоном «Приключением в школе аббатства», — в нем был серьезно замешан герцог Грейминстерский. Кроме того, я получил одно поручение от султана Турции, что требовало от меня немедленных действий, ибо в противном случае могли возникнуть самые неприятные политические последствия. Вот почему, судя по записям в моем дневнике, я только в начале следующей недели смог поехать в Бедфордшир вместе с мистером Джемсом М. Доддом. По пути на вокзал Юстоп мы прихватили с собой седого джентльмена — сурового и молчаливого; с ним я договорился заранее.

— Это мой старый приятель, — объяснил я Додду. — Возможно, его присутствия и не потребуется, по возможно, оно окажется необходимым. Пока нет смысла вдаваться в детали.

Из рассказов Уотсона, читатели несомненно знают, что я обычно не трачу слов впустую и не люблю раньше времени делиться своими мыслями. Додда удивляло мое поведение, но он молчал, и мы продолжали поездку. В поезде я задал мистеру Додду еще один вопрос: мне хотелось, чтобы его ответ услышал наш спутник.

— Вы, как мне помнится, сказали, что успели хорошо разглядеть лицо вашего друга в окне, настолько хорошо, что сразу его узнали. Это так?

— Никаких сомнений! Он прижался к стеклу вплотную, и свет лампы падал как раз на его лицо.

— Но, возможно, это был кто-нибудь другой, похожий на вашего друга?

— Нет и нет.

— Однако вы утверждали, что он изменился?

— Изменился только цвет его лица. Оно было — как бы вам сказать? — такого же белого цвета, как, скажем, живот рыбы. Словно выбеленное.

— Все или частично?

— Пожалуй, частично. Особенно мне бросился в глаза его лоб, когда он прижимался к стеклу.

— Вы окликнули Годфри?

— В ту минуту я был страшно удивлен и даже потрясен. Потом, как я уже рассказывал, я бросился за ним вдогонку, но безуспешно.

По существу, мне уже все было ясно, оставалось лишь уточнить одну небольшую деталь. После довольно продолжительной поездки мы добрались наконец до странного, беспорядочно построенного дома; дверь нам открыл старик-дворецкий Ральф. Коляску я нанял на весь день и попросил своего старого друга побыть в ней, пока мы его не позовем. На Ральфе, маленьком, морщинистом старичке, был обычный костюм — черный пиджак и брюки в полоску, но с одним курьезным дополнением. На руках у него я увидел коричневые кожаные перчатки. При нашем появлении он торопливо стянул их и положил на столик в вестибюле. Как уже, очевидно, отмечал мой друг Уотсон, я наделен отличным обонянием и потому сразу ощутил хотя и слабый, но характерный запах, исходивший, насколько я мог определить, от этого столика. Я повернулся, положил на него шляпу, как бы нечаянно столкнул ее на пол и, нагнувшись за ней, принялся. Да, странный дегтярный запах исходил, несомненно, от перчаток, оказавшихся, благодаря моей уловке, не больше чем в футе от моего носа. Направляясь в кабинет хозяина, я уже считал расследование закопченным. Какая жалость, что мне приходится самому выступать в роли рассказчика и раскрывать свои карты! Ведь только умалчивая до поры до времени о самых важных звеньях цепи, Уотсон умел так эффектно заканчивать свои истории.

Полковника Эмеворта в кабинете не оказалось, но, извещенный Ральфом, он вскоре предстал перед нами.

Сначала мы услышали в коридоре быстрые, тяжелые шаги. Потом распахнулась дверь, и в комнату ворвался ужасного вида старик. В руке он держал наши визитные карточки, которые тут же изорвал в мелкие клочки и, бросив на пол, принялся топтать.

— Разве я не советовал вам не совать свой проклятый нос в чужие дела? Разве не предупреждал, что не желаю вас больше видеть? Не вздумайте еще хоть раз показать мне свою гнусную физиономию! Коли вы осмелитесь снова появиться здесь без моего разрешения, я пристрелю вас, сэр! Такое же предупреждение, — он повернулся ко мне, — я делаю и вам. Мне известна ваша подлая профессия, но применяйте свои так называемые таланты где-нибудь в другом месте, только не здесь.

— Я никуда отсюда не уйду, — решительно заявил мой клиент, — пока не услышу от самого Годфри, что он в безопасности.

Наш нелюбезный хозяин звонком вызвал дворецкого. — Ральф, — распорядился он, — позвоните в полицию и попросите инспектора прислать двух полицейских. Объясните, что у меня и дома воры.

— Минуточку, — сказал я. — Вы должны понять, мистер Додд, что полковник Эмеворт поступает справедливо. Мы не имеем права вторгаться в его дом. Вместе с тем и ему надо понять, что ваши действия вызваны только беспокойством об его сыне. Позволю себе выразить надежду, что, если я получу возможность поговорить с полковником Эмевортом минут пять, мне безусловно удастся изменить его настроение.

— Не так легко меня переубедить, — отрезал старый вояка.

— Ральф, выполняйте приказание. Какого дьявола выждете? Звоните в полицию!

— Ничего подобного, — сказал я и встал в дверях. — Вмешательство полиции приведет к той самой катастрофе, которой вы так опасаетесь. — Я вынул блокнот, написал на нем всего лишь одно слово и передал вырванный листок полковнику Эмеворту.

— Вот поэтому-то мы и приехали сюда, — пояснил я.

Некоторое время он молча смотрел на листок из блокнота, и выражение его лица постепенно менялось. Оторвавшись наконец от листка, он в удивлении посмотрел на нас.

— Как вы узнали? — с трудом проговорил он, тяжело опускаясь в кресло.

— Я обязан был узнать. Такова у меня профессия. Наш хозяин погрузился в глубокое раздумье. Он сидел и молча теребил свою растрепанную бороду, погом махнул худой рукой, и этот жест означал, что старик вынужден покоряться обстоятельствам.

— Ну что ж, если вы желаете повидать Годфри, — пожалуйста. Я не хотел этого, по бессилению помешать. Ральф, скажите Годфри и мистеру Венту, что мы зайдем к ним минут через пять.

Когда истекло это время, мы прошли по дорожке через парк и очутились перед таинственным флигелем. У двери стоял невысокий бородатый человек и с удивлением смотрел на нас.

— Как все неожиданно, полковник Эмеворт! — воскликнул он. — Это расстраивает все наши планы.

— Ничего не могу поделать, мистер Кент. Нас вынудили. Как мистер Годфри?

— Он ждет.

Кент повернулся и провел нас в большую, просто обставленную гостиную. Спиной к камину стоял человек. Мой клиент бросился к нему с протянутой рукой.

— Годфри, старина!

Однако человек у камина знаком остановил его.

— Не прикасайся ко мне. Джимми, не подходи. Да, да, смотри на меня во все глаза. Я теперь не очень похож на бравого капрала Эмсворта из эскадрона «Б», не так ли?

Действительно, выглядел капрал Годфри Эмеворт по меньшей мере странно. Еще совсем недавно это был красивый, загоревший под африканским солнцем юноша, а сейчас его лицо покрывали беловатые пятна, кожа казалась как бы выбеленной.

— Вот почему я неприветлив с гостями, — заметил он. — Тебя-то я рад видеть, Джимми, однако не могу сказать того же о твоём знакомом. Он, вероятно, не случайно оказался здесь, но не знаю, что привело его сюда.

— Я хотел убедиться, что с тобой все в порядке, Годфри. Я видел, как ты вчера вечером заглядывал в мое окно, и решил во что бы то ни стало узнать, что у вас происходит.

— О твоём приезде мне рассказал старина Ральф, и я не мог удержаться, чтобы не взглянуть на тебя. Я надеялся, что ты не заметишь меня, и бросился со всех ног в свою нору, когда ты подошел к окну.

— Боже, по что же с тобой?

— Ну, объяснение не займет много времени, — ответил он, закуривая сигарету. — Ты помнишь утренний бой в Буффелспруите, около Претории, на Восточной железной дороге? Ты слышал, что я был тогда ранен?

— Да, слышал, но подробностей не знаю.

— Я и еще двое наших отстали от своей части. Если ты помнишь, местность там холмистая. Со мной были Симпсон, тот самый парень, которого мы называли Лысым Симпсоном, и Андерсон. Мы прочесывали участок, но солдаты противника хорошо укрылись и внезапно напали на нас. Симпсон и Андерсон были убиты, а я был ранен в плечо. Правда, мне удалось удержаться на лошади, и она проскакала несколько миль, прежде чем я потерял сознание и свалился с седла.

Когда я пришел в себя, уже наступила ночь, и хотя и ослаб и чувствовал себя очень плохо, все же сумел приподняться и осмотреться. С удивлением я обнаружил, что нахожусь недалеко от большого здания с широкой верандой и множеством окон. Было очень холодно. Ты помнишь этот отвратительный холод — он всегда наступал по вечерам, вызывая какое-то болезненное состояние и не имел ничего общего с бодрящей, здоровой прохладой. Так вот, я очень замерз, и мне казалось, что я выживу только в том случае, если доберусь до какого-нибудь крова. С трудом поднялся и потащился, почти не сознавая того, что делаю. Мне смутно помнится, как я медленно поднялся по ступеням крыльца, вошел через распахнутую дверь в большую комнату, где стояло несколько кроватей, и со вздохом облегчения бросился на одну из них. Постель не была заправлена, но меня это вовсе не беспокоило. Я дрожал и, натянув на себя простыни и одеяло, мгновенно погрузился в глубокий сон.

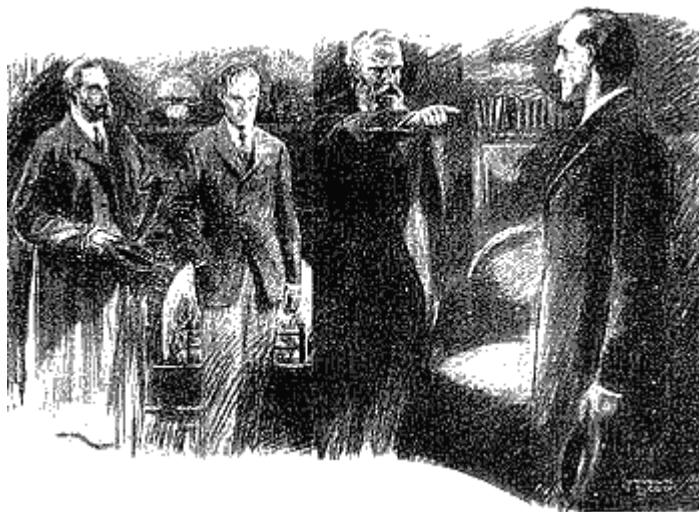
Проснулся я утром, и мне сразу же показалось, что какая-то сила перенесла меня из реального мира в царство кошмаров. В огромные, без занавесок окна вливались лучи африканского солнца и ярко освещали большую голую спальню с выбеленными стенами. Передо мною стоял низенький, похожий на гнома человек с головой-луковицей; он размахивал обезображенными, напоминавшими коричневые губки руками, и что-то возбужденно трещал по-голландски. За ним я увидел группу людей, которых, видимо, очень забавляла эта сцена. У меня же при взгляде на них стала стынуть кровь. Ни одного из них нельзя было назвать нормальным человеческим существом: изуродованные, искривленные, распухшие. Жуткое впечатление производил смех этих уродов.

Никто из них, кажется, не знал английского языка, но обстановка вскоре прояснилась, ибо существо с головой-луковицей уже пришло в ярость, с какими-то звериными возгласами ухватило за меня своими изуродованными руками и принялось стаскивать с кровати, не обращая внимания на то, что из моей раны снова хлынула кровь. Маленькое чудовище обладало звериной силой, и не знаю, что оно сделало бы со мной, не появившись в комнате какой-то пожилой человек, привлеченный шумом и, судя по манере держаться, обладавший определенной властью. Он бросил несколько сердитых слов по-голландски, и мой мучитель сейчас же оставил меня в покое. Потом человек повернулся и с величайшим изумлением уставился на меня.

— Каким образом вы оказались здесь? — не скрывая удивления, спросил он. — Одну минуту! Я вижу, вы утомлены и ранены. Я врач и сейчас перевяжу вас. Но, боже мой, здесь вам угрожает еще большая опасность, чем на поле боя. Вы попали в больницу для прокаженных и провели ночь в постели больного проказой.

Нужно ли рассказывать дальше, Джимми? Оказывается, в связи с приближением фронта все эти несчастные были накануне эвакуированы. После того как англичане продвинулись вперед, доктор — он оказался заведующим больницей — доставил своих пациентов обратно. Он сказал, что, хотя и считает себя невосприимчивым к проказе, все же не осмелился бы сделать то, что сделал я. Он поместил меня в отдельную палату, внимательно ухаживал за мной, а через неделю отправил в военный госпиталь в Преторию.

Вот и вся моя трагическая история. Вопреки всему я еще на что-то надеялся, но уже после возвращения домой ужасные знаки, которые ты видишь у меня на лице, дали знать, что болезнь не пощадила меня. Что мне оставалось делать? Наша усадьба расположена в уединенной местности. Нас обслуживают двое слуг, на которых мы могли полностью положиться. У нас есть флигель, где я мог жить. Врач, мистер Кент, согласился разделить со мной уединение и обязался хранить тайну. Казалось, все очень просто. А что ожидало меня, если бы мы открыли тайну моего заболевания? Пожизненная изоляция вместе с совершенно чужими людьми, без всякой надежды на освобождение. Нам оставалось только одно: соблюдать строжайшую тайну, иначе разразился бы скандал и ничто не спасло бы меня от ужасной участи. Даже тебя, Джимми, даже тебя пришлось держать в неведении! Ума не приложу, почему вдруг отец смягчился.

Полковник Эмеворт показал на меня. — Вот господин, вынудивший меня сделать это. — Он развернул листок бумаги, на котором я написал слово «Проказа». — Я решил, что если уж он знает так много, то будет безопаснее, если узнает все.

— Правильно, — ответил я. — Возможно, именно поэтому все закончится очень хорошо. Насколько я понимаю, пока лишь мистер Кент наблюдал своего пациента. Позвольте спросить, сэр: вы действительно специалист по таким заболеваниям?

— Я просто врач, — несколько сухо ответил мистер Кент.

— Не сомневаюсь, сэр, что вы вполне компетентный врач, но уверен, что вы не станете возражать, если вам предложат выслушать еще чье-то мнение. Если не ошибаюсь, вы пока не сделали этого из опасения, что вас заставят изолировать вашего пациента.

— Именно так, — подтвердил полковник Эмеворт.

— Я предвидел, что возникнет подобная ситуация, — продолжал я, — и привез с собой друга, на чье молчание вполне можно положиться. В свое время я оказал ему профессиональную услугу. И он готов дать совет скорее как друг, чем как специалист. Я говорю о сэре Джемсе Саундерсе.

Перспектива побеседовать со своим главнокомандующим не вызвала бы у младшего офицера такого энтузиазма, какой отразился на лице мистера Кента при моих словах.

— Буду весьма польщен, — пробормотал он.

— В таком случае я приглашу сюда сэра Джемса. Он ждет в коляске у ворот. Мы же, полковник Эмеворт, пройдем в ваш кабинет, где я сочту своим долгом дать вам необходимые разъяснения.

Именно сейчас я и почувствовал, как мне недостает моего Уотсона. Уж он-то всякими интригующими вопросами и возгласами удивления умеет возвысить мое несложное искусство до уровня чуда, хотя в действительности оно представляет собой не что иное, как систематизированный здравый смысл. Я же, выступая в качестве рассказчика, лишен возможности прибегать к подобным методам. Поэтому ограничусь тем, что изложу здесь ход своих рассуждений, как изложил его маленькой аудитории в кабинете полковника Эмеворта.

— Размышляя над всей этой историей, я исходил из предпосылки, что истиной, какой бы невероятной она ни казалась, является то, что останется, если отбросить все невозможное. Не исключено, что это оставшееся допускает несколько объяснений. В таком случае необходимо проанализировать каждый вариант, пока не останется один, достаточно убедительный. Применим сейчас этот метод к нашему случаю. В том виде, в каком дело было изложено мне впервые, оно допускало только три возможных ответа на вопрос, чем вызвано добровольное уединение или принудительное заключение этого джентльмена в имении отца: либо он скрывался от привлечения к ответственности за какое-то преступление, либо сошел с ума и родители не хотели посылать его в сумасшедший дом, либо у него обнаружили болезнь, требовавшую изоляции. Иных приемлемых объяснений я придумать не мог. Таким образом, предстояло сравнить и проанализировать каждый из этих трех вариантов.

Версия о преступлении не выдерживала серьезной проверки. Нераскрытых преступлений в этом районе не было. Я это твердо знал. Если же речь шла о не раскрытом пока преступлении, интересы семьи, несомненно, потребовали бы поскорее отделаться от виновника и отправить его за границу, а не прятать в доме. Поведение семьи казалось мне необъяснимым.

Более правдоподобной выглядела версия о сумасшествии. Присутствие второго человека во флигеле давало повод предполагать, что вместе с Годфри живет санитар. Тот факт, что, выходя, он закрыл за собой дверь на замок, лишь подтверждало подобную возможность и свидетельствовало о каких-то ограничениях, наложенных на больного. Вместе с тем эти ограничения, видимо, не носили слишком строгий характер, иначе молодой человек не мог бы выйти из флигеля, чтобы взглянуть на своего приятеля. Вы помните, мистер Додд, меня интересовало, какую газету или журнал читал мистер Кент. Я утвердился бы в своем предположении, если бы это оказался «Ланцет» или «Британский медицинский журнал». Душевнобольной может оставаться в частном доме, если за ним присматривает медицинский работник и предупреждены соответствующие власти. Но тогда к чему вся эта таинственность в поведении Эмсвортов? Объяснения я не находил.

Оставалась третья версия, почти невероятная, но все ставившая на свои места. Проказа в Южной Африке очень распространена, и вполне возможно, что в результате какой-то нелепой случайности юноша заразился страшной болезнью. Это поставило его родителей в исключительно трудное

положение, так как они, естественно, не хотели, чтобы их сына изолировали. Оставался один выход: постараться сохранить постигшее семью несчастье в тайне, не допустить возникновения слухов и избежать вмешательства властей. Не представляло трудности найти надежного медицинского работника, готового за соответствующее вознаграждение взять на себя уход за больным. Наконец, не было никаких оснований отказывать больному в некоторой свободе передвижения с наступлением темноты. Что касается белого лица юноши, то именно побеление кожи является одним из последствий заболевания проказой.

Это предположение показалось мне настолько убедительным, что я решил действовать так, словно оно уже подтвердилось. Мои последние сомнения рассеялись, когда я заметил, что Ральф носил еду в перчатках, пропитанных дезинфицирующим средством. Всего лишь одним словом, сэр, я дал вам понять, что ваш секрет раскрыт. Я мог бы произнести это слово, но предпочел написать, так как хотел показать вам, что мне можно довериться.

Я уже заканчивал свое краткое сообщение, когда раскрылась дверь и в ней появилась аскетическая фигура великого дерматолога. На этот раз черты его лица, напоминавшего в обычное время лик сфинкса, не казались суровыми, а глаза светились теплотой. Он не спеша подошел к полковнику Эмсворту и пожал ему руку.

— Чаще всего я приношу плохие вести, — сказал он, — но на этот раз пришел с хорошей новостью. Это не проказа.

— Что?!

— Бесспорный случай псевдопроказы, или ихтиоза, иногда еще называемого «рыбьей чешуей». Это вызывающее отвращение и с трудом поддающееся излечению заболевание кожи, к счастью, не заразно. Да, мистер Холмс, сходство поразительное! Но можно ли его назвать случайным? Разве нельзя предположить, что нервное потрясение, которое пережил молодой человек после соприкосновения с прокаженными, как раз и вызвало подобие того, чего он так боялся? Во всяком случае гарантирую своей профессиональной репутацией... Что это? Дама в обмороке! Побудьте с ней, мистер Кент, пока она не придет в себя. Это от радости.²

Камень Мазарини

Доктору Уотсону было приятно снова очутиться на Бейкер-стрит, в неприбранной комнате на втором этаже, этой исходной точке стольких замечательных приключений. Он взглянул на таблицы и схемы, развешанные по стенам, на прожженную кислотой полку с химикалиями, скрипку в футляре, прислоненную к стене в углу, ведро для угля, в котором когда-то лежали трубки и табак, и, наконец, глаза его остановились на свежем улыбающемся лице Билли, юного, но очень толкового и сообразительного слуги, которому как будто удалось перекинуть мостик через пропасть отчуждения и одиночества, окружавшую таинственную фигуру великого сыщика.

— У вас тут все по-старому. И вы сами нисколько не изменились. Надеюсь, то же можно сказать и о нем?

Билли с некоторым беспокойством посмотрел на закрытую дверь спальни.

— Он, кажется, спит, — сказал он.

Стояла ясная летняя погода, и было только семь часов вечера, однако предположение Билли не удивило доктора Уотсона: он давно привык к необычному образу жизни своего старого друга.

— Это означает, если не ошибаюсь, что ему поручено дело, не так ли?

— Совершенно верно, сэр. Он сейчас весь поглощен им. Я даже опасаясь за его здоровье. Он бледнеет и худеет с каждым днем и ничего не ест. Миссис Хадсон его спросила: «Когда вы изволите

² The Adventure of the Blanched Soldier

Впервые опубликовано в Liberty, Октябрь 1926, с 5 иллюстрациями Frederic Dorr Steele, и в Strand Magazine, Ноябрь 1926, с 5 иллюстрациями Howard K. Elcock.

пообедать, мистер Холмс?» — а он ответил: «В половине восьмого послезавтра». Вы ведь знаете, какой он бывает, когда увлечен делом.

— Да, Билли, знаю.

— Он кого-то выслеживает. Вчера он изображал рабочего, подыскивающего место. А сегодня нарядился старухой. И так похоже, что я совершенно не узнал его, а уж я бы, кажется, должен знать его приемы.

Усмехнувшись, Билли указал на необыкновенно потрепанный зонтик, прислоненный к дивану.

— Это одна из принадлежностей костюма старухи.

— Но какое у него на этот раз дело, Билли?

Билли понизил голос, словно речь шла о великой государственной тайне.

— Вам я, конечно, скажу, сэр. Но, кроме вас, этого никто не должен знать. Это то самое дело о бриллианте короны.

— Вы говорите о похищении камня в сто тысяч фунтов?

— Да, сэр. Они должны разыскать его во что бы то ни стало. И премьер-министр и министр внутренних дел были у нас и сидели вот на этом самом диване. Мистер Холмс был очень любезен с ними. Он совсем не важничал и пообещал сделать все, что только можно. И потом еще лорд Кантлмир...

— Вот как?

— Да, сэр, вы понимаете, что это значит. Он, если только можно так выразиться, ужасно заносчивый. Я могу иметь дело с премьер-министром и ничего не имею против министра внутренних дел — он производит впечатление воспитанного и любезного человека, — но этого лорда я совершенно не выношу. И мистер Холмс тоже. Дело в том, что он не верит в мистера Холмса и возражал против того, чтобы ему поручили дело. Мне кажется, он был бы даже рад, если бы мистер Холмс с ним не справился.

— И мистер Холмс это знает?

— Не было еще такого случая, чтобы мистер Холмс чего-нибудь не знал.

— Ну, я очень надеюсь, что он справится и лорд Кантлмир будет посрамлен. Послушайте, Билли, зачем эта занавеска на окне?

— Мистер Холмс повесил ее три дня тому назад. У нас там есть кое-что любопытное. — Билли подошел и отдернул занавесь, отделявшую комнату от оконной ниши.

Доктор Уотсон невольно вскрикнул от удивления. Перед ним в глубоком кресле сидела точная копия его старого друга, и халат и все остальное были в точности как у Холмса, лицо, на три четверти обращенное к окну, было слегка наклонено вниз, словно над невидимой книгой. Билли снял голову с туловища и подержал ее в руках.

— Мы придаем ей различные положения, чтобы было больше похоже на живого человека. Если бы штора не была спущена, я бы, конечно, не решился ее трогать. Когда штора не задернута, ее видно с той стороны улицы.

— Однажды у нас уже было что-то в этом роде.

— Меня тогда еще здесь не было, — сказал Билли. Он раздвинул шторы и выглянул на улицу. — За нами из того дома ведут наблюдение. Вон в окне человек, хотите посмотреть?

Уотсон сделал шаг вперед, но в это время дверь спальни отворилась, и оттуда появилась худая и длинная фигура Холмса; лицо его осунулось и побледнело, но держался он, как всегда, бодро. Одним прыжком он очутился у окна и поправил штору.

— Довольно, Билли, — сказал он, — вы рисковали жизнью, а как раз сейчас вы мне очень нужны. Рад вас видеть, Уотсон, в вашей старой квартире. Вы явились в критическую минуту.

— Я это чувствую.

— Можете идти, Билли. Не знаю, как быть с этим мальчиком. Насколько я вправе подвергать его опасности.

— Какой опасности, Холмс?

— Опасности внезапной смерти. Я не удивлюсь, если сегодня вечером что-нибудь произойдет.

— Но что именно?

— Например, меня убьют.

— Не может быть, Холмс, вы шутите!

— Даже при моем отсутствии юмора я мог бы придумать лучшую шутку. Но пока что мы можем наслаждаться жизнью, верно? Спиртные напитки вам не противопоказаны? Сифон и сигары на прежнем месте. Надеюсь, вы еще не презираете мой жалкий табак и трубку? В эти дни они должны заменить мне еду.

— Но почему вы отказываетесь от еды?

— Потому что голод обостряет умственные способности. Мой дорогой Уотсон, вы, как врач, должны согласиться, что при пищеварении мозг теряет ровно столько крови, сколько ее требуется для работы желудка. Я сейчас один сплошной мозг. Все остальное — не более чем придаток. Поэтому я прежде всего должен считаться с мозгом.

— Но вы говорили о какой-то опасности, Холмс?

— Ах да, на всякий случай вам, пожалуй, не мешает обременить свою память адресом и именем убийцы. Вы сможете передать эти сведения в Скотленд-Ярд в виде прощального приветствия от преданного Холмса, Его зовут Сильвиус, граф Негретто Сильвиус. Запишите: Мурсайд-Гарденс, 136, Норд-Вест. Готово?

Честное лицо Уотсона нервно подергивалось. Ему было слишком хорошо известно, что Холмс никогда не останавливался ни перед какой опасностью и скорее склонен был недооценивать ее, чем преувеличивать. Уотсон не привык тратить время даром и решительно поднялся.

— Можете располагать мной, Холмс, в ближайшие дни я совершенно свободен.

— В моральном отношении вы несколько не изменились к лучшему, Уотсон. Ко всем вашим старым порокам добавился еще один — вы научились лгать. Весь ваш вид говорит о том, что вы загруженный работой врач, которого осаждают больные.

— Среди них ни одного сколько-нибудь серьезного. Но разве вы не можете арестовать этого человека?

— Конечно, могу, Уотсон, поэтому-то он так и беспокоится.

— Так в чем же дело?

— Дело в том, что я не знаю, где бриллиант.

— Ах да, Билли рассказывал — бриллиант короны.

— Вот именно, огромный желтый камень Мазарини. Я расставил сети, и рыбка уже попалась, но я еще не получил камня. Какой мне толк забирать грабителей? Разумеется, мир станет лучше, если всех их посадить за решетку. Но у меня другая цель — мне нужен камень.

— Так, значит, граф Сильвиус — одна из попавшихся рыбок?

— Да, и при этом акула, которая кусается. Другой — Сэм Мертон, боксер. Сэм — неплохой парень, но граф использует его для своих целей. Он не акула, а всего только глупый большеголовый пескарь. Но все равно он тоже бьется в моих сетях.

— А где этот граф Сильвиус?

— Я сегодня все утро провел у него под самым носом. Вы ведь видели меня в роли старухи. Но так удачно, как в этот раз, у меня еще никогда не получалось. Граф даже поднял мой зонтик со сло-

вами «Позвольте мне, сударыня», он ведь наполовину итальянец и, как истинный южанин, умеет быть чрезвычайно любезным, если только он в духе, но если не в духе, — это сущий дьявол. Как видите, Уотсон, в жизни случаются прелюбопытные вещи.

— Но это могло кончиться трагически.

— Не спорю. Я шел за ним до мастерской старого Штраубензе на Майнорис. Ему там изготовили духовое ружье — великолепная штука, и, если не ошиблось, сейчас она находится в окне напротив. Вы видели манекен? Ах да, Билли вам показывал. В любой момент в эту прекрасную голову может угодить пуля. В чем дело, Билли?

Билли вошел с карточкой на подносе. Холмс взглянул на карточку; брови его поднялись, и на губах появилась усмешка.

— Он решил пожаловать сюда собственной персоной. Этого я не ожидал. Надо хватать быка за рога, Уотсон. Этот человек способен на все. Вы ведь, наверное, слышали, что граф — знаменитый охотник на крупного зверя. Если ему удастся заполучить в свой ягдташ и меня. Это будет достойным и блестящим завершением его спортивной карьеры. Он, конечно, чувствует, что я вот-вот его настигну. — Пошлите за полицией.

— Вероятно, я так и сделаю, но не сейчас. Поглядите хорошенько, Уотсон, нет ли кого на улице.

Уотсон осторожно выглянул из-за шторы.

— Какой-то верзила стоит около двери.

— Ну так это Сэм Мертон, преданный, но не слишком далекий Сэм. Где же этот джентльмен, Билли?

— В приемной, сэр.

— Когда я позвоню, впустите его.

— Слушаюсь, сэр.

— Если меня не будет в комнате, все равно впустите его.

— Слушаюсь, сэр.

Уотсон подождал, когда закроется дверь, и затем с горячностью обратился к своему собеседнику:

— Послушайте, Холмс, это просто невозможно. Это же отчаянный человек, он ни перед чем не остановится. Может быть, он пришел сюда, чтобы убить вас.

— Что же, я нисколько не удивлюсь.

— В таком случае, я останусь с вами.

— Ваше присутствие может очень помешать.

— Ему?

— Нет, мой дорогой, мне.

— И все-таки я не могу оставить вас одного.

— Нет, Уотсон, вы можете и должны это сделать, вы еще никогда не выходили из игры. Я уверен, что и на этот раз вы доведете ее до конца. Этот человек явился сюда ради своих целей, но, возможно, он останется здесь ради моих. — Холмс вытащил записную книжку и написал несколько строк. — Поезжайте в Скотленд-Ярд и передайте эту записку Югелу из отдела уголовного розыска. Возвращайтесь обратно с полицией, и тогда графа можно будет арестовать.

— Я охотно помогу вам в этом.

— Надеюсь, до вашего возвращения у меня как раз хватит времени, чтобы выяснить, где каменья.

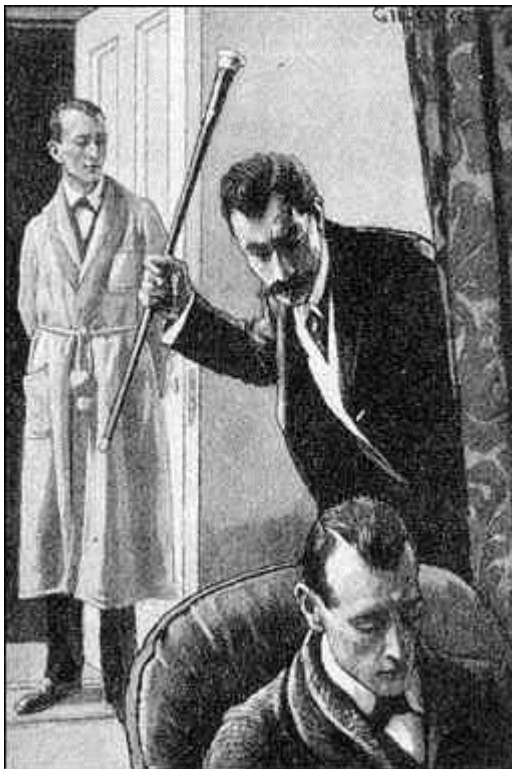
Холмс позвонил.

— Пожалуй, нам лучше выйти через спальню. Чрезвычайно удобно иметь второй выход. Я предпочитаю поглядеть на свою акулу так, чтобы она меня не видела, и, вы ведь знаете, для таких случаев у меня кое-что придумано.

Таким образом, когда через минуту Билли впустил Сильвиуса, в комнате никого не было. Знаменитый стрелок, спортсмен и франт был крупный смуглый мужчина, его огромные черные усы прикрывали тонкий жестокий рот, над которым нависал длинный крючковатый нос, напоминавший орлиный клюв. Он был хорошо одет, но его яркий галстук, сверкающая булавка и блестящие кольца

слишком резко бросались в глаза. Когда дверь за ним затворилась, он свирепо и вместе с тем испуганно огляделся, словно ожидая на каждом шагу ловушки. Вдруг он резко вздрогнул, заметив у окна безмятежно склоненную голову и воротник халата, видневшийся из-за спинки кресла. Сначала на его лице выразилось полнейшее изумление. Затем черные глаза убийцы радостно сверкнули. Он еще раз осмотрелся кругом, чтобы убедиться, что его никто не видит, и затем, приподняв свою тяжелую палку, подкрался на цыпочках к молчаливой фигуре. Он уже присел, чтобы сделать последний прыжок и нанести удар, как вдруг из открывшейся двери спальни его остановил спокойный и насмешливый голос Холмса:

— Смотрите, не разбейте ее, граф!

Убийца отступил назад, его перекошенное лицо выражало изумление. Он снова приподнял опущенную было трость, словно желая перенести свою ярость с изображения на оригинал, но в твердом взгляде серых глаз и насмешливой улыбке Холмса было что-то, заставившее его руку снова опуститься.

— Прелестная вещица! Работа французского мастера Тавернье. Он так же ловко делает восковые фигуры, как ваш приятель Штраубензе — духовые ружья.

— Духовые ружья? Не понимаю, сэр, что вы хотите этим сказать.

— Положите шляпу и трость на столик. Вот так, благодарю вас. И, пожалуйста, присядьте. Быть может, вы заодно вытащите и свой пистолет? Впрочем, если вы предпочитаете сидеть на нем, я не возражаю. Вы пришли очень кстати, мне необходимо с вами поговорить.

Граф угрожающе нахмурил свои густые брови.

— Я тоже хотел сказать вам пару слов, Холмс. Поэтому я и пришел. Не стану отрицать — я только что собирался разmozжить вам голову.

Холмс присел на краешек стола.

— Я так и понял, что вам взбрело на ум нечто подобное. Но почему я заслужил такое внимание с вашей стороны?

— А потому, что вы слишком много себе позволяете, мне это начинает действовать на нервы. Потому что вы рассылаете своих приспешников следить за мной.

— Я никого не посылал, даю вам честное слово.

— Не говорите глупостей. Я видел, что за мной следят. Но мы еще посмотрим, кто кого, Холмс.

— Разумеется, это мелочь, граф Сильвиус, но я попросил бы вас обращаться ко мне, соблюдая

правила вежливости. Вы понимаете, что по роду своей деятельности мне пришлось бы быть на ты с доброй половиной преступников, и согласитесь, что я не могу делать ни для кого исключения, дабы не вводить в соблазн других.

— Ладно, пусть будет мистер Холмс.

— Прекрасно! Однако, уверяю вас, вы ошибаетесь, утверждая, будто бы я пользуюсь агентами.

Граф Сильвиус презрительно рассмеялся.

— Не думайте, что я глупее вас и ничего не замечаю. Вчера это был какой-то спортсмен. Сегодня — старуха. Они ни на минуту не выпускали меня из виду.

— Вы мне льстите, сэр. Старый барон Даусон за день до того, как его повесили, сказал, что театр потерял в моем лице ровно столько же, сколько выиграло правосудие. А сегодня вы расхваливаете меня за мои маленькие перевоплощения.

— Так это... Так это были вы?

Холмс пожал плечами.

— Вон в углу стоит зонтик, который вы, еще ничего не подозревая, так вежливо вручили мне.

— Если бы я знал, вы бы никогда...

— Я бы никогда не увидел этого скромного жилища, хотите вы сказать? Я это хорошо понимал. Всем нам свойственны промахи, о которых мы потом сожалеем. Но так или иначе вы меня не узнали, и вот я сижу перед вами.

Нахмуренные брови графа, из-под которых угрожающе блестели глаза, сдвинулись еще плотнее.

— Что ж, тем хуже. Значит, это не ваши агенты, а вы сами скоморошничаете и суετε нос не в свое дело. Вы сами сознаетесь, что следили за мной. Зачем?

— Полноте, граф, вы ведь когда-то охотились на львов в Алжире.

— Ну так что?

— Позвольте вас спросить: зачем?

— Зачем? Ради спорта, ради сильных ощущений, ради риска.

— И, кроме того, вы хотели очистить страну от хищников?

— Совершенно верно.

— Теперь вам понятна моя цель?

Граф вскочил, и его рука невольно потянулась к заднему карману.

— Сядьте, сядьте, граф. У меня, кроме этого, есть еще и другая, более конкретная цель. Мне нужен желтый бриллиант!

Зловеще улыбаясь, граф Сильвиус снова опустился на стул.

— Вот как, — произнес он.

— Вы отлично знали, что ради этого я следил за вами, и вы только затем и явились сюда сегодня, чтобы выяснить, много ли мне известно и насколько необходимо меня устранить. Можете мне поверить, что с вашей точки зрения это абсолютно необходимо, так как я знаю все, за исключением одного факта, но я рассчитываю узнать о нем от вас.

— Неужели? Интересно, что же это за факт, которого вы не знаете.

— Где находится бриллиант сейчас?

Граф хитро взглянул на собеседника.

— И только-то? Но, черт возьми, как я могу вам это сказать?

— Можете, и вы это сделаете.

— Вы думаете?

— Граф Сильвиус, вам не удастся меня запугать.

Глаза Холмса, устремленные на Сильвиуса, сузились и угрожающе сверкнули, как стальные острия.

— Я вижу вас насквозь, как будто вы стеклянный.

— В таком случае, вы видите, где бриллиант.

Холмс радостно хлопнул в ладоши и затем выразительно поднял палец.

— Итак, вы знаете, где он, вы это сами признали.

— Ничего я не признавал.

— Послушайте, граф, если вы будете благоразумны, мы сможем заключить сделку, а иначе вам не поздоровится.

Граф Сильвиус вперил взор в потолок.

— Кто же кого запугивает — вы меня или я вас?

Холмс посмотрел на него в раздумье, словно гроссмейстер, собирающийся сделать решающий ход. Затем он выдвинул ящик стола и достал оттуда толстый блокнот.

— Знаете, что у меня в этой книжечке?

— Понятия не имею, сэр.

— Вы.

— Я?

— Да, сэр, вы! Вы тут весь — каждый шаг вашей гнусной и преступной жизни.

— Подите вы к черту, Холмс! — вскочил граф, сверкнув глазами. — Не выводите меня из терпения.

— Тут все записано, граф. Все, что касается смерти старой миссис Гаролд, оставившей вам свое владение в Блимере, которое вы так поспешно проиграли.

— Что за чушь!

— И вся история мисс Минни Уоррендер.

— Бросьте! Вы ничего из этого не выжмете.

— И много еще чего, граф. Ограбление в экспрессе по пути на Ривьеру 13 февраля 1892 года. И подделка чека Лионского банка в том же году.

— Ну уж тут вы ошиблись.

— Значит, я не ошибся во всем остальном. Послушайте, граф, вы ведь играете в карты. Какой смысл продолжать игру, если вы знаете, что у противника все козыри?

— Какое отношение имеет вся эта болтовня к драгоценному камню?

— Терпение, граф. Умерьте свою любознательность! Позвольте уж мне изложить дело со свойственной мне дотошностью. Все это улики против вас. Но, помимо этого, у меня есть еще неоспоримые улики по делу о бриллианте и против вас и против вашего телохранителя.

— Какие же это улики?

— Во-первых, показания кэбмена, с которым вы ехали на Уайт-холл, и кэбмена, который вез вас обратно. Во-вторых, показания швейцара, видевшего вас около витрины. И, наконец, у меня есть показания Айки Сандерса, который отказался распиливать вам камень. Айки донес на вас, так что игра сыграна.

Вены вздулись на лбу у графа. Стараясь подавить волнение, он судорожно сжимал смуглые волосатые руки. Он попробовал заговорить, но язык не слушался его.

— Вот мои карты. Я все их выложил перед вами. Но одной карты не хватает. Не хватает короля бриллиантов. Я не знаю, где камень.

— И никогда не узнаете.

— Вы так думаете? Ну будьте же благоразумны, граф. Взвесьте все обстоятельства. Вас посадят на двадцать лет. Так же, как и Сэма Мертон. Какой вам прок от камня? Ровно никакого. Но если вы его вернете, я вам обещаю, что дело не дойдет до суда. Ни вы, ни Сэм нам не нужны. Нам нужен камень. Отдайте его, и, если вы будете хорошо себя вести, я гарантирую вам свободу. Но если вы опять попадетесь, то это будет уже конец. А пока что мне поручено раздобыть камень, а не вас.

— А если я не согласен?

— Ну что ж, тогда придется взять вас, а не камень.

Холмс позвонил, и вошел Билли.

— Я полагаю, граф, что неплохо было бы пригласить на это совещание и вашего приятеля Сэма. Он как-никак тоже заинтересованная сторона. Билли, на улице, у подъезда, вы увидите огромного безобразного джентльмена. Попросите его подняться сюда.

— А если он откажется, сэр?

— Никакого насилия, Билли. Не обращайтесь с ним грубо. Если вы скажете, что его зовет граф Сильвиус, он непременно придет.

— Что вы собираетесь делать? — спросил граф, как только Билли вышел.

— Я только что говорил своему другу Уотсону, что в мою сеть попались акула и пескарь. Сейчас я тяну сеть, и обе рыбы показались из воды.

Граф поднялся со стула, держа руку за спиной. Холмс опустил руку в карман халата.

— Вам не суждено умереть в своей постели, Холмс.

— Да, я уже не однажды об этом думал. Но разве это так уж важно? Похоже, что и вы, граф, примете смерть не в горизонтальном, а в вертикальном положении. Впрочем, все эти мрачные прогнозы только портят настроение. Не лучше ли беспечно наслаждаться сегодняшним днем?

Темные враждебные глаза короля преступного мира внезапно вспыхнули, как у настоящего хищника. Вся фигура Холмса выражала напряжение и готовность в любой момент отразить удар; казалось, что от этого он сделался еще выше.

— Не стоит нащупывать револьвер, мой друг, — спокойно произнес он. — Вы очень хорошо знаете, что не осмелитесь пустить его в ход, даже если бы я дал вам время его вытащить. С этими револьверами не оберешься хлопот. От них так много шума, граф. Лучше уж пользоваться духовыми ружьями. А, я, кажется, слышу легкую поступь вашего достойного компаньона. Добрый день, мистер Мертон! Скучновато дожидаться на улице, не правда ли?

Премированный боксер, грузный молодой человек с глупым, упрямым и грубо обтесанным лицом неловко остановился в дверях, растерянно озираясь по сторонам. Любезный тон Холмса озадачил его, и, хотя Сэм смутно почувствовал в нем враждебность, он не знал, как себя вести. Он повернулся к своему более проницательному товарищу.

— Что тут происходит, граф? Чего ему надо? В чем дело? — Голос его звучал глухо и хрипло.

Граф пожал плечами. Вместо него Сэму ответил Холмс:

— Если говорить кратко, мистер Мертон, ваше дело проиграно.

Боксер продолжал обращаться к своему сообщнику:

— Шутит он, что ли? Так мне сейчас не до шуток.

— Это вполне понятно, — сказал Холмс. — И уверяю вас, что через час-другой вы будете настроены еще менее шутливо. Вот что, граф Сильвиус. Я человек занятой и не могу попусту тратить время. Сейчас я пройду в спальню. Прошу вас не стесняться в мое отсутствие. Без меня вам будет удобнее объяснить своему другу, как обстоит дело. Тем временем я сыграю на скрипке баркаролу из «Сказок Гофмана». Через пять минут я вернусь за окончательным ответом. Надеюсь, вы достаточно ясно уразумели, что вам приходится выбирать одно из двух: или мы заберем вас или камень.

Холмс удалился, прихватив с собой стоявшую в углу скрипку. Минуту спустя из-за закрытой

двери спальни послышались протяжные, жалобные звуки этой самой запоминающейся из мелодий.

— Так в чем дело? — спросил Мертон, когда его приятель повернулся к нему. — Он что, знает про камень?

— Будь он проклят, он знает слишком много, а может быть, и все.

— Черт! — Желтоватое лицо боксера слегка побледнело.

— Нас выдал Айки Сандерс.

— Айки? Ну, погоди, я ему сверну шею, хоть бы меня за это повесили.

— Нам от этого легче не станет. Надо решить, что делать.

— Обожди, — сказал боксер, подозрительно глядя на дверь спальни. — С этой хитрой лисицей надо держать ухо востро. Он не подслушивает?

— Как он может подслушивать, когда он играет?

— Это верно. А нет ли кого за занавеской? Слишком уж много тут занавесок.

Боксер стал осматриваться и вдруг в первый раз заметил у окна манекен; в немом удивлении он уставился на него, не в силах произнести ни слова.

— Это восковая кукла, и больше ничего, — объяснил граф.

— Подделка, да? А здорово, мадам Тюссо, небось, такое и не снилось. Прямо как живой, и халат и все остальное. Но черт бы побрал эти занавески, граф!

— Шут с ними, с занавесками, мы только зря тратим время, а у нас его не так уж много. Он может арестовать нас из-за этого камня.

— Черта с два!

— Но если мы скажем, где камень, он нас отпустит.

— Еще чего! Отказаться от камня в сто тысяч фунтов?

— Другого выхода нет.

Мертон почесал коротко остриженную голову.

— Послушай, он ведь тут один. Пристукнуть его, и все. Если мы его прикончим, нам нечего будет бояться.

Граф покачал головой.

— У него есть оружие, и он начеку. Если мы его застрелим, нам вряд ли удастся отсюда выбраться. К тому же он наверняка успел сообщить свои сведения полиции. Постой-ка! Что это?

Они услышали слабый звук, который, казалось, доносился со стороны окна. Оба вскочили, но все было тихо. Если не считать странной фигуры в кресле, в комнате, кроме них, никого не было.

— Это на улице, — сказал Мертон. — Ну так слушай, шеф, у тебя есть голова на плечах. Надо что-то придумать. Раз нельзя пустить в ход кулаки, тогда твое дело решать, как быть.

— Я еще и не таких обманывал, — отвечал граф. — Камень-то у меня с собой. В потайном кармане. Я бы ни за что не решился оставить его где-нибудь. Сегодня ночью его можно будет переправить в Амстердам, а там до воскресенья его успеют распилить на четыре части. Он ничего не знает о Ван Седдаре.

— Я думал, Ван Седдар поедет на той неделе.

— Он должен был ехать на той неделе, но теперь ему придется отправиться со следующим же пароходом. Кому-нибудь из нас надо проскользнуть с камнем на Лайм-стрит и предупредить его.

— Второе дно еще не готово.

— Ничего не поделаешь. Придется рискнуть и везти прямо так. Нельзя терять ни минуты.

И снова, как охотник, привыкший быть настороже, он замолчал и пристально посмотрел на окно. Да, этот слабый звук, несомненно, донесся с улицы.

— А Холмса ничего не стоит провести. Этот идиот, чтоб ему было неладно, сказал, что он нас не тронет, если получит камень. Ну, так мы пообещаем ему камень. Наведем его на ложный след, а пока он догадается, в чем дело, камень будет уже в Голландии, а мы сами — за границей.

— Вот это здорово! — довольно ухмыльнулся Сэм Мертон.

— Ты пойдешь к голландцу и скажешь, чтобы он поторапливался. А я возьму на себя этого простака и постараюсь заговорить ему зубы. Я скажу ему, что камень в Ливерпуле. Черт бы побрал эту музыку, она мне действует на нервы! Пока Холмс выяснит, что в Ливерпуле его нет, камушек будет поделен на четыре части, а мы будем в открытом море. Поди сюда, а то тебя видно через за-

мочную скважину. Вот он, камушек-то.

— Как ты не боишься носить его с собой?

— Это — самое надежное. Если уж мы ухитрились стащить его с Уайтхолл, из моей квартиры его всякий унесет.

— Дай-ка поглядеть.

Граф Сильвиус, не обращая внимания на протянутую грязную руку, бросил не слишком одобрительный взгляд на своего сообщника.

— Уж не думаешь ли ты, что я собираюсь тебя охмурить? Так вот, имейте в виду, граф, мне начинают надоедать ваши штучки.

— Ну ладно, ладно, Сэм, не обижайся. Нам нельзя сейчас ссориться. Если хочешь как следует разглядеть эту красоту, подойди сюда, к окну. На, держи поближе к свету.

— Благодарю вас.

В мгновение ока Холмс прыгнул с кресла, на котором раньше сидел манекен, и схватил бриллиант. В одной руке он зажал камень, а другой держал пистолет и целился в голову графа. В полном замешательстве оба мошенника отступили назад. Прежде чем они успели опомниться, Холмс нажал кнопку электрического звонка.

— Не вздумайте сопротивляться! Джентльмены, умоляю вас, поберегите мебель! Вам должно быть ясно, что ваше положение безнадежно. Полиция ждет внизу.

Граф был так ошеломлен, что злоба и страх отступили в эту минуту на второй план.

— Но, черт возьми, каким образом? — прохрипел он.

— Ваше удивление вполне естественно. Вы не знаете, что за этой занавеской есть вторая дверь, ведущая в спальню. Если не ошибаюсь, вы должны были слышать, как я снимал манекен с кресла. Но мне повезло, и я подслушал ваш милый разговор, который мог бы оказаться куда менее откровенным, знай вы о моем присутствии.

Граф стоял с видом человека, сложившего оружие.

— Ваша взяла. Холмс. По-моему, вы сущий дьявол.

— Очень может быть, — ответил Холмс, вежливо улыбаясь.

Туго соображающий Сэм Мертон не сразу понял, что произошло. И, только когда на лестнице раздались тяжелые шаги, к нему наконец вернулся дар речи.

— Не иначе как фараон. Но я вот чего не пойму: ведь эта проклятая скрипка все еще пиликает.

— Вы совершенно правы, — ответил Холмс, — пусть ее играет. Эти современные граммофоны — замечательное изобретение:

В комнату ворвалась полиция, щелкнули наручники, и преступников препроводили в ожидающий их кэб. Уотсон остался, чтобы поздравить Холмса еще с одним новым листком, украсившим его лавровый венок. Их разговор снова был прерван появлением невозмутимого Билли с подносом в руках.

— Лорд Кантлмир, сэр.

— Проводите его сюда, Билли. Это знаменитый пэр, представляющий интересы августейших особ, — сказал Холмс. — Человек верноподданный и в своем роде замечательный, но, если так можно выразиться, несколько старорежимный. Заставим его быть повежливее? Позволим себе небольшую вольность, а? Он, разумеется, еще ничего не знает о случившемся.

Дверь открылась, и на пороге появилась тонкая прямая фигура с продолговатым лицом; черные, как смоль, бакенбарды в средневикторианском стиле не вязались с покатыми плечами и неуверенной, старческой походкой. Холмс с самым любезным видом подошел к вошедшему и пожал его безответную руку.

— Добрый день, лорд Кантлмир. Сегодня довольно прохладно для летнего времени. Но в комнатах очень тепло. Позвольте, я помогу вам снять пальто.

— Благодарю, я не намерен раздеваться.

— Позвольте, я помогу вам! — настойчиво продолжал Холмс, кладя руку на рукав лорда. — Мой друг, доктор Уотсон, подтвердит, что резкие колебания температуры чрезвычайно вредны.

Его светлость раздраженно отдернул руку.

— Мне вполне удобно, и я не собираюсь задерживаться. Я заглянул сюда только для того,

чтобы узнать, как продвигается дело, которое вы сами на себя возложили.

— Трудно... очень трудно.

— Я так и знал, что вы это скажете.

В словах и тоне старого лорда явно чувствовалась насмешка.

— Каждый рано или поздно осознает, что его возможности ограничены, мистер Холмс. Но по крайней мере это излечивает нас от самоуверенности — столь свойственного людям порока.

— Признаюсь, сэр, я совершенно сбит с толку.

— Это вполне естественно.

— В особенности меня смущает одно обстоятельство. Не могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

— Вы слишком поздно обратились ко мне за советом. Мне казалось, что вы привыкли полагаться на свой ум во всех случаях жизни. Тем не менее я готов вам помочь.

— Видите ли, лорд Кантлмир, мы, конечно, можем составить обвинение против истинных похитителей камня.

— Когда вы их поймаете.

— Разумеется. Но какие меры воздействия нам следует применить по отношению к укрывателю?

— Не преждевременно ли задаваться подобным вопросом?

— Тем не менее все должно быть продумано заранее. На основании каких улик и кого, по-вашему, следует считать виновным?

— Того, у кого будет обнаружен камень.

— И вы сочли бы это достаточным основанием для ареста?

— Разумеется.

Холмс редко смеялся, но, по словам Уотсона, в эту минуту он был более чем когда-либо близок к смеху.

— В таком случае, дорогой сэр, как это ни прискорбно, я буду вынужден требовать вашего ареста.

— Вы слишком много себе позволяете, мистер Холмс, — не на шутку рассердился лорд Кантлмир, и его желтоватые щеки зарделись давно угасшим пламенем. — За пятьдесят лет моей общественной деятельности мне не приходилось слышать ничего подобного. Я деловой человек, на меня возложены серьезные обязанности, и мне некогда выслушивать глупые шутки. Скажу вам откровенно, сэр, я никогда не верил в ваши таланты, и, по-моему, было бы гораздо лучше, если бы дело поручили официальной полиции. Ваше поведение подтверждает, что я был прав. Имею честь пожелать вам спокойной ночи.

Но Холмс преградил пэру дорогу, встав между ним и дверью.

— Пойдите, сэр. Оказаться временным обладателем камня Мазарини — еще куда ни шло. Но если вы выйдете отсюда с камнем, это может повлечь за собой более серьезные обвинения.

— Сэр, это становится невыносимым. Дайте мне пройти.

— Сначала опустите руку в правый карман вашего пальто.

— Что это значит, сэр?

— Не спорьте, сэр, а повинуйтесь.

В следующую секунду пораженный пэр, мигая и бормоча что-то невнятное, стоял перед Холмсом, держав трясущейся руке огромный желтый бриллиант.

— Но как же... как же так, мистер Холмс?

— Ужасно! Ужасно, лорд Кантлмир! — вскричал Холмс. — Мой старый друг доктор Уотсон скажет вам, что я обожаю подобные мистификации. И, кроме того, я питаю слабость к драматическим ситуациям. Я положил камень — разумеется, это была большая вольность с моей стороны — к вам в карман в начале нашего разговора.

Старый пэр перевел взгляд с камня на улыбающееся лицо Холмса.

— Я, право, в замешательстве, сэр. Но это... это в самом деле камень Мазарини. Мы чрезвычайно обязаны вам, мистер Холмс. Быть может, у вас, как вы это сами заметили, несколько своеобразная манера шутить, и вы довольно неудачно выбираете время для шуток. Но я полностью беру

назад замечания, которые я позволил себе относительно ваших поразительных способностей сыщика. Но каким образом?

— Дело закончено еще только наполовину. Да и подробности не так уж существенны. Я не сомневаюсь, лорд Кантлмир, что удовольствие, которое вам доставит возможность сообщить о счастливом завершении дела в высших кругах, куда вы направляетесь, будет некоторым искуплением моей неуместной шутки. Билли, проводите его светлость и скажите миссис Хадсон, что я буду рад, если она подаст нам обед на двоих и как можно скорее.³

Происшествие на вилле «Три конька»

Мне кажется, ни одно из моих с Шерлоком Холмсом приключений не начиналось столь неожиданно и мелодраматически, как приключение, связанное с виллой «Три конька».

Я несколько дней не виделся с Холмсом и не представлял, по какому новому руслу направлялась тогда его энергия. В то утро мой друг был явно расположен к разговору. Но едва он успел усадить меня в потертое глубокое кресло у камина и удобно расположиться напротив с трубкой во рту, как явился посетитель. Если сказать, что тот вбежал, подобно разъяренному быку, — это точнее изобразило бы происшедшее. Дверь распахнулась внезапно, и в комнату ворвался огромный негр. Не окажись он так грозен на вид, его можно было бы назвать комичным — из-за вызывающего костюма в серую клетку и пышного оранжево-розового галстука. Широкое лицо с приплюснутым носом было наклонено вперед, а сердитые темные глаза, в которых горела скрытая угроза, всматривались то в одного из нас, то в другого.

— Который тут Шерлок Холмс, господа? — осведомился он.

Мой друг вяло усмехнулся и поднял вверх свою трубку.

— А, значит, вы? — произнес наш посетитель, обходя стол крадущейся, настораживающей походкой. — Послушайте-ка, масса Холмс, не суйте нос в чужие дела. Пусть люди в Харроу сами управляют с собственными проблемами. Уяснили, масса Холмс?

³ The Adventure of the Mazarin Stone

Впервые опубликовано в Strand Magazine, Октябрь 1921, 3 иллюстрации А. Gilbert, и в Hearst's International Magazine, Ноябрь 1921, 4 иллюстрации Frederic Dorr Steele.

— Ну что же вы, продолжайте! — воскликнул мой друг. — Это так интересно.

— Интересно, говорите? — почти крикнул свирепый незнакомец. — Если мне придется вас слегка разукрасить, черта с два, вы назовете это интересным. Я уже занимался такими типами, и выглядели они после всего далеко не интересно. Полюбуйтесь-ка, масса Холмс!

И негр помахал перед носом знаменитого сыщика своим внушительным кулаком, напоминавшим обломок скалы. Холмс, с нескрываемым интересом осмотрел сжатый кулак.

Возможно, ледяная холодность Холмса или звук, раздавшийся, когда я поднимал кочергу, сделали гостя несколько вежливее.

— Ну ладно! Я честно предупредил вас, — сказал он. — Кое-кто из моих знакомых очень, просто дальше некуда, горит желанием избавиться от вашего вмешательства. Понимаете, что я имею в виду? Я вам, конечно, не указ, но и вы мне тоже. Если сунетесь, я буду поблизости. Помните!

— Давно хотел побеседовать с вами, — сказал Холмс. — Не предлагаю сесть, поскольку не питаю к вам симпатий. Ведь перед нами Стив Дикси, бывший боксер-профессионал, не так ли?

— Да, это я, Стив Дикси. И масса Холмс наверняка почувствует это на собственной шкуре, если попытается морочить мне голову.

— Но ведь именно ею вы и пользуетесь менее всего, — ответил мой друг, пристально глядя на посетителя. — Может, лучше побеседуем об убийстве молодого Перкинса возле бара «Холборн»?

Негр отпрянул, и его лицо побледнело.

— Не терплю подобной болтовни, — сказал он. — Какое мне дело до Перкинса, масса Холмс? Я был в Бирмингеме. Тренировался в «Буллринг», когда этот парень нарвался на неприятности.

— Довольно! Можете убираться. От меня не скроетесь, все равно найду в случае необходимости.

— До свидания, масса Холмс. Надеюсь, не сердитесь за визит?

— Следовало бы рассердиться, если не скажете, кому понадобилось посылать вас сюда.

— Тут нет никакого секрета, масса Холмс. Этот человек — Барни Стокдейл.

— А под чью дудку плясал Стокдейл?

— Клянусь, не знаю, масса Холмс. Он просто сказал: «Стив, сходи проведай Шерлока Холмса и предупреди: если он сунется в Харроу, долго ему не прожить». Вот и все. Я говорю чистую правду.

Не дожидаясь дальнейших расспросов, наш гость выбежал из комнаты. Холмс, тихо усмехнувшись, выбил пепел из трубки.

— К счастью, вам не пришлось испытать на прочность его не слишком разумную голову, Уот-

сон. От меня не укрылись ваши маневры с кочергой. Но в действительности Дикси — довольно безобидный парень. Просто огромной силы несмышленный хвастливый ребенок. Заметили, как легко удалось его усмирить? Он из шайки Спенсера Джона. Замешан в их последних темных делишках, которые я непременно раскрою. Стивом Дикси командует непосредственно Барни Стокдейл — человек более хитрый. Они занимаются преимущественно запугиванием и избиением. Любопытно, кто стоит за их спинами в данном случае.

— А почему они решили вам угрожать?

— Причиной тому некое происшествие в Харроу. И сегодняшний визит заставляет меня обратить на нем особое внимание. Ведь если кто-то так беспокоится, дело должно быть любопытным.

— А что там случилось?

— Я как раз собирался рассказать, когда нас прервал этот нелепый фарс. Миссис Мейберли из Харроу прислала вот это письмо. Если вы готовы составить мне компанию, отправим ей ответ телеграфом — и немедленно в путь.

Письмо гласило:

«Уважаемый мистер Шерлок Холмс!

Я столкнулась с цепью непонятных событий, касающихся моего дома. Буду очень благодарна за совет. Жду Вас завтра в любое время. Вилла расположена всего в нескольких минутах пути от станции Уайлд. Мой покойный супруг, Мортимер Мейберли, кажется, был одним из Ваших первых клиентов. С почтением.

Мэри Мейберли.

Обратный адрес — «Три конька», Харроу Уайлд.

— Вот такая ситуация! — вымолвил Холмс.

Непродолжительное путешествие по железной дороге и еще более короткое на автомобиле — и мы оказались перед строением из кирпича и дерева, виллой, окруженной зеленой лужайкой. Лепные изображения над окнами верхнего этажа являли собой неубедительную попытку оправдать название. На заднем плане располагалась наводящая уныние рощица низкорослых сосен. В целом место выглядело невзрачно и оставляло гнетущее впечатление. Однако внутри дом был обставлен со вкусом, а встретившая нас пожилая дама оказалась симпатичной, отмеченной печатью истинно высокой культуры.

— Я хорошо помню вашего мужа, мадам, хотя прошло уже немало лет с тех пор, как он воспользовался моими услугами в одном пустяковом деле, — начал Холмс.

— Вероятно, вам лучше знакомо имя моего сына Дугласа?

Холмс взглянул на хозяйку с возросшим интересом.

— Вот как! Значит, вы — мать Дугласа Мейберли? Не скажу, что относился к кругу его близких друзей, но, как любой лондонец, много слышал о нем. Удивительная личность! А где он сейчас?

— Умер, мистер Холмс. Дуглас мертв! Его назначили атташе при нашем посольстве в Риме. В прошлом месяце он скончался там от воспаления легких.

— Простите... Не верится, что смерть властна над такими людьми. Более деятельного и энергичного человека мне не приходилось встречать. Жил в постоянном напряжении, не щадил себя...

— Именно, сэр. Это его и погубило. Помню, каким он был, — сама жизнерадостность и благородство. Немногим довелось увидеть угрюмое, мрачное, озабоченное создание, каким стал мой сын. За какой-то месяц, буквально на глазах, внимательный и почтительный мальчик превратился в усталого циника.

— Несчастливая любовь... Женщина?

— Скорее — демон. Только я пригласила вас, мистер Холмс, вовсе не для разговора о покойном сыне.

— Мы с доктором Уотсоном рады помочь вам.

— Здесь в последнее время стали происходить непонятные вещи. Прошло уже больше года с тех пор, как я перебралась в эту виллу. Живу замкнуто, практически не общаясь с соседями. А три дня назад меня посетил человек, назвавшийся агентом по торговле недвижимостью. Он сообщил, что

мой дом именно такой, какой необходим одному из клиентов. Тот готов заплатить большие деньги, если я соглашусь уступить «Три конька». Предложение выглядело странным, поскольку поблизости продается несколько вполне приличных вилл, но, естественно, не могло не заинтересовать меня. И я назначила цену на пятьсот фунтов выше той суммы, что заплатила сама. Мужчина не стал торговаться, только сказал о желании клиента одновременно приобрести и обстановку. Кое-что из мебели сохранилось у нас от старых времен, но, можете убедиться сами, все в хорошем состоянии. Так что сумму я назвала кругленькую. На нее также согласились немедленно. Мне давно хотелось попутешествовать, а сделка была выгодной и позволила бы ни от кого не зависеть до конца моих дней. Вчера агент явился с подготовленным договором. К счастью, я показала документ мистеру Сатро, моему адвокату, живущему здесь же, в Харроу, и тот сказал мне: «Контракт крайне необычен. Знаете, поставив под ним подпись, вы уже не сможете на законном основании вынести из дома ни единой вещи, включая ваши личные». Когда вечером агент пришел снова, я указала ему на подобную странность и добавила, что собиралась продать лишь мебель.

«Нет, нет. Именно все», — возразил он.

«Ну а моя одежда, драгоценности?»

«Для личных вещей будут сделаны некоторые исключения. Только без предварительной проверки из дома нельзя забирать ничего. Мой клиент довольно богат и щедр, но у него имеются определенные причуды и своя манера вести дела. Его условие: все или ничего».

«Тогда лучше ничего», — ответила я. На том и порешили. Однако происшедшее показалось мне необычным, и я решила...

Тут рассказ миссис Мейберли неожиданно оказался прерван. Холмс жестом попросил тишины, затем осторожно пересек комнату и, резко распахнув дверь, втащил внутрь высокую худую женщину, пойманную им за плечо. Та неуклюже сопротивлялась, словно крупный нескладный цыпленок, протестующий, когда его силой вырывают из родного курятника.

— Пустите! Что вы себе позволяете? — вопила она.

— Но в чем дело, Сьюзен? — удивилась хозяйка.

— Понимаете, мадам, я собиралась войти узнать, остаются ли гости к ленчу. А этот господин вдруг схватил меня.

— Я услышал, что кто-то находится за дверью, еще пять минут назад. Просто жаль было прерывать любопытную историю. Страдаете астмой, Сьюзен? Слишком шумно дышите для подобного

рода занятий.

Женщина повернула рассерженное и в то же время удивленное лицо к Холмсу, все еще державшему ее в плену.

— Кто вы такой? На каком основании так бросаетесь на людей?

— Просто хотел задать хозяйке один вопрос в вашем присутствии. Вы говорили кому-нибудь о своем намерении обратиться за советом ко мне, миссис Мейберли?

— Нет, мистер Холмс, никому.

— А кто отправлял письмо?

— Сьюзен.

— Вот как? Тогда скажите, Сьюзен, кому вы сообщили, что ваша хозяйка ищет помощи у меня?

— Это ложь! Не было ничего подобного!

— Послушайте, Сьюзен. Астматики обычно долго не живут. А говорить неправду, знаете, грешно. Так кого же вы оповестили?

— Сьюзен! — воскликнула миссис Мейберли. — Продажное негодное создание! Припоминаю сейчас, что видела, как вы разговаривали с каким-то мужчиной возле забора.

— Это мое личное дело!

— Положим, имя вашего собеседника мне известно и так. Барни Стокдейл. Так?

— Зачем спрашивать, если знаете?

— Полной уверенности не было, а теперь она появилась. Сьюзен, вы можете заработать десять фунтов, если расскажете, кто стоит за Барни Стокдейлом.

— Человек, способный выложить в сто раз больше денег, чем есть у вас.

— О, какой богатый мужчина! А, вы рассмеялись... Что, это женщина? Ну, коли уж мы докопались до таких тонкостей, очевидно, есть смысл назвать ее и получить свою десятку?

— Катитесь-ка к черту!

— Сьюзен, подбирайте выражения.

— Я уйду отсюда. Вы мне надоели! За вещами пришлю завтра. — Служанка бросилась к двери.

— Прощайте, Сьюзен. И примите что-нибудь успокоительное.

Но едва за раскрасневшейся взбешенной женщиной захлопнулась дверь, мой друг продолжил:

— Да, злоумышленники настроены серьезно. Посудите сами, какую рискованную игру они затеяли. На штемпеле письма, полученного мною от вас, стояло время 22.00. Сьюзен сообщила о нем Стокдейлу. Тому пришлось отправиться за инструкциями к своему нанимателю, который (или которая) разрабатывает план действий. Я склонен считать последнее более верным из-за усмешки Сьюзен, подметившей мою ошибку. Нанимают чернокожего Става Дикси, и на следующее же утро бывший боксер приходит запугать меня. Быстрая реакция, верно?

— Но что им нужно?

— В том-то и вопрос! Кто владел этим домом прежде?

— Морской капитан в отставке по фамилии Фергюсон.

— Чем примечателен?

— Насколько мне известно — ничем.

— А не мог ли он что-нибудь закопать здесь? Правда, сейчас сокровища чаще прячут в обычном банке. Но среди людей всегда находятся личности со странностями. Без них мир стал бы просто скучен. Потому на первых порах я подумал о некоем зарытом кладе. Однако в этом случае непонятно, зачем понадобилась мебель. У вас часом нет картины кисти Рафаэля или первого издания Шекспира, о которых вы умалчиваете?

— Не думаю, что обладаю большей редкостью, чем фарфоровый чайный сервиз XVIII века, изготовленный в Дерби.

— Ну, он едва ли способен стать причиной подобных таинственных событий. А кроме того, почему бы не сказать прямо, что именно им требуется? Если уж они так домогаются вашего чайного сервиза, проще предложить за него приличную цену, а не закупать все имущество целиком. Нет, насколько я понимаю, у вас есть нечто такое, о чем вы даже не подозреваете и с чем не пожелали бы расстаться добровольно.

— Мне тоже так кажется, — вмешался я.

— Если и доктор Уотсон согласен, остановимся на этой версии.

— Но, мистер Холмс, о чем же может идти речь?

— Попробуем выяснить методом логического анализа. Вы живете здесь уже год?

— Почти два.

— Тем более. И за все время никому ничего от вас не требовалось. А в последние три-четыре дня — вдруг такие срочные предложения.

— По-моему, возможен единственный вывод, — ответил я. — Интересующий их объект, чем бы он ни был, только что появился в доме.

— Миссис Мейберли, вспомните, имеются у вас какие-нибудь недавно приобретенные вещи?

— В этом году я не покупала решительно ничего.

— В самом деле? Тогда придется подождать дальнейшего развития событий и заодно уточнить некоторые детали. Кстати, ваш адвокат — надежный человек?

— О, на мистера Сатро можно положиться.

— У вас есть еще прислуга, кроме прекрасной Сьюзен, только что хлопнувшей парадной дверью?

— Да. Одна молодая девушка.

— Тогда попытайтесь убедить мистера Сатро в необходимости провести ночь-другую в «Трех коньках». Возможно, вам потребуется защита.

— От кого?

— Кто знает! Дело пока темное. Поскольку установить, за чем ведется охота, не удастся, попытаемся подойти к проблеме с другой стороны. Агент по торговле недвижимостью оставил свой адрес?

— Нет. Только эту карточку: Хейнес-Джонсон, аукционист и оценщик.

— Не думаю, что нам удастся найти такого в справочнике. Честные люди не скрывают адресов своих контор. Я берусь за ваше дело и доведу его до конца, можете быть спокойны. Все новости немедленно сообщайте мне.

Когда мы уже направлялись к выходу, взгляд Холмса, привыкшего замечать все детали, упал на несколько сундуков и чемоданов, сваленных в углу зала.

— Милан, Люцерн... Они из Италии?

— Это вещи Дугласа.

— Их не распаковывали? Давно они здесь?

— Прибыли на прошлой неделе.

— А вы говорили... Тут как раз и может таиться недостающее звено. Откуда вам известно, что в них нет ничего ценного?

— Там ценного просто быть не должно, мистер Холмс. Мой несчастный сын жил только на жалованье. Откуда взяться дорогим вещам при таком небольшом годовом доходе?

— И все же, миссис Мейберли, медлить не следует. Прикажите перенести вещи Дугласа к себе в спальню и осмотрите их как можно скорее. Завтра я приеду узнать о результатах.

Не вызывало сомнений, что вилла «Три конька» под пристальным наблюдением: когда мы, пройдя по аллее, оказались за высокой оградой, то увидели знакомого нам боксера. Он словно вырос из-под земли. Его грозная фигура в столь уединенном месте выглядела особенно злобещей, и Холмс поспешил опустить руку в карман.

— Ищете револьвер, масса Холмс?

— Нет, флакон с духами, Став.

— Вы шутник, масса Холмс, не так ли?

— Вам, Став, будет не до смеха, если вынудите меня заняться вашими делишками. Я ведь предупреждал сегодня утром.

— Ладно, масса Холмс. Поразмыслив над вашими словами, не желаю продолжать беседу об истории господина Перкинса. Допустим, Став Дикси не прочь оказать содействие Шерлоку Холмсу.

— Тогда ответьте: кто стоит за вами в этом деле?

— Чтоб мне провалиться, если я знаю, масса Холмс. Я сказал правду. Мой босс Барни просто дал указания, вот и все.

— Довольно! Только помните. Став, дама, живущая в «Трех коньках», и ее имущество находятся под моей охраной. Не забывайте!

— Хорошо, масса Холмс. Запомню!

Когда мы двинулись дальше, Холмс заметил:

— Он не на шутку испугался за собственную шкуру, Уотсон. Думаю, он выдал бы своего нанимателя, если б знал. К счастью, мне кое-что известно про шайку Спенсера Джона, а Дикси принадлежит к ней. Мне кажется, доктор, что все происходящее в Харроу как раз в компетенции Ленгдейла Пайка. Отправляюсь к нему прямо сейчас. Когда вернусь, ситуация должна несколько проясниться.

В тот день мне больше не довелось увидеть Холмса, но я легко мог предвидеть, чем именно занимался мой друг, поскольку Ленгдейл Пайк являл собой живой справочник по всем вопросам, касающимся светских скандалов. Это странное апатичное создание весь период бодрствования проводило у большого окна в клубе на Сент-Джеймс-стрит и служило своеобразным приемником и одновременно передатчиком любых сплетен, какие только имелись в Англии. Поговаривали, что Пайк зарабатывает десятки тысяч за статьи, поставляемые каждую неделю грязным бульварным газеткам, которые обслуживают любопытствующую публику. Едва только где-то далеко, в мутных глубинах лондонской жизни, возникали необычные водовороты или завихрения, как с механической точностью все они регистрировались на поверхности прибором по имени Ленгдейл Пайк. Иногда Холмс предусмотрительно снабжал Ленгдейла Пайка соответствующей информацией, и в отдельных случаях тот, в свою очередь, помогал знаменитому сыщику.

Когда на следующее утро я нашел своего друга в кабинете, вид Холмса свидетельствовал, что наши дела не столь уж плохи. Но тем не менее нас ожидал неприятный сюрприз в виде телеграммы следующего содержания:

«Приезжайте немедленно. Ночью ограблен дом клиентки. Полиция приступила расследованию.

Сампо».

Холмс присвистнул.

— Действие достигло кульминации, и притом гораздо скорее, чем я ожидал. За происшедшим ощущается мощная движущая сила, Уотсон. И это неудивительно, учитывая сведения, полученные от Пайка. Я допустил оплошность, не попросив вас, доктор, подежурить ночью на вилле. Юрист явно не оправдал надежд. Ну да ничего не остается, как вновь отправиться в Харроу Уайлд!

Сразу бросалось в глаза, что на сей раз «Три конька» заметно отличались от образцового дома, каким он был вчера. Перед воротами толпились зеваки: Двое полицейских осматривали окна и клумбы, засаженные геранью. Внутри нас встретил седовласый пожилой мужчина, представившийся адвокатом Сатро. Здесь же суетился румяный инспектор, который поприветствовал Холмса, как старинного приятеля.

— Думаю, мистер Холмс, данное дело не для вас! Самое обычное бесхитростное ограбление. Его вполне способна раскрыть и старомодная полиция. Крупные специалисты тут не требуются.

— Убежден, что расследование находится в надежных руках, — ответил знаменитый сыщик. — Значит, простая кража со взломом, вы говорите?

— Именно! Мы прекрасно осведомлены, чья это работа и где найти преступников. Это совершила банда Барни Стокдейла. В ней состоит негр. Их видели поблизости.

— Великолепно! А что похищено?

— Добыча налетчиков, кажется, оказалась невелика. Миссис Мейберли усыпили, а дом... Кстати, вот и сама хозяйка.

В комнату вошла наша вчерашняя знакомая, опиравшаяся на руку девушки-служанки.

— Вы дали мне правильный совет, мистер Холмс, — произнесла миссис Мейберли с горькой усмешкой. — Но, к сожалению, я ему не последовала. Не хотела беспокоить мистера Сатро. Вот и оказалась совершенно незащитной.

— Мне сообщили о случившемся сегодня утром, — пояснил адвокат.

— Мистер Холмс рекомендовал пригласить в дом кого-нибудь из друзей. Я пренебрегла его опытом и поплатилась за это.

— У вас крайне болезненный вид, — начал Холмс. — Сможете рассказать о происшедшем?

— Все уже записано здесь, — вмешался инспектор и похлопал по объемистой записной книжке.

— И тем не менее, если мадам не слишком устала...

— Поверьте, мне почти нечего сообщить. Не сомневаюсь, что злодейка Сьюзен помогла грабителям проникнуть в дом. Они знали расположение комнат как свои пять пальцев. На мгновение я ощутила мокрый лоскут, закрывший мне лицо. Не представляю, сколько лежала без чувств.

— Что они забрали?

— Едва ли исчезло что-то ценное. Я уверена, в сундуках моего сына подобного не было и в помине.

— Неужели бандиты не оставили следов?

— Лишь один листок... Бумажка валялась на полу. Она вся исписана рукой Дугласа.

— Нам от нее мало толку, — подвел итог инспектор. — Вот если бы там оказался почерк преступника...

— Несомненно, — вмешался Холмс. — Непокколебимый здравый смысл! Но все же любопытно взглянуть.

Инспектор достал из записной книжки свернутый лист.

— Никогда не прохожу мимо улики, даже столь ничтожных, — несколько напыщенно произнес он. — Советую и вам поступать так, мистер Холмс. Меня научил этому двадцатипятилетний опыт. Всегда есть шанс обнаружить отпечатки пальцев или еще что-нибудь.

Холмс принялся осматривать бумагу.

— Каково ваше мнение, инспектор?

— По-моему, эта история напоминает окончание странного романа.

— Да, это вполне может оказаться необычным финалом, — тихо промолвил Холмс. — Вы заметили номер в верхней части страницы? Двести сорок пять! А где остальные двести сорок четыре?

— Полагаю, их унесли грабители. Что и говорить — ценный трофей. Забираться в дом с намерением украсть подобную рукопись — по крайней мере, нелепо.

— А это не наводит вас ни на какие мысли?

— Полагаю, в спешке грабители просто схватили первое, что попало под руки. Все указывает на это. Пусть теперь радуются своей добыче. Видимо, не найдя ничего ценного на нижнем этаже, они решили попытаться наверху. Такова моя версия. А как считаете вы, мистер Холмс?

— Тут необходимо хорошенько поразмыслить. Уотсон, подойдите сюда, к окну.

Когда я встал рядом с Холмсом, тот прочел вслух написанное на обрывке листа. Первая фраза начиналась следующим образом:

«... по лицу текла кровь из ран от порезов и ударов. Но это не шло ни в какое сравнение с тем, как обливалось кровью его сердце при виде прекрасного лица, ради которого он готов был пожертвовать даже жизнью. Женщина засмеялась. Да, можно было поклясться чем угодно, что она именно смеялась, как безжалостный демон, в тот момент, когда он взглянул на нее. Мгновенно любовь умерла, и родилась ненависть. Ведь мужчина должен жить ради чего-то. Если не ради вашей взаимности, мадам, то уж наверняка ради моей мести, несущей вам погибель».

— Странное обращение с грамматическими формами, — с усмешкой сказал Холмс, возвращая бумагу инспектору. — Заметили, как «его» вдруг сменилось на «мое»? Автор настолько увлекся, что в критический момент поставил себя на место героя.

— Эта писанина кажется до ужаса бездарной, — сказал инспектор, кладя листок в записную книжку. — Как?! Вы уже уходите, мистер Холмс?

— Полагаю, что мне здесь больше нечего делать, поскольку дело расследуется столь компетентно. Кстати, миссис Мейберли, помнится, вы упоминали о желании попутешествовать?

— Давно мечтаю об этом, мистер Холмс.

— А куда бы вы хотели отправиться? Каир, Мадейра, Ривьера?

— О, будь у меня достаточно средств, я совершила бы кругосветное путешествие.

— Вот как! Значит, вокруг света... Ну что ж, до свидания. Не исключена возможность, что я черкну вам пару строк вечером.

Проходя мимо окна, я заметил, как инспектор усмехнулся и покачал головой. Ухмылка его словно говорила: «У ловких малых всегда есть свои заскоки».

Когда мы вновь окунулись в шум города, Холмс произнес:

— Теперь наше приключение подходит к последнему этапу, Уотсон. Думаю, следует, не откладывая, довести расследование до конца.

Мы сели в кэб и поспешили в направлении Гросвенор-скуэр. Холмс погрузился в глубокое раздумье, затем, словно внезапно очнувшись, промолвил:

— Уотсон, надеюсь, теперь вам все ясно?

— Не сказал бы. Я понял лишь то, что мы намерены навестить леди, стоящую за происшествием в Харроу.

— Именно! Но разве имя Айседоры Кляйн ни о чем не говорит вам? Известная светская красавица. Тут едва ли кто мог с ней сравниться. Чистокровная испанка, прямая наследница властных конкистадоров. Ее предки правили в Пернамбуко. Вышла замуж за пожилого сахарного короля из Германии — Кляйна — и вскоре оказалась самой богатой и привлекательной вдовой на свете. Настала пора развлечений. У нее было множество поклонников. В их числе оказался и Дуглас Мейберли — один из наиболее примечательных мужчин Лондона. По всей вероятности, у него это было серьезно. Не пустой светский кавалер, а человек сильный и гордый, он отдался чувству целиком и требовал того же взамен. А Айседора Кляйн представляла собой истинную героиню старинного романа — безжалостную красавицу.

— Значит, герой нашего повествования — он сам?

— О, наконец-то вы начали понимать. Я слышал, Айседора собирается замуж за молодого графа Ломонда. Тот годится ей почти в сыновья. Мать его светлости способна закрыть глаза на разницу в возрасте, но уж не на публичный скандал. Поэтому возникла необходимость... Да вот мы уже и прибыли.

Дом выглядел одним из наиболее изысканных в Уэст-Энде. Лакей, словно некий механизм, принял наши визитные карточки и скоро вернулся сообщить, что леди нет дома.

— Мы ее подождем, — бодро ответил Холмс.

Отлаженный механизм не выдержал.

— Нет дома — означает: нет для вас, — произнес он.

— Отлично! — сказал мой друг. — Следовательно, нам не придется тратить время на ожидание. Будьте любезны передать хозяйке эту записку.

Он черкнул несколько слов на листке из своего блокнота, свернул и отдал слуге.

— Что вы написали, Холмс? — поинтересовался я.

— Единственную фразу: «Неужели вы предпочитаете полицию?» Думаю, это поможет нам пройти в дом.

Так и случилось. Минуту спустя мы были уже в гостиной, напоминающей сказку «Тысячи и одной ночи», — огромной и великолепной. Немногочисленные розоватые светильники оставляли комнату в полумраке. Чувствовалось, что леди Кляйн уже достигла той поры жизни, когда даже самая надменная красота начинает отдавать предпочтение умеренному освещению.

С небольшого дивана поднялась высокая величественная женщина с прекрасной фигурой и милым неподвижным лицом. Удивительные глаза испанки глядели на нас, словно хотели испепелить.

— Как понимать ваше вторжение и оскорбительные намеки? — воскликнула Айседора Кляйн, протягивая записку.

— Разве объяснения необходимы, мадам? Я достаточно уважаю ваш ум, чтобы снизить до них. Правда, последние дни дали мне право несколько усомниться...

— Отчего же?

— Оттого, мадам, что вы решили запугать меня наемными громилами и тем самым отстранить от дела. Однако не учли вы одного — человек выбирает себе подобный род занятий, если его привлекают именно опасности. Таким образом вы сами заставили меня заняться расследованием дела Мейберли.

— Не имею понятия, о чем вы говорите. Какое отношение я имею к бандитам?

— Да, я действительно переоценил вашу сообразительность. Прощайте.

— Пойдите! Куда же вы?

— В Скотленд-Ярд.

Мы не успели пройти и половины пути к двери — Айседора Кляйн догнала нас и взяла моего друга за руку. В одно мгновение стальная твердость сменилась мягкостью бархата.

— Господа, давайте обсудим ситуацию. Чувствую, что могу говорить с вами откровенно, ми-

стер Холмс. Вы создаете впечатление истинного джентльмена. Инстинкт женщины безошибочен: я вижу в вас друзей.

— Не стану пока утверждать подобное о себе, мадам. Хотя я и не олицетворяю закон, но, насколько мне позволяют ограниченные мои полномочия, я являюсь представителем правосудия. Готов вас выслушать, после чего смогу сообщить, как намерен поступить дальше.

— О, конечно же, попытка запугать столь храброго человека была просто глупостью с моей стороны.

— Но еще неосмотрительней с вашей стороны было то, что вы, мадам, попали в зависимость от шайки злодеев, способных вас шантажировать и даже выдать полиции.

— Ну нет! Я не так проста. Раз уж пообещала быть искренней, то скажу все. Кроме Барни Стокдейла и его жены Сьюзен, никто не имел ни малейшего представления, на кого работал. А что касается тех двоих, им не впервой...

Айседора Кляйн улыбнулась с очаровательным кокетством, словно близкому знакомому.

— Понятно! Они уже испытаны вами.

— Да, это верные псы...

— Напрасно вы так верите им. Подобные создания могут и укусить руку, кормящую их. Стокдейлов непременно арестуют за участие в ограблении. Полиция охотится за ними.

— Они готовы принять наказание. За то им и платят. Мое же имя в деле упоминаться не будет.

— Если только я не сочту необходимым...

— О нет. Джентльмены не обходятся так с секретами, принадлежащими даме.

— Вам следует вернуть рукопись.

Айседора Кляйн рассмеялась и подошла к камину, где возвышалась обугленная черная масса.

— Неужели вот это вам может понадобиться? — осведомилась она.

Женщина, стоявшая перед нами с вызывающей усмешкой, выглядела дерзкой и одновременно изящной и привлекательной. Однако Холмс не пошел на поводу у сентиментальности.

— Тем самым вы решили свою участь, мадам, — холодно произнес он. — Ваши действия отличались быстротой и точностью, но теперь вы зашли слишком далеко.

— Не будьте так безжалостны, мистер Холмс. Я расскажу вам всю историю...

— Думаю, я теперь уже и сам способен сделать это.

— Но попытайтесь взглянуть на все моими глазами, мистер Холмс. Постарайтесь понять ситуацию, в какую попала женщина, чьи честолобивые устремления должны внезапно, в самый последний момент, рухнуть. Справедливо ли винить ее за попытку защититься? Да, Дуглас был славным юношей, но совсем не подходил для моих планов. Он хотел на мне жениться. Я не могла позволить себе вступить в брак с человеком без титула и денег. Поскольку сначала я была несколько уступчива, Дуглас вообразил, что может предъявлять мне претензии. Теперь это оказалось невыносимым, и в конце концов пришлось развеять его иллюзии...

— ...наняв хулиганов, избивших его прямо у ваших дверей?

— О, вы и в самом деле производите впечатление человека информированного. Да, это правда, мистер Холмс. Барни и его ребята обошлись с Дугласом, готова признать, достаточно грубо. Но что же Дуглас придумал в отместку? Могла ли я ожидать подобного от джентльмена? Он написал книгу, в которой изобразил собственную историю. И, конечно же, мне отвел в ней роль хищника, а себе — ягненка. Там рассказывалось обо всем, только имена, естественно, были вымышленными. Но разве хоть для одного лондонца истина осталась бы тайной? Как вы считаете, мистер Холмс?

— Он имел на это полное право.

— Воздух Италии словно вскружил ему голову и придал безжалостности. Дуглас написал мне письмо и одновременно прислал экземпляр своего творения. По его словам, один из двух экземпляров предназначен для меня, другой — для издателя.

— Откуда вам известно, что Дуглас Мейберли еще не привел свою угрозу в исполнение?

— Установить имя издателя не составило труда. Как удалось выяснить, из Италии ему пока не поступало ничего. И тут вдруг скоростная смерть Дугласа. Я не могла чувствовать себя в безопасности, пока где-то существовал еще один экземпляр рукописи. Скорее всего, рукопись должна была находиться среди его вещей, которые вернули матери, подумала я. И мои люди принялись за

работу. Сьюзен устроилась служанкой в дом миссис Мейберли. Я намеревалась действовать по справедливости. Поверьте, это так! Попыталась купить дом со всеми вещами. Была готова уплатить любую цену, названную хозяйкой. Но когда сделка сорвалась, пришлось обратиться к иным средствам. Поступить иначе оказалось невозможным, мистер Холмс. На карте стояло мое будущее.

— Ладно, — сказал Холмс. — Думаю, в данном случае придется отказаться от судебного преследования и потребовать компенсации. Во сколько обойдется кругосветное путешествие в каюте первого класса?

Айседора Кляйн взглянула на моего друга с удивлением.

— Пяти тысяч фунтов достаточно?

— Вполне, мадам, — ответил я.

А Холмс добавил:

— Хорошо, вы подпишете чек на такую сумму, и я сам позабочусь, чтобы миссис Мейберли получила деньги. Она заслужила того, чтобы на некоторое время переменить обстановку. Но вот что еще, мадам: будьте осторожнее. Нельзя постоянно играть острыми предметами, не порезав при этом свои нежные ручки.⁴

Вампир в Суссексе

Холмс внимательно прочел небольшую, в несколько строк записку, доставленную вечерней почтой, и с коротким, сухим смешком, означавшим у него веселый смех, перекинул ее мне.

— Право, трудно себе представить более нелепую мешанину из современности и средневековья, трезвейшей прозы и дикой фантазии. Что вы на это скажете, Уотсон?

В записке стояло:

«Олд-Джюри, 46 19 ноября

Касательно вампиров.

Сэр!

Наш клиент мистер Роберт Фергюсон, компаньон торгового дома «Фергюсон и Мюирхед, поставщики чая» на Минсинг-лейн, запросил нас касательно вампиров. Поскольку наша фирма занимается исключительно оценкой и налогообложением машинного оборудования, вопрос этот едва ли относится к нашей компетенции, и мы рекомендовали мистеру Фергюсону обратиться и Вам. У нас свежо в памяти Ваше успешное расследование дела Матильды Бригс.

С почтением, сэр, Моррисон, Моррисон и Додд».

— Матильда Бригс, друг мой Уотсон, отнюдь не имя молоденькой девушки, — проговорил Холмс задумчиво.

Так назывался корабль. В истории с ним немалую роль сыграла гигантская крыса, обитающая на Суматре. Но еще не пришло время поведать миру те события... Так что же нам известно о вампирах? Или и к нашей компетенции это не относится? Конечно, все лучше скуки и безделья, но, право, нас, кажется, приглашают в сказку Гримма. Протяните-ка руку, Уотсон, посмотрим, что мы найдем под буквой «В».

⁴ The Adventure of the Three Gables

Впервые опубликовано в Liberty, Сентябрь 1926, 6 иллюстраций Frederic Dorr Steele, и в Strand Magazine, Октябрь 1926, 4 иллюстрации Howard K. Elcock.

Откинувшись назад, я достал с полки за спиной толстый справочник. Кое-как приладив его у себя на колене, Холмс любовно, смакуя каждое слово, проглядывал собственные записи своих подвигов и сведений, накопленных им за долгую жизнь.

— «Глория Скотт»... — читал он. — Скверная была история с этим кораблем. Мне припоминается, что вы, Уотсон, запечатлели ее на бумаге, хотя результат ваших трудов не дал мне основания поздравить вас с успехом... «Гиля, или ядовитая ящерица»... Поразительно интересное дело. «Гадюки»... «Виктория, цирковая прима»... «Виктор Линч, подделыватель подписей»... «Вигор, Хаммерсмитское чудо»... «Вандербильт и медвежатник»... Ага! Как раз то, что нам требуется. Спасибо старику — не подвел. Другого такого справочника не сыщешь. Слушайте, Уотсон: «Вампиры в Венгрии». А вот еще: «Вампиры в Трансильвании».

С выражением живейшего интереса он листал страницу за страницей, читая с большим вниманием, но вскоре отшвырнул книгу и сказал разочарованно:

— Чепуха, Уотсон, сущая чепуха. Какое нам дело до разгуливающих по земле мертвецов, которых можно загнать обратно в могилу, только вбив им кол в сердце? Абсолютная ерунда.

— Но, позвольте, вампир не обязательно мертвец, — запротестовал я. — Такими делами занимаются и живые люди. Я, например, читал о стариках, сосавших кровь младенцев в надежде вернуть себе молодость.

— Совершенно правильно. Здесь эти сказки тоже упоминаются. Но можно ли относиться к подобным вещам серьезно? Наше агентство частного сыска обеими ногами стоит на земле и будет стоять так и впредь. Реальная действительность — достаточно широкое поле для нашей деятельности, с привидениями к нам пусть не адресуются. Полагаю, что мистера Роберта Фергюсона не следует принимать всерьез. Не исключено, что вот это письмо писано им самим, быть может, оно прольет свет на обстоятельства, явившиеся причиной его беспокойства.

Холмс взял конверт, пришедший с той же почтой и пролежавший на столе незамеченным, пока шло чтение первого письма. Он принялся за второе послание с веселой, иронической усмешкой, но постепенно она уступила место выражению глубочайшего интереса и сосредоточенности. Дочитав до конца, он некоторое время сидел молча, погруженный в свои мысли; исписанный листок свободно повис у него в пальцах. Наконец, вздрогнув, Холмс разом очнулся от задумчивости.

— Чизмен, Лемберли. Где находится Лемберли?

— В Суссексе, к югу от Хоршема.

— Не так уж далеко, а? Ну, а что такое Чизмен?

— Я знаю Лемберли — провинциальный уголок. Сплошь старые, многовековой давности дома, носящие имена первых хозяев — Чизмен, Одли, Харви, Карритон, — сами люди давно забыты, но

имена их живут в построенных ими домах.

— Совершенно верно, — ответил Холмс сухо. Одной из странностей этой гордой, независимой натуры была способность с необычайной быстротой запечатлевать в своем мозгу всякое новое сведение, но редко признавать заслугу того, кто его этим сведением обогатил. — К концу расследования мы, вероятно, узнаем очень многое об этом Чизмене в Лемберли. Письмо, как я и предполагал, от Роберта Фергюсона. Кстати, он уверяет, что знаком с вами.

— Со мной?

— Прочтите сами.

Он протянул мне письмо через стол. Адрес отправителя гласил: «Чизмен, Лемберли».

Я стал читать:

«Уважаемый мистер Холмс!

Мне посоветовали обратиться к Вам, но дело мое столь деликатного свойства, что я затрудняюсь изложить его на бумаге. Я выступаю от имени моего друга. Лет пять тому назад он женился на молодой девушке, уроженке Перу, дочери перуанского коммерсанта, с которым познакомился в ходе переговоров относительно импорта нитратов. Молодая перуанка очень хороша собой, но ее иноземное происхождение и чуждая религия привели к расхождению интересов и чувств между мужем и женой, и любовь моего друга к жене стала несколько остывать. Он даже готов был считать их союз ошибкой. Он видел, что некоторые черты ее характера навсегда останутся для него непостижимыми. Все это было особенно мучительно потому, что эта женщина, по-видимому, необычайно любящая и преданная ему супруга.

Перехожу к событиям, которые надеюсь наложить точнее при встрече. Цель этого письма лишь дать общее о них представление и выяснить, согласны ли Вы заняться этим делом. Последнее время жена моего друга стала вести себя очень странно, поступки ее шли совершенно вразрез с ее обычно мягким и кротким нравом. Друг мой женат вторично, и от первого брака у него есть пятнадцатилетний сын — очаровательный мальчик, с нежным, любящим сердцем, несмотря на то, что несчастный случай еще в детстве сделал его калекой. Теперешняя жена моего друга дважды и без малейшего повода набрасывалась на бедного ребенка с побоями. Один раз ударила его палкой по руке с такой силой, что от удара остался большой рубец.

Но все это не столь существенно по сравнению с ее отношением к собственному ребенку, прелестному мальчугану, которому не исполнилось и года. Как-то кормилица на несколько минут оставила его в детской одного. Громкий, отчаянный крик младенца заставил ее бегом вернуться назад. И тут она увидела, что молодая мать, прильнув к шейке сына, впилась в нее зубами: на шейке виднелась ранка, из нее текла струйка крови. Кормилица пришла в неопишуемый ужас и хотела тотчас позвать хозяина, но женщина умолила ее никому ничего не говорить и даже заплатила пять фунтов за ее молчание. Никаких объяснений засим не последовало, и дело так и оставили.

Но случай этот произвел страшное впечатление на кормилицу. Она стала пристально наблюдать за хозяйкой и не спускала глаз со своего питомца, к которому испытывала искреннюю привязанность. При этом ей казалось, что и хозяйка, в свою очередь, непрерывно за ней следит — стоило кормилице отойти от ребенка, как мать немедленно к нему кидалась. День и ночь кормилица стерегла дитя, день и ночь его мать сидела в засаде, как волк, подстерегающий ягненка. Конечно, мои слова кажутся Вам совершенно невероятными, но, прошу Вас, отнеситесь к ним серьезно, быть может, от того зависят и жизнь ребенка и рассудок его отца.

Наконец наступил тот ужасный день, когда стало невозможно что-либо скрывать от хозяина. Нервы кормилицы сдали, она чувствовала, что не в силах выдержать напряжение, и во всем ему призналась. Отцу ребенка ее рассказ показался таким же бредом, каким он, вероятно, кажется и Вам. Мой друг никогда не сомневался, что жена искренне и нежно его любит и что, если не считать этих двух нападений на пасынка, она такая же

нежная, любящая мать. Разве могла она нанести рану своему собственному любимому дитяти? Мой друг заявил кормилице, что все это ей померещилось, что ее подозрения — плод больного воображения и что он не потерпит столь злостных клевет на свою жену. Во время их разговора раздался пронзительный детский крик. Кормилица вместе с хозяином кинулась в детскую. Представьте себе чувства мужа и отца, когда он увидел, что жена, отпрянув от кровати, поднимается с колен, а на шее ребенка и на простынке — кровь. С криком ужаса он повернул лицо жены к свету — губы ее были окровавлены. Сомнений не оставалось: она пила кровь младенца.

Таково положение дел. Сейчас несчастная сидит, запершись в своей комнате. Объяснения между супругами не произошло. Муж едва ли не потерял рассудок. Он, как и я, плохо осведомлен о вампирах, собственно, кроме самого слова, нам ровно ничего не известно. Мы полагали, что это всего-навсего нелепое, дикое суеверие, не имеющее места в нашей стране. И вдруг в самом сердце Англии, в Суссексе... Все эти происшествия мы могли бы обсудить завтра утром. Согласны ли Вы меня принять? Согласны ли употребить свои необычайные способности в помощь человеку, на которого свалилась такая беда? Если согласны, то, прошу Вас, пошлите телеграмму на имя Фергюсона (Чизмен, Лемберли), и к десяти часам я буду у Вас.

С уважением Роберт Фергюсон.

P. S. Если не ошибаюсь, Ваш друг Уотсон и я однажды встретились в матче регби: он играл в команде Блэкхита, я — в команде Ричмонда. Это единственная рекомендация, которой я располагаю».

— Отлично помню, — сказал я, откладывая письмо в сторону. — Верзила Боб Фергюсон, лучший трехчетвертной, каким могла похвастать команда Ричмонда. Славный, добродушный малый. Как это похоже на него — так близко принимать к сердцу неприятности друга.

Холмс посмотрел на меня пристально и покачал головой.

— Никогда не знаешь, чего от вас ожидать, Уотсон, — сказал он. — В вас залежи еще не исследованных возможностей. Будьте добры, запишите текст телеграммы: «Охотно беремся расследование вашего дела».

— «Вашего» дела?

— Пусть не воображает, что наше агентство — приют слабоумных. Разумеется, речь идет о нем самом. Пошлите ему телеграмму, и до завтрашнего дня оставим все эти дела в покое.

На следующее утро, ровно в десять часов, Фергюсон вошел к нам в комнату. Я помнил его высоким, поджарым, руки и ноги как на шарнирах, и поразительное проворство, не раз помогавшее ему обставлять коллег из команды противника. Да, грустно встретить жалкое подобие того, кто когда-то был великолепным спортсменом, которого ты знал в расцвете сил. Могучее, крепко сбитое тело как будто усохло, льняные волосы поредели, плечи ссутулились. Боюсь, я своим видом вызвал в нем те же чувства.

— Рад вас видеть, Уотсон, — сказал он. Голос у него остался прежний — густой и добродушный. — Вы не совсем похожи на того молодца, которого я перебросил за канат прямо в публику в «Старом Оленьем Парке»⁵. Думаю, и я порядком изменился. Но меня состарили последние несколько дней. Из телеграммы я понял, мистер Холмс, что мне нечего прикидываться, будто я выступаю от имени другого лица.

— Всегда лучше действовать напрямик, — заметил Холмс.

— Согласен. Но поймите, каково это — говорить такие вещи о своей жене, о женщине, которой долг твой велит оказывать помощь и покровительство! Что мне предпринять? Неужели отправиться в полицию и все им выложить? Ведь и дети нуждаются в защите! Что же это с ней такое, мистер Холмс? Безумие? Или это у нее в крови? Сталкивались ли вы с подобными случаями? Ради всего святого, подайте совет. Я просто голову потерял.

⁵ Спортивный клуб в Ричмонде, около Лондона.

— Вполне вас понимаю, мистер Фергюсон. А теперь сядьте, возьмите себя в руки и ясно отвечайте на мои вопросы. Могу вас заверить, что я далек от того, чтобы терять голову, и очень надеюсь, что мы найдем способ разрешить ваши трудности. Прежде всего скажите, какие меры вы приняли? Ваша жена все еще имеет доступ к детям?

— Между нами произошла ужасная сцена. Поймите, жена моя человек добрый, сердечный — на свете не сыщешь более любящей, преданной жены. Для нее было тяжким ударом, когда я раскрыл ее страшную, невероятную тайну. Она даже ничего не пожелала сказать. Ни слова не ответила мне на мои упреки — только глядит, и в глазах дикое отчаяние. Потом бросилась к себе в комнату и заперлась. И с тех пор отказывается меня видеть. У нее есть горничная по имени Долорес, служила у нее еще до нашего брака, скорее подруга, чем служанка. Она и носит жене еду.

— Значит, ребенку не грозит опасность?

— Миссис Мэйсон, кормилица, поклялась, что не оставит его без надзора ни днем, ни ночью. Я ей полностью доверяю. Я больше тревожусь за Джека, я вам писал, что на него дважды было совершено настоящее нападение.

— Однако никаких увечий не нанесено?

— Нет. Но ударила она его очень сильно. Поступок вдвойне жестокий, ведь мальчик — жалкий, несчастный калека. — Обострившиеся черты лица Фергюсона как будто стали мягче, едва он заговорил о старшем сыне. — Казалось бы, несчастье этого ребенка должно смягчить сердце любого: Джек в детстве упал и повредил себе позвоночник. Но сердце у мальчика просто золотое.

Холмс взял письмо Фергюсона и стал его перечитывать.

— Кроме тех, кого вы назвали, кто еще живет с вами в доме?

— Две служанки, они у нас недавно. В доме еще ночует конюх Майкл. Остальные — это жена, я, старший мой сын Джек, потом малыш, горничная Долорес и кормилица миссис Мэйсон. Больше никого.

— Насколько я понял, вы мало знали вашу жену до свадьбы?

— Мы были знакомы всего несколько недель.

— А Долорес давно у нее служит?

— Несколько лет.

— Значит, характер вашей жены лучше известен горничной, чем вам?

— Да, пожалуй.

Холмс что-то записал в свою книжку.

— Полагаю, в Лемберли я смогу оказаться более полезным, чем здесь. Дело это, безусловно, требует расследования на месте. Если жена ваша не покидает своей комнаты, наше присутствие в доме не причинит ей никакого беспокойства и неудобств. Разумеется, мы остановимся в гостинице.

Фергюсон издал вздох облегчения.

— Именно на это я и надеялся, мистер Холмс. С вокзала Виктория в два часа отходит очень удобный поезд — если это вас устраивает.

— Вполне. Сейчас в делах у нас затишье. Я могу целиком посвятить себя вашей проблеме. Уотсон, конечно, поедет тоже. Но прежде всего я хотел бы уточнить некоторые факты. Итак, несчастная ваша супруга нападала на обоих мальчиков — и на своего собственного ребенка и на вашего старшего сынишку?

— Да.

— Но по-разному. Вашего сына она только избила.

— Да, один раз палкой, другой раз била прямо руками.

— Она вам объяснила свое поведение в отношении пасынка?

— Нет. Сказала только, что ненавидит его. Все повторяла: «Ненавижу, ненавижу...»

— Ну, с мачехами это случается. Ревность задним числом, если можно так выразиться. А как она по натуре — ревнивая?

— Очень. Она южанка, ревность у нее такая же яростная, как и любовь.

— Но мальчик — ведь ему, вы сказали, пятнадцать лет, и если физически он неполноценен, тем более, вероятно, высоко его умственное развитие, — разве он не дал вам никаких объяснений?

— Нет. Сказал, что это без всякой причины.

— А какие отношения у них были прежде?

— Они всегда друг друга недолюбливали.

— Вы говорили, что мальчик ласковый, любящий.

— Да, трудно найти более преданного сына. Он буквально живет моей жизнью, целиком поглощен тем, чем я занят, ловит каждое мое слово.

Холмс снова что-то записал себе в книжку. Некоторое время он сосредоточенно молчал.

— Вероятно, вы были очень близки с сыном до вашей второй женитьбы — постоянно вместе, все делили?

— Мы почти не разлучались.

— Ребенок с такой чувствительной душой, конечно, свято хранит память матери?

— Да, он ее не забыл.

— Должно быть, очень интересный, занятный мальчуган. Еще один вопрос касательно побоев. Нападение на младенца и на старшего мальчика произошло в один и тот же день?

— В первый раз да. Ее словно охватило безумие, и она обратила свою ярость на обоих. Второй раз пострадал только Джек, со стороны миссис Мэйсон никаких жалоб относительно малыша не поступало.

— Это несколько осложняет дело.

— Не совсем вас понимаю, мистер Холмс.

— Возможно. Видите ли, обычно сочиняешь себе временную гипотезу и выжидаешь, пока полное знание положения вещей не развеет ее вдребезги. Дурная привычка, мистер Фергюсон, что и говорить, но слабости присущи человеку. Боюсь, ваш старый приятель Уотсон внушил вам преувеличенное представление о моих научных методах. Пока я могу вам только сказать, что ваша проблема не кажется мне неразрешимой и что к двум часам мы будем на вокзале Виктория.

Был тусклый, туманный ноябрьский вечер, когда, оставив наши чемоданы в гостинице «Шахматная Доска» в Лемберли, мы пробирались через суссекский глинозем по длинной, извилистой дороге, приведшей нас в конце концов к старинной ферме, владению Фергюсона, — широкому, расплзшемуся во все стороны дому, с очень древней средней частью и новехонькими боковыми пристройками. На остроконечной крыше, сложенной из хоршемского горбыля и покрытой пятнами лишайника, поднимались старые, тюдоровские трубы. Ступени крыльца покривились, на старинных плитках, которыми оно было вымощено, красовалось изображение человека и сыра — «герб» перво-

го строителя дома⁶. Внутри под потолками тянулись тяжелые дубовые балки, пол во многих местах осел, образуя глубокие кривые впадины. Всю эту старую развалину пронизывали запахи сырости и гнили.

Фергюсон провел нас в большую, просторную комнату, помещавшуюся в центре дома. Здесь в огромном старомодном камине с железной решеткой, на которой стояла дата «1670», полыхали толстые поленья.

Осмотревшись, я увидел, что в комнате царит смесь различных эпох и мест. Стены, до половины обшитые дубовой панелью, относились, вероятно, к временам фермера-иомена, построившего этот дом в семнадцатом веке. Но по верхнему краю панели висело собрание со вкусом подобранных современных акварелей, а выше, там, где желтая штукатурка вытеснила дуб, располагалась отличная коллекция южноамериканской утвари и оружия — ее, несомненно, привезла с собой перуанка, что сидела сейчас запершись наверху, в своей спальне. Холмс быстро встал и с живейшим любопытством, присущим его необыкновенно острому уму, внимательно рассмотрел всю коллекцию. Когда он снова вернулся к нам, выражение лица у него было серьезное.

— Эге, а это что такое? — воскликнул он вдруг.

В углу в корзине лежал спаниель. Теперь собака с трудом поднялась и медленно подошла к хозяину. Задние ее ноги двигались как-то судорожно, хвост волочился по полу. Она лизнула хозяину руку.

— В чем дело, мистер Холмс?

— Что с собакой?

— Ветеринар ничего не мог понять. Что-то похожее на паралич. Предполагает менингит. Но пес поправляется, скоро будет совсем здоров, правда, Карло?

Опущенный хвост спаниеля дрогнул в знак согласия. Печальные собачьи глаза глядели то на хозяина, то на нас. Карло понимал, что разговор идет о нем.

— Это произошло внезапно?

— В одну ночь.

— И давно?

— Месяца четыре назад.

— Чрезвычайно интересно. Наталкивает на определенные выводы.

— Что вы тут усмотрели, мистер Холмс?

— Подтверждение моим догадкам.

— Ради Бога, мистер Холмс, скажите, что у вас на уме? Для вас наши дела, быть может, всего лишь занятная головоломка, но для меня это вопрос жизни и смерти. Жена в роли убийцы, ребенок в опасности... Не играйте со мной в прятки, мистер Холмс. Для меня это слишком важно.

Высоченный регбист дрожал всем телом. Холмс мягко положил ему на плечо руку.

— Боюсь, мистер Фергюсон, при любом исходе дела вас ждут впереди новые страдания, — сказал он. — Я постараюсь щадить вас, насколько то в моих силах. Пока больше ничего не могу добавить. Но надеюсь, прежде чем покинуть этот дом, сообщить вам что-то определенное.

— Дай-то Бог! Извините меня, джентльмены, я поднимусь наверх, узнаю, нет ли каких перемен.

Он отсутствовал несколько минут, и за это время Холмс возобновил свое изучение коллекции на стене. Когда наш хозяин вернулся, по выражению его лица было ясно видно, что все осталось в прежнем положении. Он привел с собой высокую, тоненькую, смуглую девушку.

— Чай готов, Долорес, — сказал Фергюсон. — Последи, чтобы твоя хозяйка получила все, что пожелает.

— Хозяйка больная, сильно больная! — выкрикнула девушка, негодуя сверкая глазами на своего Господина. — Еда не ест, сильно больная. Надо доктор. Долорес боится быть одна с хозяйка, без доктор.

Фергюсон посмотрел на меня вопросительно.

— Очень рад быть полезным.

⁶ Чизмен (cheeseman) — сыровар.

- Узнай, пожелает ли твоя хозяйка принять доктора Уотсона.
- Долорес поведет доктор. Не спрашивает можно. Хозяйка надо доктор.
- В таком случае я готов идти немедленно.

Я последовал за дрожащей от волнения девушкой по лестнице и дальше, в конец ветхого коридора. Там находилась массивная, окованная железом дверь. Мне пришло в голову, что если бы Фергюсон вздумал силой проникнуть к жене, это было бы ему не так легко. Долорес вынула из кармана ключ, и тяжелые дубовые створки скрипнули на старых петлях. Я вошел в комнату, девушка быстро последовала за мной и тотчас повернула ключ в замочной скважине.

На кровати лежала женщина, несомненно, в сильном жару. Она была в забытьи, но при моем появлении вскинула на меня свои прекрасные глаза и смотрела, не отрываясь, со страхом. Увидев, что это посторонний, она как будто успокоилась и со вздохом снова опустила голову на подушку. Я подошел ближе, сказал несколько успокаивающих слов; она лежала не шевелясь, пока я проверял пульс и температуру. Пульс оказался частым, температура высокой, однако у меня сложилось впечатление, что состояние женщины вызвано не какой-либо болезнью, а нервным потрясением.

- Хозяйка лежит так один день, два дня. Долорес боится, хозяйка умрет, — сказала девушка. Женщина повернула ко мне красивое пылающее лицо.

— Где мой муж?

— Он внизу и хотел бы вас видеть.

— Не хочу его видеть, не хочу... — Тут она как будто начала бредить: — Дьявол! Дьявол!.. О, что мне делать с этим исчадием ада!..

— Чем я могу помочь вам?

— Ничем. Никто не может помочь мне. Все кончено. Все погибло... И я не в силах ничего сделать, все, все погибло!..

Она явно находилась в каком-то непонятном заблуждении; я никак не мог себе представить милягу Боба Фергюсона в роли дьявола и исчадия ада.

— Сударыня, ваш супруг горячо вас любит, — сказал я. — Он глубоко скорбит о случившемся.

Она снова обратила на меня свои чудесные глаза.

— Да, он любит меня. А я, разве я его не люблю? Разве не люблю я его так сильно, что готова пожертвовать собой, лишь бы не разбить ему сердца?.. Вот как я его люблю... И он мог подумать обо мне такое... мог так говорить со мной...

— Он преисполнен горя, но он не понимает.

— Да, он не в состоянии понять. Но он должен верить!

— Быть может, вы все же повидаетесь с ним?

— Нет, нет! Я не могу забыть те жестокие слова, тот взгляд... Я не желаю его видеть. Уходите. Вы ничем не можете мне помочь. Скажите ему только одно: я хочу, чтобы мне принесли ребенка. Он мой, у меня есть на него права. Только это и передайте мужу.

Она повернулась лицом к стене и больше не произнесла ни слова.

Я спустился вниз. Фергюсон и Холмс молча сидели у огня. Фергюсон угрюмо выслушал мой рассказ о визите к больной.

— Ну, разве могу я доверить ей ребенка? — сказал он. — Разве можно поручиться, что ее вдруг не охватит опять то ужасное, неудержимое желание... Разве могу я забыть, как она тогда поднялась с колен и вокруг ее губ — кровь?

Он вздрогнул, вспоминая страшную сцену.

— Ребенок с миссис Мэйсон, там он в безопасности, там он и останется.

Элегантная горничная, самое современное явление, какое мы доселе наблюдали в этом доме, внесла чай. Пока она хлопотала у стола, дверь распахнулась, и в комнату вошел подросток весьма примечательной внешности — бледнолицый, белокурый, со светло-голубыми беспокойными глазами, которые так и вспыхнули от волнения и радости, едва он увидел отца. Мальчик кинулся к нему, с девичьей нежностью обвил его шею руками.

— Папочка, дорогой! — воскликнул он. — Я и не знал, что ты уже приехал! Я бы вышел тебя встретить. Как я рад, что ты вернулся!

Фергюсон мягко высвободился из объятий сына; он был несколько смущен.

— Здравствуй, мой дружок, — сказал он ласково, глядя льняные волосы мальчика. — Я приехал раньше потому, что мои друзья, мистер Холмс и мистер Уотсон, согласились поехать со мной и провести у нас вечер.

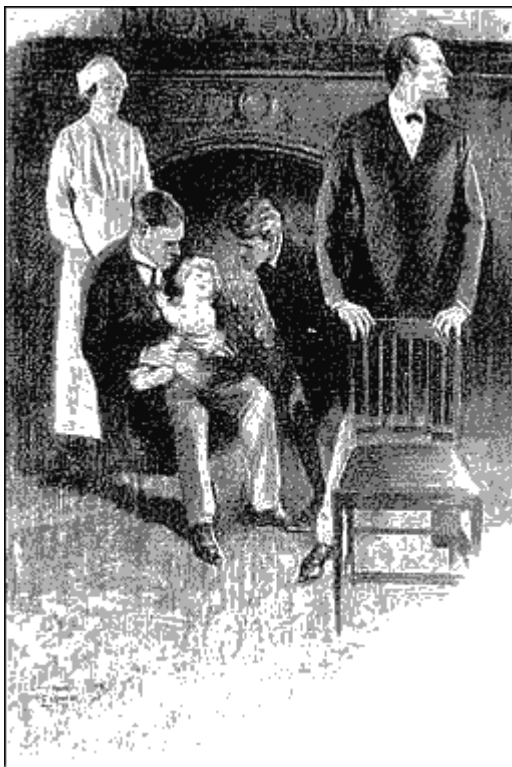
— Мистер Холмс? Сыщик?

— Да.

Мальчик поглядел на нас испытующе и, как мне показалось, не очень дружелюбно.

— А где второй ваш сын, мистер Фергюсон? — спросил Холмс. — Нельзя ли нам познакомиться и с младшим?

— Попроси миссис Мэйсон принести сюда малыша, — обратился Фергюсон к сыну. Тот пошел к двери странной, ковыляющей походкой, и мой взгляд хирурга тотчас определил повреждение позвоночника. Вскоре мальчик вернулся, за ним следом шла высокая, сухопарая женщина, неся на руках очаровательного младенца, черноглазого, золотоволосого — чудесное скрещение рас, саксонской и латинской. Фергюсон, как видно, обожал и этого сынишку, он взял его на руки и нежно приласкал.

— Только представить себе, что у кого-то может хватить злобы обидеть такое существо, — пробормотал он, глядя на, небольшой, ярко-красный бугорок на шейке этого амура.

И тут я случайно взглянул на моего друга и подивился напряженному выражению его лица — оно словно окаменело, словно было вырезано из слоновой кости. Взгляд Холмса, на мгновение задержавшись на отце с младенцем, был прикован к чему-то, находящемуся в другом конце комнаты. Проследив за направлением этого пристального взгляда, я увидел только, что он обращен на окно, за которым стоял печальный, поникший под дождем сад. Наружная ставня была наполовину прикрыта и почти заслоняла собой вид, и тем не менее глаза Холмса неотрывно глядели именно в сторону окна. И тут он улыбнулся и снова посмотрел на младенца. Он молча наклонился над ним и внимательно исследовал взглядом красный бугорок на мягкой детской шейке. Затем схватил и потряс махавший перед его лицом пухлый, в ямочках кулачок.

— До свидания, молодой человек. Вы начали свою жизнь несколько бурно. Миссис Мэйсон, я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз.

Они встали поодаль и несколько минут о чем-то серьезно беседовали. До меня долетели только последние слова: «Надеюсь, всем вашим тревогам скоро придет конец». Кормилица, особа, как видно, не слишком приветливая и разговорчивая, ушла, унеся ребенка.

— Что представляет собой миссис Мэйсон? — спросил Холмс.

— Внешне она, как видите, не очень привлекательна, но сердце золотое, и так привязана к ребенку.

— А тебе, Джек, она нравится?

И Холмс круто к нему повернулся.

Выразительное лицо подростка как будто потемнело. Он затряс отрицательно головой.

— У Джека очень сильны и симпатии и антипатии, — сказал Фергюсон, обнимая сына за плечи. — По счастью, я отношусь к первой категории.

Мальчик что-то нежно заворковал, прильнув головой к отцовской груди. Фергюсон мягко его отстранил.

— Ну, беги, Джекки, — сказал он и проводил сына любящим взглядом, пока тот не скрылся за дверью. — Мистер Холмс, — обратился он к моему другу, — я, кажется, заставил вас проехаться попусту. В самом деле, ну что вы можете тут поделать, кроме как выразить сочувствие? Вы, конечно, считаете всю ситуацию слишком сложной и деликатной.

— Деликатной? Безусловно, — ответил мой друг, чуть улыбнувшись. — Но не могу сказать,

что поражен ее сложностью. Я решил эту проблему методом дедукции. Когда первоначальные результаты дедукции стали пункт за пунктом подтверждаться целым рядом не связанных между собой фактов, тогда субъективное ощущение стало объективной истиной. И теперь можно с уверенностью заявить, что цель достигнута. По правде говоря, я решил задачу еще до того, как мы покинули Бейкер-стрит, — здесь, на месте, оставалось только наблюдать и получать подтверждение.

Фергюсон провел рукой по нахмуренному лбу.

— Ради Бога, Холмс, — сказал он хрипло, — если вы в чем-то разобрались, не томите меня. Как обстоит дело? Как следует поступить? Мне безразлично, каким путем вы добились истины, мне важны сами результаты.

— Конечно, мне надлежит дать вам объяснение, и вы его получите. Но позвольте мне вести дело, согласно собственным моим методам. Скажите, Уотсон, в состоянии ли миссис Фергюсон выдержать наше посещение?

— Она больна, но в полном сознании.

— Прекрасно. Окончательно все выяснить мы сможем только в ее присутствии. Поднимемся вверх.

— Но ведь она не хочет меня видеть! — воскликнул Фергюсон.

— Не беспокойтесь, захочет, — сказал Холмс. Он начеркал несколько слов на листке бумаги. — Во всяком случае, у вас, Уотсон, есть официальное право на визит к больной. Будьте так любезны, передайте мадам эту записку.

Я вновь поднялся по лестнице и вручил записку Долорес, осторожно открывшей дверь на мой голос. Через минуту я услышал за дверью возгласы, одновременно радостные и удивленные. Долорес выглянула из-за двери и сообщила:

— Она хочет видеть. Она будет слушать.

По моему знаку Фергюсон и Холмс поднялись вверх. Все трое мы вошли в спальню. Фергюсон шагнул было к жене, приподнявшейся в постели, но она вытянула руку вперед, словно отталкивая его. Он опустил в кресло. Холмс сел рядом с ним, предварительно отвесив поклон женщине, глядевшей на него широко раскрытыми, изумленными глазами.

— Долорес, я думаю, мы можем отпустить... — начал было Холмс. — О, сударыня, конечно, если желаете, она останется, возражений нет. Ну-с, мистер Фергюсон, должен сказать, что человек я занятой, а посему предпочитаю зря время не тратить. Чем быстрее хирург делает разрез, тем меньше боли. Прежде всего хочу вас успокоить. Ваша жена прекрасная, любящая вас женщина, несправедливо обиженная.

С радостным криком Фергюсон вскочил с кресла.

— Докажите мне это, мистер Холмс, докажите, и я ваш должник по гроб жизни!

— Докажу, но при этом буду вынужден причинить вам новые страдания.

— Все остальное безразлично, лишь бы была оправдана моя жена. По сравнению с этим ничто не имеет значения.

— В таком случае разрешите мне изложить вам ход моих умозаключений еще там, на Бейкер-стрит. Мысль о вампирах я почел абсурдной. В практике английской криминалистики подобные случаи места не имели. И в то же время, Фергюсон, вы действительно видели, как ваша жена отпрянула от кровати сына, видели кровь на ее губах.

— Да, да.

— А вам не пришло в голову, что из ранки высасывают кровь не только для того, чтобы ее пить? Вам не вспоминается некая английская королева, которая высасывала кровь из раны для того, чтобы извлечь из нее яд?

— Яд?

— В доме, где хозяйство ведется на южноамериканский лад, должна быть коллекция оружия — инстинкт подсказал мне это прежде, чем я увидел ее собственными глазами. Мог быть использован, конечно, и какой-либо другой яд, но это первое, что пришло мне на ум. Когда я заметил пустой колчан возле небольшого охотничьего лука, я увидел именно то, что ожидал увидеть. Если младенец был ранен одной из его стрел, смоченных соком кураре или каким-либо другим дьявольским зельем, ему грозила неминуемая смерть, если не высосать яд из ранки.

И потом собака. Тот, кто задумал пустить в ход такой яд, сперва непременно испытал бы его, чтобы проверить, не утратил ли он свою силу. Случая с собакой я не предвидел, но смысл его разгадал, и этот факт занял свое место в моем логическом построении.

Ну, теперь-то вы поняли? Ваша жена страшилась за младенца. Нападение произошло при ней, и она спасла своему ребенку жизнь. Но она не захотела открыть вам правду, зная, как сильно вы любите мальчика, зная, что это разобьет вам сердце.

— Джекки!..

— Я наблюдал за ним, когда вы ласкали младшего. Его лицо ясно отражалось в оконном стекле там, где закрытая ставня создавала темный фон. Я прочел на этом лице выражение такой ревности, такой жгучей ненависти, какую мне редко доводилось видеть.

— Мой Джекки!

— Отнеситесь к этому мужественно, Фергюсон. Особенно печально, что причина, толкнувшая мальчика на такой поступок, кроется в чрезмерной, нездоровой, маниакальной любви к вам и, возможно, к покойной матери. Душу его пожирает ненависть к этому великолепному ребенку, чье здоровье и красота — прямой контраст с его собственной немощностью.

— Боже правый! Просто невозможно поверить!

— Я сказал правду, сударыня?

Женщина рыдала, зарывшись лицом в подушки. Но вот она повернулась к мужу.

— Как могла я рассказать тебе это, Боб? Нанести тебе такой удар! Я предпочла ждать, пока чьи-нибудь другие уста, не мои, откроют тебе истину. Когда этот джентльмен — он настоящий маг и волшебник, — написал, что все знает, я так обрадовалась!

— Мой рецепт юному Джекки — год путешествия по морю, — сказал Холмс, поднимаясь со стула. — Одно мне не совсем ясно, сударыня. Ваш гнев, обрушившийся на Джекки, вполне понятен. И материнскому терпению есть предел. Но как вы решились оставить младенца на эти два дня без своего надзора?

— Я надеялась на миссис Майсон. Она знает правду, я ей все сказала.

— Так я и предполагал.

Фергюсон стоял возле кровати, дыхание у него прерывалось, протянутые к жене руки дрожали.

— Теперь, Уотсон, я полагаю, нам пора удалиться со сцены, — шепнул мне Холмс. — Если вы возьмете не в меру преданную Долорес за один локоток, я возьму ее за другой. Ну-с, — продолжал он, когда дверь за нами закрылась, — я думаю, мы можем предоставить им самим улаживать свои отношения.

Мне осталось лишь познакомить читателя с еще одной запиской — Холмс отправил ее в ответ на то послание, с которого этот рассказ начался. Вот она:

«Бейкер-стрит 21 ноября.

Касательно вампиров Сэр!

В ответ на Ваше письмо от 19 ноября сообщаю, что я взял на себя ведение дела мистера Роберта Фергюсона из торгового дома «Фергюсон и Мюирхед, поставщики чая» на Минсинг-лейн, и расследование оногo дела дало удовлетворительные результаты.

С благодарностью за рекомендацию остаюсь, сэр,

Ваш покорный слуга Шерлок Холмс ».⁷

Три Гарридеба

⁷ The Adventure of the Sussex Vampire

Впервые опубликовано в Strand Magazine, Январь 1924, 4 иллюстрации Howard K. Elcock, и в Hearst's International Magazine, Январь 1924, 4 иллюстрации W. T. Benda.

Историю эту можно в равной мере назвать как трагедией, так и комедией. В результате ее один человек лишился рассудка, второму — вашему покорному слуге — досталось небольшое «кровопускание», третий угодил за решетку. И все же у нее есть и комическая сторона. Впрочем, судите сами.

Я могу указать точную дату случившегося, ибо все это произошло в тот месяц, когда Холмс отказался от дворянского звания, пожалованного ему за услуги, которые, быть может, еще будут описаны. Пока я об этом упоминаю лишь вскользь: положение партнера и доверенного лица вынуждает меня остерегаться малейшей нескромности. Но, повторяю, именно этот факт позволяет мне установить дату: самый конец июня тысяча девятьсот второго года, вскоре после окончания Бурской войны. Холмс несколько дней не вставал с постели, — с ним это часто бывало. Однако в то утро он вышел из спальни, держа в руке большой исписанный лист бумаги; в строгих серых глазах Холмса плясали веселые искорки.

— Уотсон, вам предоставляется возможность недурно заработать, — сказал он. — Слыхали вы такую фамилию — Гарридеб?

Я ответил, что не слыхал.

— Ну так вот, если сумеете откопать одного-единственного Гарридеба, положите в карман кругленькую сумму.

— Каким образом?

— А, это длинная история, к тому же весьма любопытная. Мы с вами ломали головы над множеством сложных, путаных задач, но такой оригинальной нам, кажется, еще не попадалось. С минуты на минуту должен явиться тот, кого нам с вами предстоит подвергнуть допросу. До его прихода не стану ничего рассказывать. Пока займемся самим именем.

Телефонная книга лежала на столе у меня под рукой. Я полистал страницы, не слишком надеясь на успех, и, к своему удивлению, тут же нашел в соответствующем месте эту странную фамилию.

— Есть! — воскликнул я торжествующе. — Вот, пожалуйста, получайте!

Холмс взял книгу у меня из рук.

— «Н. Гарридеб, Вест-Энд, Литл-Райдер-стрит, 136», — прочел он вслух. — Должен вас разочаровать, Уотсон, но это уже известный мне Гарридеб. Видите, вот его адрес на письме. Нам нужен второй Гарридеб, под пару первому, понимаете?

Вошла миссис Хадсон, неся на подносике визитную карточку. Я заглянул в нее.

— Смотрите-ка, вот и второй! — воскликнул я в изумлении.

— Все данные другие: «Джон Гарридеб, адвокат. США, Канзас, Мурвилл».

Пробежав глазами карточку, Холмс улыбнулся.

— Боюсь, Уотсон, вам придется сделать еще одну попытку. Этот джентльмен уже участвует в игре, хотя, признаться, я не рассчитывал увидеть его так скоро. Надеюсь, нам удастся кое-что от него выведать.

В следующую минуту мистер Джон Гарридеб, адвокат, стоял у нас в комнате — коренастый, мощного сложения мужчина с гладко выбритым круглым свежим лицом, какие часто встречаешь у американских дельцов. Особенно примечательна была необыкновенная, почти детская пухлость этого лица, с которого не сходила широкая улыбка, — создавалось впечатление, что это еще совсем молодой человек. Но глаза у него были поразительные. Редко случалось мне видеть пару человеческих глаз, столь явно свидетельствующих о необычайно напряженной внутренней жизни их обладателя, — так они были ярки, так настороженны, так мгновенно отражали малейшее движение мысли. Выговор у мистера Джона Гарридеба был американский, но речь правильная, без развязных американизмов.

— Мистер Холмс? — проговорил он, поочередно обводя нас взглядом. — А, ну да, конечно. Вас нетрудно узнать по фотографиям, сэр, если разрешите заметить. Вы, надо полагать, уже получили письмо от моего тезки, мистера Натана Гарридеба?

— Садитесь, прошу вас, — сказал Шерлок Холмс. — Нам предстоит кое-что обсудить. — Он взял со стола исписанный лист. — Вы, разумеется, мистер Джон Гарридеб, упоминаемый в письме, — мистер Джон Гарридеб из Америки. Но, позвольте, вы ведь уже давно живете в Англии?

— С чего вы взяли?

Мне показалось, что в выразительных глазах американца я прочел подозрение.

— Все, что на вас надето, — английского производства.

Мистер Гарридеб принужденно рассмеялся.

— Я читал про ваши фокусы, мистер Холмс, но никак не думал, что вы станете проделывать их на мне. Как это вы сообразили?

— Покрой плеч вашего пиджака, носки ботинок, — разве тут можно ошибиться?

— Вот уж не знал, что выгляжу таким заправским англичанином. Да, верно. Не так давно дела вынудили меня перебраться сюда, потому-то почти все, что на мне, куплено в Лондоне, как вы подметили. Но время ваше, надо полагать, дорого стоит, и мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать фасон моей обуви. Как насчет того, чтобы перейти к бумаге, что у вас в руках?

Холмс чем-то вызвал раздражение у нашего посетителя, и пухлое его лицо в значительной степени утратило свою приветливость.

— Терпение, терпение, мистер Гарридеб, — проговорил мой друг успокаивающим тоном. — Доктор Уотсон может вас заверить, что мои небольшие отклонения от главного в конце концов часто оказываются в прямой с ним связи. Но почему мистер Натан Гарридеб не пришел вместе с вами?

— И какого дьявола втянул он вас в наши дела? — неожиданно вскипел американский адвокат. — Какое, черт возьми, имеете бы к ним касательство? Два джентльмена обсуждают личные свои отношения, и, нате вам, одному из них вдруг зачем-то понадобилось приглашать сыщика! Сегодня утром захожу к старику и узнаю, какую дурацкую шутку он со мной сыграл. По этой причине я и явился сюда. В общем, его затея мне очень не по нутру.

— Она не бросает никакой тени на вас, мистер Гарридеб. Мистер Натан Гарридеб всего лишь проявил усердие для достижения цели, одинаково важной для вас обоих, насколько я понял. Зная, что я располагаю средствами добывать нужные сведения, он, естественно, обратился именно ко мне.

Рассерженное лицо нашего посетителя постепенно прояснилось.

— Тогда дело другое, — сказал он. — Я, как только узнал, что старый чудак вздумал просить подмоги у сыщика, сразу взял у него адрес и прямо к вам. Не желаю, чтобы полиция совала нос в наши частные дела. Но если вы действительно беретесь разыскать необходимого нам человека, — что ж, я не возражаю.

— Все именно так и обстоит, — сказал Холмс. — А теперь, сэр, раз уж вы здесь, мы бы хотели услышать из ваших собственных уст перечень основных фактов. Моему другу совершенно неизвестны подробности.

Мистер Гарридеб окинул меня не слишком дружелюбным взглядом.

— А зачем ему знать? — спросил он.

— Обычно мы работаем вместе.

— Ну что ж, у меня нет причины держать мои дела в секрете. Выложу вам все и как можно короче. Будь вы родом из Канзаса, мне было бы незачем объяснять, кто такой Александр Гамильтон Гарридеб. Он сколотил себе состояние на недвижимом имуществе и еще спекулировал пшеницей на чикагской бирже. А деньги тратил на одно: скупал земли по берегам Арканзас-ривер, к западу от Форт-Доджа. Столько их накопил, что хватило бы на любое ваше графство, — пастбища, строевой лес, пашины, рудники — все, что способно приносить доллары их владельцу.

Ни родни, ни близких у Александра Гарридеба не было, я, во всяком случае, ни об одном не слышал. Но старика прямо-таки распирала гордость оттого, что у него такая диковинная фамилия. Это-то нас и свело. Я тогда адвокатствовал в Топеке, и как-то раз старик является ко мне. До чего же он обрадовался, что встретил однофамильца! У него это стало настоящим пунктиком, и он решил во что бы то ни стало разузнать, существуют ли еще где-нибудь другие Гарридебы. «Сыщите мне хоть одного!» — упрашивал он меня. Я сказал, что я человек занятой, некогда мне рыскать по белу свету, охотиться за Гарридебами. «Ничего, ничего, — сказал он, — именно этим вы и займетесь, если выгорят у меня то, что я затеял». Я, конечно, подумал, что старик просто дурачится, но оказалось, в словах его скрывался очень и очень большой смысл, в чем я скоро убедился.

Года не прошло, как он, видите ли, умер и оставил завещание такое чудное, каких в Канзасе регистрировать еще не приходилось. Все свое состояние старик разделил на три части и одну завещал мне на том условии, что я раздобуду еще пару Гарридебов, — они тоже получают наследство, каждый свою долю. Это выходит ровнехонько по пяти миллионов на брата! Но ни один из нас не увидит ни гроша, пока не соберется вся наша тройка вместе.

Это было так заманчиво, что я забросил свою адвокатуру и принялся за поиски Гарридебов. В Соединенных Штатах их нет. Я прочесал страну, сэр, можно сказать, самым частым гребнем, но не нашел ни одного. Тогда я двинулся в Англию. И что же? В лондонской телефонной книге стоит это имя, Натан Гарридеб! Два дня тому назад я зашел к нему, рассказал, как обстоит дело. Старик один-одинешенек, вроде меня, то есть родня у него где-то есть, но все только женщины, ни одного мужчины. А по завещанию требуется трое мужчин. Так что, как видите, одно место еще свободно, и если вы поможете нам его заполнить, мы готовы оплатить ваши услуги.

— Ну как, Уотсон, — обратился ко мне Холмс, улыбаясь, — не говорил ли я, что это прелюбопытная история? Я полагаю, сэр, вам первым долгом следует поместить в газетах объявление о розысках.

— Уже проделано, мистер Холмс. Все попусту.

— Нет, в самом деле, история весьма курьезная. Пожалуй, займусь ею на досуге. Кстати, это интересно, что вы из Топеки. Я когда-то вел переписку с одним из тамошних жителей — его звали доктор Лизандер Старр. В 1890 году он был мэром.

— Славный был старик, доктор Старр. Его имя и сейчас у нас в почете. Так вот, мистер Холмс, сдается мне, нам нужно держать с вами связь. Что ж, будем сообщать, как подвигаются наши поиски. Думаю, через день-два дадим о себе знать.

Заверив нас в этом, наш американский знакомец поклонился и вышел.

Холмс раскурил трубку и некоторое время сидел молча. На лице его блуждала странная улыбка.

— Ну? — спросил я наконец.

— Любопытно, Уотсон, чрезвычайно любопытно.

— Что именно?

Холмс вынул трубку изо рта.

— А вот что: с какой целью этот джентльмен наплел нам столько небылиц? Я чуть не спросил его об этом прямо: иной раз грубая атака — наилучшая тактика, — но потом решил оставить его в приятном заблуждении, пусть думает, что одурачил нас. Человек в пиджаке английского покроя да еще с протертыми локтями и в брюках, которые от годовалой носки лежат на коленях мешком, оказывается, если верить письму и собственному его заявлению, американским провинциалом, только

что прибывшим в Англию. Никаких объявлений о розысках в газетах не появлялось. Вы знаете, я никогда их не пропускаю, они служат мне прикрытием, когда требуется поднять дичь. Неужели я прозевал бы подобного фазана? И никакого доктора Лизандера Старра из Топеки я не знаю. В общем, куда ни поверни, все сплошная фальшь. Вероятно, он действительно американец, но почти утратил акцент, прожив несколько лет в Лондоне. Что за всем этим скрывается, каковы подлинные мотивы нелепых розысков людей с фамилией Гарридеб? Да, этим субъектом следует заняться. Если он мошенник, то, безусловно, весьма изобретательный и хитроумный. Необходимо выяснить, может быть, и автор письма такая же дутая личность. Наберите-ка его, Уотсон.

Я позвонил. На другом конце провода послышался жидкий, дрожащий голос:

— Да-да, говорит Натан Гарридеб. Нет ли поблизости мистера Холмса? Я бы очень хотел с ним поговорить.

Холмс взял трубку, и я услышал обычные обрывки разговора:

— Да, он заходил к нам. Кажется, вы не слишком хорошо его знаете? Знакомы недавно? Всего два дня?.. Да-да, конечно, перспективы заманчивые... Вы сегодня вечером дома? А ваш однофамилец не обещал зайти?.. Нет? Отлично, мы придем, я как раз хотел поболтать с вами не в его присутствии... Со мной будет доктор Уотсон... Из вашего письма я понял, что вы редко отлучаетесь из дому... Так, значит, мы будем у вас около шести. Американского адвоката оповещать о том не стоит. Всего хорошего, до скорой встречи.

Спускались чудесные весенние сумерки, и даже Литл-Райдер-стрит, крохотная улочка, отходящая от Эджуэр-роуд неподалеку от недоброй памяти Тайберн-Три⁸, дышала прелестью и казалась совсем золотой от косых лучей заходящего солнца. Мы нашли нужный нам дом — приземистое, старомодное здание времени первых Георгов; ровный кирпичный фасад его украшали лишь два окна-фонаря на первом этаже, выступавшие глубоко вперед. Именно на этом этаже и жил наш клиент, оба эти окна, как выяснилось, принадлежали огромной комнате, где он проводил свои дни. Мы подошли к двери, и Холмс обратил мое внимание на небольшую медную дощечку, на которой стояло знакомое нам странное имя: Гарридеб.

— Находится здесь уже несколько лет, — заметил Холмс, указывая на потускневшую медь. — Во всяком случае, этот не самозванец. Следует учесть.

⁸ Тайберн-Три («Тайбернское дерево») — виселица в приходе Тайберн, где до конца XVIII века совершались публичные казни.

Лестница в доме была одна, общая, и на стенах холла мы увидели немалое количество писанных краской названий контор и фамилий жильцов. Квартир для семейных в доме не имелось, он скорее служил кровом для холостяков богемного образа жизни. Наш клиент сам открыл дверь, в чем и принес извинения, объяснив, что прислуга уходит домой в четыре часа. Мистер Натан Гарридеб оказался долговязым, тощим, сутулым и лысым джентльменом лет шестидесяти. Кожа на его изможденном лице была тусклая, будто неживая, — как это часто встречается у людей, ведущих сидячий, неподвижный образ жизни. Большие круглые очки, узкая козлиная борода, согбенные плечи — все это, вместе взятое, сразу наводило на мысль, что перед вами человек крайне пытливый и любознательный.

Впрочем, общее впечатление создавалось приятное: чудак, конечно, но чудак симпатичный.

Комната выглядела такой же оригинальной, как ее владелец. Она походила на миниатюрный музей. Большая, квадратная, а по стенам полки, шкафы и шкафчики, уставленные всевозможными предметами, имеющими отношение к геологии и анатомии. По бокам двери висели ящики с коллекциями мотыльков и бабочек. Посреди комнаты на широком столе лежала груда образцов различных горных пород, и из нее торчала высокая медная трубка мощного микроскопа. Я оглядел все вокруг и подивился разносторонности интересов старика: здесь ящик со старинными монетами, там собрание древних кремневых орудий. У стены, по другую сторону стола, помещался большой шкаф, где хранились какие-то окаменелости, а наверху его выстроились в ряд гипсовые черепа с подписями: «неандерталец», «гейдельбергский человек», «кроманьонец» и тому подобное. Как видно, мистер Натан Гарридеб посвятил себя не одной, а нескольким отраслям науки. Стоя перед нами, он протирал куском замши какую-то монету.

— Сиракузская, лучшего периода, — пояснил он, указывая на монету. — Позже они очень деградировали. Лучшие их образцы я считаю непревзойденными, хотя некоторые специалисты отдают предпочтение александрийской школе. Мистер Холмс, для вас найдется стул. Разрешите мне снять с него эти кости... А вы, сэр... ах да, доктор Уотсон. Будьте так любезны, доктор Уотсон, отодвиньте японскую вазу подальше. Здесь, в этой комнате, сосредоточены все мои жизненные интересы. Доктор бранит меня за то, что я не бываю на воздухе, но зачем уходить от того, что так к себе тянет? Смею вас уверить, подробная классификация содержимого любого из этих шкафов потребует от меня не меньше трех месяцев.

Холмс с любопытством осмотрелся.

— Правильно ли я вас понял, сэр, что вы действительно никогда не выходите из дому?

— Время от времени я совершаю поездку к Сатеби или Кристи⁹. А вообще-то я очень редко покидаю свою комнату. Здоровье у меня не из крепких. Научные исследования поглощают все мои силы. Можете себе представить, мистер Холмс, каким потрясением — радостным, и все же потрясением — явилось для меня известие о столь невероятно счастливом повороте судьбы! Чтобы довести дело до конца, необходим еще один Гарридеб. Уж, конечно, мы его разыщем. У меня был брат, он умер, а женская родня в счет не идет. Но, безусловно, на свете есть и другие Гарридебы. Я слышал, что вы брались за очень сложные, трудные проблемы, и решил прибегнуть к вашей помощи. Мой американский тезка, конечно, совершенно прав, мне следовало сперва посоветоваться с ним, но я действовал из лучших побуждений.

— Вы поступили весьма осмотрительно, — сказал Холмс. — А вам и в самом деле не терпится стать американским землевладельцем?

— Разумеется, нет, сэр. Ничто не заставит меня расстаться с моими коллекциями. Но этот американский адвокат обещал выкупить мою долю, как только мы утвердимся в правах наследства. Сумма, предназначенная каждому из нас, — пять миллионов долларов. Как раз в настоящее время имеется возможность сделать несколько ценных приобретений. Как это восполнило бы пробелы в моих коллекциях! Сейчас я ничего не могу приобрести, у меня нет необходимых для этого нескольких сотен фунтов. Подумайте, сколько я накуплю на пять миллионов! Мое собрание ляжет в основу нового национального музея, я стану Гансом Слоуном¹⁰ нашего века!

⁹ Сатеби, Кристи — лондонские аукционные залы.

¹⁰ Слоун, Ганс (1660–1753) — английский врач, натуралист и коллекционер. Собранные им рукописи, картины, книги

Глаза его за стеклами очков блестели. Было ясно, что мистер Натан Гарридеб не пожалеет усилий, чтобы раздобыть недостающего однофамильца.

— Я зашел только, чтобы познакомиться, ни в коем случае не хочу мешать вашим занятиям, — сказал Холмс. — Когда я вступаю с человеком в деловые отношения, я всегда предпочитаю личное с ним знакомство. Мне почти не о чем вас спрашивать, мистер Гарридеб, в кармане у меня ваше письмо с очень толковым изложением основных фактов, и кое-что я еще уточнил во время визита американского джентльмена. Насколько я понял, до этой недели вы и не подозревали о его существовании?

— Абсолютно. Он явился ко мне в прошлый вторник.

— Он вам уже рассказал о нашей встрече?

— Да. Он пришел сюда прямо от вас. Как он тогда на меня рассердился, когда узнал о моем письме!

— За что ему, собственно, было сердиться?

— Он почему-то воспринял это как личное оскорбление. Но от вас он вернулся повеселевшим.

— Он предлагал какой-нибудь план действий?

— Нет, сэр.

— Получал он от вас деньги или, может, просил их?

— Нет, сэр, ни разу!

— Вы не заметили, не преследует ли он каких-либо особых целей?

— Никаких, — ничего, кроме той, о которой он мне сообщил.

— Вы сказали ему, что мы с вами договорились по телефону о встрече?

— Да, сэр, я поставил его в известность.

Холмс глубоко задумался. Я видел, что он недоумевает, что-то ускользает от его понимания.

— Нет ли в ваших коллекциях каких-либо особо ценных предметов?

— Нет, сэр, я человек небогатый. Коллекции мои хороши, но большой материальной ценности собой не представляют.

— И грабителей вы не опасаетесь?

— Нисколько!

— Давно вы занимаете эту квартиру?

— Почти пять лет.

Разговор был прерван повелительным стуком в дверь. Наш хозяин едва успел отодвинуть задвижку, как в комнату буквально влетел американский адвокат.

— Вот, смотрите! — воскликнул он, размахивая над головой сложенной газетой. — Я так и думал, что застану вас здесь. Мистер Натан Гарридеб, примите мои поздравления. Вы богаты, сэр. Наши хлопоты счастливо завершились, все улажено. А вы, мистер Холмс... Нам остается лишь выразить сожаление, что вас потревожили попусту.

Он передал газету нашему клиенту. Не отрывая изумленного взгляда, старик читал отмеченное в ней объявление. Мы с Холмсом наклонились вперед и, заглядывая через плечо мистера Натана Гарридеба, прочли:

«Говард Гарридеб.

Конструктор сельскохозяйственных машин.

Сноповязалки, жнейки, ручные и паровые плуги, сеялки, бороны, фургоны, дровяные козлы и пр.

Расчеты по артезианским колодцам.

Бирмингем, Астон, Гровнер-билдинг»

— Великолепно! — воскликнул наш хозяин, задыхаясь от волнения. — Найден третий!

— Я наводил справки в Бирмингеме, — сказал американец, — и мой тамошний агент прислал это объявление — вырезал его из местной газеты. Надо, не мешкая, доводить дело до конца. Я написал этому конструктору, что завтра в четыре часа вы будете у него в конторе.

— Я? Вы хотите, чтобы поехал именно я?

— А вы как считаете, мистер Холмс? Вам не кажется, что так оно разумнее? Представьте себе, являюсь я, никому не известный американец, и рассказываю волшебные сказки. С чего это вдруг станет он мне верить? А вы, мистер Натан Гарридеб, вы англичанин, человек солидный, вас он, уж конечно, выслушает. Если желаете, я могу вас сопровождать, но, признаться, завтра у меня куча дел. Знаете что, если возникнут какие-нибудь осложнения, я мигом примчусь туда следом за вами.

— Понимаете, я уже многие годы не совершал таких длительных поездок...

— А, пустяки, мистер Гарридеб. Я все для вас выяснил. Вы едете двенадцатичасовым поездом, в начале третьего будете на месте. К вечеру успеете вернуться обратно. И все, что от вас требуется, это повидать нашего однофамильца, изложить ему суть дела и получить письменное подтверждение того, что он действительно существует. Боже ты мой, — добавил он с горячностью, — если вспомнить, что я ехал в такую даль, добирался сюда из самого сердца Америки, то, право, с вас спрашивают не так уж много — проехать сотню миль, чтобы все наконец счастливо устроилось.

— Безусловно, — сказал Холмс. — Я считаю, что этот джентльмен рассуждает резонно.

Мистер Натан Гарридеб уныло пожал плечами.

— Ну, раз вы настаиваете, хорошо, я поеду, — сказал он.

— Конечно, мне трудно отказать вам в чем бы то ни было — вам, принесшему в мою жизнь радость надежды.

— Значит, решено, — сказал Холмс. — И при первой возможности известите меня о ходе дела.

— Я об этом позабочусь, — сказал американец. — Ну, мне пора, — добавил он, глянув на свои часы. — Завтра, мистер Натан, я зайду за вами и посажу вас на поезд до Бирмингема. Нам не по пути, мистер Холмс? Нет? В таком случае позвольте распрощаться. Завтра к вечеру вы, вероятно, уже получите от нас хорошие вести.

Я заметил, что едва американец вышел из комнаты, как лицо моего друга просветлело, недоуменное выражение на нем исчезло.

— Мне бы очень хотелось взглянуть на ваши коллекции, мистер Гарридеб, — сказал Холмс. — При моей профессии мне могут пригодиться самые неожиданные сведения, а ваша комната — неистощимый их кладезь.

Наш клиент просиял от удовольствия, глаза его за стеклами больших очков заблестели.

— Я много слышал, сэр, о вашей высокой интеллектуальности, — сказал он. — Могу хоть сейчас показать все что угодно.

— К сожалению, сейчас я не располагаю временем. Но все экспонаты снабжены ярлыками и отлично классифицированы, едва ли требуются еще и личные ваши пояснения. Что если я загляну к вам завтра? Вы ничего не имеете против, если я в ваше отсутствие полюбуюсь на эти сокровища?

— Разумеется, прошу вас. Квартира будет, конечно, заперта, но я оставлю ключ у миссис Сандерс. До четырех часов она не уйдет, вы разыщете ее внизу. Она вам отопрет.

— Завтра днем я как раз свободен. Будет очень хорошо, если вы поговорите с миссис Сандерс относительно ключа. Кстати, где помещается контора ваших квартирных агентов?

Неожиданный вопрос явно удивил нашего клиента.

— На Эджуэр-роуд. А в чем дело?

— Видите ли, по части архитектуры я сам немного специалист, — сказал Холмс, смеясь. — И вот никак не могу решить, к какому периоду относится ваш дом: царствование королевы Анны? Или уже более позднее время, Георг I?

— Георг, безусловно.

— Вы так думаете? А я бы отнес его к несколько более раннему времени. Впрочем, это легко уточнить. Итак, мистер Гарридеб, до свидания. Позвольте пожелать вам удачной поездки.

Контора жилищного агентства была рядом, но оказалась уже закрытой, и мы с Холмсом отправились к себе на Бейкер-стрит. Только после обеда Холмс вернулся к нашей теме.

— Эта маленькая история движется к развязке, — сказал он. — Вы, конечно, уже мысленно начертали себе ход ее развития.

— Не вижу в ней ни конца, ни начала.

— Ну, начало ее уже достаточно хорошо обрисовано, а конец увидим завтра. Вы не заметили

ничего странного в этом газетном объявлении?

— Заметил. В слово «артезианский» вкралась орфографическая ошибка.

— Ага, значит, замечали? Поздравляю, Уотсон, вы делаете успехи. Но это не типографская ошибка, слово напечатали так, как оно было написано тем, кто давал объявление. И, кстати, артезианские колодцы более характерны для Америки, чем для Англии. И фургоны тоже. В общем, типичное американское объявление, но якобы исходящее от английской фирмы. Ваше мнение по этому поводу, Уотсон?

— Мне кажется, американский адвокат составил и поместил его сам. Но с какой целью, решительно не догадываюсь.

— Возможны различные мотивы. Но ясно одно, ему надо было спровадить в Бирмингем нашего симпатичного старичка. Это вне сомнений. Я мог бы сказать бедняге, что его гонят искать ветра в поле, но рассудил, что лучше очистить место действия. Пусть едет. Завтра — завтра, Уотсон, само за себя скажет.

Холмс встал рано и куда-то ушел. К завтраку он вернулся, и я увидел, что лицо у него хмурое и сосредоточенное.

— Дело серьезнее, чем я предполагал, — сказал он. — Я должен предупредить вас об этом, Уотсон, хотя наперед знаю, это только подстрекнет ваше стремление лезть туда, где есть шанс сломать себе шею. Мне ли не знать моего друга Уотсона? Но опасность действительно есть, предупреждаю.

— Она будет не первой, которую мы с вами разделяем, и, надеюсь, не последней. В чем же она заключается на сей раз?

— Дело очень не простое, рискованное. Я установил личность адвоката из Америки. Он не кто иной, как «Убийца Эванс» — опаснейший преступник.

— Боюсь, я по-прежнему плохо понимаю, что к чему.

— Ну да, людям вашей профессии не свойственно держать в памяти «Ньюгетский календарь»¹¹. Я заходил в Скотленд-Ярд к нашему приятелю Лестрейду. У них там иной раз, быть может, недостает воображения и интуиции, но что касается тщательности и методичности — им нет равных. Мне пришлось в голову порыться в их «Галерее мошенников» — вдруг набреду на след нашего американского молодчика? И что же, я и в самом деле наткнулся на его пухлую, улыбающуюся физиономию. Под фотографией я прочел: «Джеймс Уингер, он же Маркрофт, он же „Убийца Эванс“».

— Холмс вынул из кармана конверт: — Я кое-что выписал из его досье. «Возраст 46 лет, уроженец Чикаго. Известно, что совершил три убийства в Соединенных Штатах. Бежал из тюрьмы с помощью влиятельных лиц. В 1893 году появился в Лондоне. В январе 1895 года в игорном доме на Ватерлоо-роуд стрелял в своего партнера. Тот скончался, но свидетели показали, что именно убитый был зачинщиком ссоры. Труп был опознан, оказалось, что это Роджер Прескотт, знаменитый чикагский фальшивомонетчик. В 1901 году „Убийца Эванс“ вышел из тюрьмы. Состоит под надзором полиции и, насколько это известно, ведет честный образ жизни. Очень опасный преступник, обычно имеет при себе оружие и, не задумываясь, пускает его в ход». Вот какова наша птичка, Уотсон, довольно бедовая, надо признать.

— Но что он затевает?

— План его постепенно становится ясен. Я заходил в контору жилищного агентства. Там мне подтвердили, что наш клиент живет в данной квартире пять лет. До него она год стояла пустая. Предыдущий жилец был некий джентльмен по имени Уолдрон. Внезапно он исчез, и больше о нем не было ни слуху, ни духу. Внешность Уолдрона в конторе хорошо запомнили: высокий, бородатый, смуглый мужчина. Так вот, Уотсон, согласно описаниям Скотленд-Ярда, человек, застреленный «Убийцей Эвансом», был высокий, смуглый и с бородой. В качестве рабочей гипотезы предположим, что именно Прескотт, американский преступник, проживал в той комнате, которую мистер Натан Гарридеб, невинная душа, отвел под свой музей. Таким образом, мы, как видите, первое звено уже имеем.

¹¹ Издававшийся с XVIII века справочник о заключенных Ньюгетской тюрьмы (Лондон) с биографическими данными о них и описанием совершенных ими преступлений.

— А следующее?

— Отправимся на его поиски.

Холмс вытащил из ящика стола револьвер и протянул его мне.

— Берите. Мой всегдашний спутник при мне. Если наш приятель с Дикого Запада попытается оправдать свою кличку, нам надо быть наготове. Сосните часок, Уотсон, а затем, я думаю, пора нам будет отправиться на Райдер-стрит, — посмотрим, что нас там ждет.

Было ровно четыре часа, когда мы снова очутились в любопытной квартире Натана Гарридеба. Миссис Сандерс, поденная уборщица, собиралась уже уходить, но впустила нас, не колеблясь: замок в двери защелкивался автоматически, и Холмс обещал, что перед уходом проверит дверь и все будет в порядке. Вскоре затем мы услышали, как хлопнула входная дверь, за окном проплыла шляпка миссис Сандерс, — теперь на первом этаже никого, кроме нас, не оставалось. Холмс быстро осмотрел помещение. В темном углу, несколько отступя от стены, стоял шкаф — за ним мы и спрятались. Холмс шепотом изложил мне план действий.

— Совершенно ясно, что ему было необходимо выпроводить нашего уважаемого клиента, но так как старик никогда не выходит из дому, «американскому адвокату» пришлось сочинить повод. Вся эта сказка про трех Гарридебов, очевидно, только эту цель и преследует. Должен сказать, Уотсон, в ней чувствуется прямо-таки дьявольская изобретательность, пусть даже необычная фамилия жильца дала ему в руки неожиданный козырь. План свой он разработал чрезвычайно хитроумно.

— Но зачем все это ему нужно?

— Для того мы и сидим здесь, чтобы это узнать. Насколько я разобрался в ситуации, к нашему клиенту это не имеет никакого отношения. Тут что-то связано с человеком, которого Эванс застрелил — возможно, они были сообщниками. Эта комната хранит какую-то преступную тайну. Сперва я заподозрил, что у нашего почтенного друга имеется в коллекции что-нибудь очень значительное, чему он сам не знает цены, — нечто достойное внимания мошенника. Но тот факт, что недоброй памяти Роджер Прескотт занимал когда-то это самое помещение, указывает на иные, более глубокие причины. А сейчас, Уотсон, наберемся терпения, подождем, пока пробьет решительный час.

Ждать пришлось недолго. Мы замерли, услышав, как открылась и тут же захлопнулась входная дверь. Щелкнул ключ в двери, ведущей в комнату, и появился наш американец. Тихо притворив за собой дверь, он острым взглядом окинул все вокруг и, убедившись, что опасности нет, сбросил пальто и пошел прямо к столу, стоявшему посреди комнаты, — шел он уверенно, как человек, точно знающий, что и как ему надо делать. Отодвинув стол и сдернув лежавший под ним ковер, он вытащил из кармана ломик, опустился на колени и стал энергично действовать этим ломиком на полу. Вскоре мы услышали, как стукнули доски, и тут же в полу образовалась квадратная дыра. «Убийца Эванс» чиркнул спичкой, зажег огарок свечи и скрылся из виду.

Теперь пришло время действовать нам. Холмс подал знак, слегка коснувшись моей руки, и мы подкрались к открытому подполу. Как ни осторожно мы двигались, старые доски, очевидно, все же издали скрип у нас под ногами — из черной дыры неожиданно показалась голова американца. Он повернулся в нашу сторону — и лицо его исказилось бессильной яростью. Но постепенно оно смягчилось, на нем даже появилось подобие сконфуженной улыбки, когда он увидел два револьверных ствола, нацеленных ему в голову.

— Ну ладно-ладно, — сказал он с полным хладнокровием и стал вылезать вверх. — Видно, с вами, мистер Холмс, мне не тягаться. Сразу разгадали всю мою махинацию и оставили меня в дураках. Ну, признаю, сэр, ваша взяла, а раз так...

В мгновение ока он выхватил из-за пазухи револьвер и дважды выстрелил. Я почувствовал, как мне обожгло бедро, словно к нему приложили раскаленный утюг. Послышался глухой удар — это Холмс обрушил свой револьвер на череп бандита. Я смутно видел, что Эванс лежит, распростершись на полу, и с лица у него стекает кровь, а Холмс ощупывает его в поисках оружия. Затем я почувствовал, как крепкие, словно стальные, руки моего друга подхватили меня — он оттащил меня к стулу.

— Вы не ранены, Уотсон? Скажите, ради Бога, вы не ранены? Да, стоило получить рану, и даже не одну, чтобы узнать глубину заботливости и любви, скрывавшейся за холодной маской моего друга. Ясный, жесткий взгляд его на мгновение затуманился, твердые губы задрожали. На один-единственный миг я ощутил, что это не только великий мозг, но и великое сердце... Этот момент душевного раскрытия вознаградил меня за долгие годы смиренного и преданного служения.

— Пустяки, Холмс. Простая царапина.

Перочинным ножом он разрезал на мне брюки сверху донизу.

— Да, правда, слава Богу! — воскликнул он с глубоким вздохом облегчения. — Только кожу задело. — Потом лицо его ожесточилось. Он бросил гневный взгляд на нашего пленника, который

приподнялся и ошарашено смотрел перед собой. — Счастье твое, негодяй, не то, клянусь... Если бы ты убил Уотсона, ты бы живым отсюда не вышел. Ну, сэр, что вы можете сказать в свое оправдание?

Но тому нечего было сказать в свое оправдание. Он лежал и хмурил физиономию. Я оперся о плечо Холмса, и вместе с ним мы заглянули в подпол, скрывавшийся за подъемной крышкой. В подполе еще горела свеча, которую прихватил с собой Эванс. Взгляд наш упал на какую-то проржавевшую машину, толстые рулоны бумаги, целую кучу бутылок. А на небольшом столе мы увидели несколько аккуратно разложенных маленьких пачек.

— Печатный станок... Весь арсенал фальшивомонетчика, — сказал Холмс.

— Да, сэр, — проговорил наш пленник. Медленно, пошатываясь, он поднялся на ноги и тут же опустился на стул. — Здесь работал величайший артист, какого только знал Лондон. Вон то — его станок, а пачки на столе — две тысячи ассигнаций работы Прескотта. Каждая стоимостью в сотню и пригодна к обращению в любом месте. Ну что ж, забирайте, джентльмены, все ваше. А меня отпустите...

Холмс рассмеялся.

— Мы такими делами не занимаемся. Нет, мистер Эванс, в Англии вам укрыться негде. Убийство Прескотта чьих рук дело?

— Да, сэр, это я его прихлопнул, верно. Ну что ж, я за то отсидел пять лет, а свару-то затеял он сам. Пять лет! А меня следовало бы наградить медалью размером с тарелку! Ни одна живая душа не могла отличить ассигнацию работы Прескотта от тех, что выпускает Английский банк, и, не прикончи я парня, он наводнил бы своими бумажками весь Лондон. Кроме меня, никто на свете не знал, где он их фабрикует. И что ж удивительного, что меня тянуло добраться до этого местечка? А когда я проведал, что этот выживший из ума собиратель козьявок, можно сказать, сидит на самом тайнике и никогда носа из комнаты не высовывает, что ж удивительного, что я стал из кожи вон лезть, придумывать, как бы выпихнуть его из дому? Может, оно было бы поумнее прихлопнуть старика — и все, и труда бы никакого. Но такой уж я человек, сердце у меня мягкое, не могу стрелять в безоружного. А скажите-ка, мистер Холмс, на каком основании думаете вы отдать меня под суд? Что я совершил преступного? Денег не брал, старикана пальцем не тронул. Прицепиться не к чему!

— Не к чему? Конечно! Всего-навсего вооруженное покушение на жизнь, — сказал Холмс. — Но мы вас, Эванс, судить не собираемся, это — дело не наше, этим займутся другие. Пока нам требуется только сама ваша очаровательная особа. Уотсон, позвоните-ка в Скотленд-Ярд. Наш звонок, я полагаю, не будет для них сюрпризом.

Таковы факты, связанные с делом «Убийцы Эванса» и его замечательной выдумкой о трех Гарридебах. Позже мы узнали, что бедный старичок ученый не вынес удара: мечты его оказались развеяны, воздушный замок рухнул, и он пал под его обломками. Последние вести о бедняге были из психиатрической лечебницы в Брикстоне. А в Скотленд-Ярде был радостный день, когда извлекли наконец всю аппаратуру Прескотта. Хотя полиции было известно, что она где-то существует, однако после смерти фальшивомонетчика, сколько ее ни искали, найти не могли. Эванс в самом деле оказал немалую услугу и многим почтенным особам из уголовного розыска дал возможность спать спокойнее. Ведь фальшивомонетчик — это совсем особая опасность для общества. В Скотленд-Ярде все охотно сложились бы на медаль размером с тарелку, о которой говорил «американский адвокат», но неблагодарные судьи придерживались менее желательной для него точки зрения, и «Убийца Эванс» вновь ушел в мир теней, откуда только что было вынырнул.¹²

Загадка Торского моста

¹² The Adventure of the Three Garridebs

Впервые опубликовано в Collier's Weekly Magazine, Октябрь 1924, 3 иллюстрации John Richard Flanagan, и в Strand Magazine, Январь 1925, 5 иллюстраций Howard K. Elcock.

Где-то в подвалах банка «Кокс и К°» на Чарринг-кросс лежит потертая курьерская сумка с моим именем на крышке «Джон Х. Уотсон, доктор медицины, бывший военнослужащий Индийской армии». Сумка набита бумагами: это записи необычных дел, которые Холмс когда-то расследовал. Некоторые из дел, и довольно интересные, окончились полной неудачей, и поэтому едва ли стоит о них писать: задача без решения может заинтересовать специалиста, а у случайного читателя вызовет лишь раздражение. Среди таких незаконченных дел — история мистера Джеймса Филимора, который, вернувшись домой за зонтиком, бесследно исчез. Не менее замечательна история катера «Алисия»: однажды вечером он вошел в полосу тумана и пропал навсегда — никто более не слышал ни о нем, ни о его экипаже. Третье дело, достойное упоминания, — случай с Айседором Персано, знаменитым журналистом и дуэлянтом: он помешался на том, что в спичечной коробке, которую он постоянно держал в руках, находится редчайший червь, по его словам, еще не известный науке.

Не считая этих «темных дел», есть несколько таких, которые затрагивают семейные тайны, настолько интимные, что сама мысль о возможности их оглашения вызвала бы переполох во многих высокопоставленных домах. Нет нужды говорить, что это исключено, и теперь, когда у моего друга есть время и силы, подобные записи будут отобраны и уничтожены.

Остается значительное число дел, более или менее интересных, о которых я мог бы написать раньше, если бы не боялся пресытить читателя и тем самым повредить репутации человека, которого чту больше всех.

Я был участником некоторых из этих дел и потому могу говорить о них как очевидец. К их числу относится и описанное ниже.

Был ветреный октябрьский день. Я одевался и следил, как кружились в воздухе сорванные ветром последние листья одинокого платана, который украшал двор позади нашего дома. Спускаясь к завтраку, я ожидал застать моего друга в подавленном настроении, ибо, как настоящая артистичная натура, он легко поддавался влиянию окружающей обстановки. Напротив, он кончал завтракать в особенно веселом настроении того несколько зловещего оттенка, который был характерен для него в минуты душевного подъема.

— У вас есть дело, Холмс? — заметил я.

— Ваша способность к дедукции поистине поразительна, Уотсон, — ответил он. — Она помогла вам раскрыть мою тайну. Да, у меня есть дело. После месяца незначительных происшествий и застоя колесо завертелось снова.

— Я мог бы принять участие в этом деле?

— Пока не в чем, но мы обсудим этот вопрос, когда вы уничтожите два крутых яйца, которыми нас сегодня удостоила наша новая кухарка. Степень их съедобности находится в прямой связи с очередным номером «Семейной газеты», которую я видел вчера на столе в гостиной: даже такое пустяковое дело, как варка яиц, требует внимания, точного ощущения времени и несовместимо с чтением романа, напечатанного в этом отличном периодическом издании.

Через четверть часа со стола убрали, и мы остались одни. Холмс вытащил из кармана письмо.

— Вы слышали о Нейле Гибсоне, Золотом Короле? — спросил он.

— Вы имеете в виду американского сенатора?

— Ну да, он был когда-то сенатором от одного из западных штатов, но больше известен как крупнейший в мире золотопромышленник.

— Да, знаю: он некоторое время жил в Англии, и его имя пользовалось некоторой популярностью.

— Он купил солидное поместье в Хэмпшире лет пять тому назад. Вы, вероятно, уже слышали о трагической гибели его жены?

— Конечно. Я теперь вспоминаю — вот почему его имя мне известно. Правда, я не знаю подробностей. Холмс указал на бумаги, лежащие на стуле.

— Мои химические опыты по получению экстрактов еще не окончены, а тут эта история. С виду пахнет сенсацией, но, мне кажется, разобраться здесь нетрудно. Улики явные — таково мнение и экспертизы и полиции. Сейчас дело передано на рассмотрение выездной сессии суда в Винчестере. Боюсь, что это неблагоприятная работа. Я могу обнаружить факты, но не могу их изменить! Пока не появятся какие-либо новые данные, не вижу, на что может надеяться мой клиент.

— Ваш клиент?

— Ах, я забыл вам рассказать! Я, кажется, перенял вашу привычку, Уотсон, рассказывать историю с конца. Лучше прочтите сначала вот это.

Он передал мне письмо. Оно было написано четким, уверенным почерком и гласило:

«Отель „Кларидж“, 3 октября
Уважаемый м-р Шерлок Холмс!

Мне тяжело быть свидетелем того, как самая лучшая на Земле женщина идет навстречу своей гибели. Я сделаю все, что в моих силах, для ее спасения. Я ничего не могу объяснить, не могу даже попытаться сделать это, но я ничуть не сомневаюсь, что мисс Данбэр невиновна. Вы знаете факты — кто их не знает? — об этом сплетничают по всей Англии. И ни один голос не поднялся в ее защиту — какая чудовищная несправедливость! Эта женщина и мухи не обидит!

Одним словом, я буду у Вас завтра в 11 часов. Посмотрим, сможете ли Вы что-нибудь прояснить в этой темной истории. Во всяком случае, все, чем я располагаю, — к Вашим услугам, только спасите ее. Умоляю Вас, приложите все свое умение и энергию!

С совершенным почтением Дж. Нейл Гибсон».

— Вот, извольте. — Шерлок Холмс выбил пепел из трубки, которую курил после завтрака, и снова не спеша набил ее табаком. — Этого джентльмена я как раз и жду. Что касается самой истории, то за недостатком времени я перескажу вам ее вкратце, если вы доверяете официальным отчетам о ходе следствия. Человек этот — крупный финансовый магнат. Насколько я понимаю, он крайне вспыльчив и страшен в гневе. Он женился на женщине, жертве этой трагедии, — о ней я пока не знаю ничего, кроме того, что она была уже не первой молодости. Дело осложняется еще и тем, что воспитание их двоих детей было поручено молодой и весьма привлекательной гувернантке. Вот три человека — участники события, происшедшего в старинном английском поместье.

Теперь с самой трагедии. Труп был найден в парке, примерно в полумиле от дома. Убитая была одета к обеду, с шалью на плечах. Пуля, выпущенная из револьвера, пробила ее голову навывлет. Около трупа не нашли никакого оружия, никаких следов убийства. Заметьте, Уотсон, никакого оружия! Преступление, по-видимому, было совершено поздно вечером, а труп обнаружен лесником около одиннадцати часов. Затем врач и полиция осмотрели убитую, после чего перенесли ее в дом... Может быть, я излагаю слишком сжато, или вам ясны все обстоятельства этого происшествия?

— Абсолютно все ясно. А почему подозревают гувернантку?

— Во-первых, есть некоторые прямые улики: револьвер с одним разряженным гнездом в барабане (калибр оружия соответствует найденной пуле) был обнаружен на дне ее платяного шкафа. — Холмс уставился в одну точку и раздельно повторил: — На... дне... ее... платяного... шкафа... — Затем он погрузился в раздумье, и я понял, что с моей стороны было бы глупо прерывать его.

Вдруг он снова оживился.

— Да, Уотсон, найден револьвер. Здорово изобличает, а? Таково мнение двоих понятых. На убитой найдена записка с предложением встретиться на том самом месте, где произошло убийство; записка подписана гувернанткой. Ну как? К тому же и мотивы убийства налицо: сенатор Гибсон — личность привлекательная, и, если его жена умрет, кому занять ее место, как не юной леди, которая, по общим отзывам, уже давно пользовалась исключительным вниманием со стороны хозяина. Любовь, деньги, власть — а на пути к этому стоит немолодая жена Гибсона! Плохо дело, Уотсон, очень плохо!

— Да, Холмс, это так.

— И алиби она не может представить. Напротив, гувернантка вынуждена признать, что примерно в то время, когда это случилось, она находилась как раз около Торского моста (это место трагедии). Отрицать этот факт бессмысленно, ибо несколько проходивших мимо крестьян ее там видели.

— Да, вопрос ясен!

— И все же, Уотсон, не будем спешить с выводами! Давайте разберемся. Мост, о котором идет речь, представляет собой один широкий каменный пролет с парапетом по краям. Он построен для переправы через самую узкую часть длинного глубокого водоема, заросшего тростником. Это так называемый Торский пруд. У входа на мост лежала мертвая женщина. Таковы факты... Но что это? Если я не ошибаюсь, наш клиент пришел значительно раньше условленного времени.

Вилли, слуга Холмса, открыл дверь, но имя, которое он объявил, было неизвестно нам обоим: «Мистер Марлоу Бэйтс». Нашему взору предстал худощавый субъект с испуганными глазами и судорожными, неуверенными манерами — этаким «комком нервов». На мой взгляд врача-профессионала, этот человек находился на грани полного расстройства нервной системы.

— Вы, кажется, возбуждены, мистер Бэйтс, — сказал Холмс. — Прошу вас, садитесь. Боюсь, что смогу уделить вам очень мало времени: у меня в 11 часов свидание.

— Я знаю о нем. — Наш посетитель выпаливал короткие фразы, словно ему не хватало воздуха. — Сюда идет Гибсон — мой хозяин. Я управляющий его имением. Холмс, знайте: он негодяй, жуткий негодяй!

— Крепко сказано, мистер Бэйтс.

— Я вынужден так говорить, ибо у меня мало времени. Я не хочу встречаться с ним у вас. Он вот-вот придет. Была причина, не позволившая мне прийти раньше: его секретарь, мистер Ферпоссон, только сегодня утром рассказал о предстоящей встрече Гибсона с вами.

— Так вы его управляющий?

— Я подал заявление об уходе. Через несколько недель я избавлюсь от этого проклятого рабства. Гибсон — тяжелый человек. Эти благотворительные дела лишь ширма, прикрывающая дурные стороны его личной жизни. Его жена пала жертвой. Он был груб с ней, да-да, сэр, груб! Не знаю, как она погибла, но уверен, что он превратил ее жизнь в страдание. Она была типичная южанка, бразилианка по рождению — вы, конечно, знаете это?

— Нет, это обстоятельство ускользнуло от меня.

— Южанка по рождению и по натуре. Дитя солнца и страсти. Она любила его, как могут любить такие женщины. Но когда увяла ее красота (говорят, когда-то она была прекрасна), ничто уже не привязывало к ней мужа. Нам всем она нравилась, мы ей сочувствовали и ненавидели его за то, как он с ней обращался. Но он хитер и умеет внушать доверие. Это все, что я должен сказать вам. Не судите о нем по внешнему виду, смотрите глубже. Ну, я пойду. Нет-нет, не удерживайте меня! Он сейчас придет!

Наш странный посетитель испуганно взглянул на часы и буквально вылетел из комнаты.

— Ну-ну! — сказал Холмс после небольшой паузы. — Я вижу, у мистера Гибсона довольно «преданные» домочадцы. Хорошо, что Бэйтс предупредил нас; теперь подождем самого хозяина.

Точно в назначенное время раздались тяжелые шаги на лестнице, и знаменитый миллионер вошел в комнату. Взглянув на него, я понял причину страха и антипатии его управляющего, да и проклятий, которые обрушивали на его голову многие конкуренты по бизнесу. Если бы я был скульптором и хотел олицетворить преуспевающего бизнесмена с железными нервами и без совести, я выбрал бы в качестве натурщика мистера Нейла Гибсона. Его высокая, худощавая, словно высеченная из камня фигура выражала алчность хищника; ну прямо-таки Авраам Линкольн, но обративший свою энергию на достижение низменных целей, — вот как можно было бы определить этого человека. Его лицо, твердое, безжалостное, было изрыто глубокими морщинами — следами бурно прожитой жизни.

Гибсон оглядел нас по очереди с ног до головы холодными серыми глазами, коварно поблескивающими из-под ошетилившихся бровей. Когда Холмс упомянул мое имя, он небрежно поклонился, затем властным жестом хозяина подвинул стул вплотную к столу моего друга и сел, почти касаясь его своими худыми коленями.

— Позвольте мне сразу же сказать, мистер Холмс, — начал он, — что деньги в данном случае не имеют для меня значения. Вы можете жечь их, если это сколько-нибудь поможет вам осветить путь к истине. Женщина невиновна и должна быть оправдана, а сделать это предстоит вам. Назовите вашу цену.

— Размер моего гонорара точно установлен, — холодно сказал Холмс. — Я не меняю его, за исключением тех случаев, когда вообще отказываюсь от оплаты.

— Ну ладно, раз доллары не имеют для вас значения, подумайте о репутации. Если вы выиграете это дело, все газеты в Англии и в Америке поднимут шум вокруг вашего имени. О вас будут говорить на обоих континентах.

— Благодарю вас, мистер Гибсон. Право же, я не нуждаюсь в рекламе. Возможно, вас это удивит, но я предпочитаю работать инкогнито, и в деле меня привлекает именно сама проблема. Однако мы теряем время. Обратимся к фактам.

— Я полагаю, что вы знаете все главные факты из сообщений прессы. Не знаю, смогу ли добавить что-либо полезное для вас. Но если хотите, чтобы я лучше осветил некоторые моменты, — я к вашим услугам.

— Хорошо. Меня интересует только один момент.

— Какой именно?

— Каковы в действительности ваши отношения с мисс Данбэр?

Сильно вздрогнув, Золотой Король приподнялся со стула. Затем к нему вновь вернулось спокойствие и солидность.

— Полагаю, что ваше право и, может быть, ваш долг — задавать такие вопросы, мистер Холмс.

— Допустим, — сказал Холмс.

— Тогда могу заверить вас, что отношения ничем не отличаются от обычных отношений между хозяином и молодой леди, с которой он видится лишь в обществе своих детей.

Холмс встал.

— Я довольно занятой человек, мистер Гибсон, — сказал он, — и не имею ни времени, ни склонности к бесплодным разговорам. Всего хорошего!

Наш посетитель также встал; он высокомерно возвышался над Холмсом, словно башня; глаза вспыхнули злобой, желтоватые щеки слегка окрасились румянцем.

— Черт побери, что вы хотите этим сказать, мистер Холмс? Вы отказываетесь от моего дела?

— Да, мистер Гибсон, по крайней мере я отказываюсь от вас. Полагаю, что выразился ясно.

— Довольно ясно, но что за этим кроется? Хотите набить себе цену? Боитесь взяться за это дело? Или что другое? Я имею право требовать объяснений.

— Возможно, — сказал Холмс. — Я объясню вам. Прежде всего это дело и так запутано, зачем его еще осложнять ложной информацией.

— То есть я лгу?

— Ну, я пытался выразиться как можно деликатнее, но, если вы настаиваете на такой формулировке, не возражаю.

Я вскочил, ибо у нашего гостя страшно напряглись мускулы лица и он поднял громадный сжатый кулак.

Вяло улыбнувшись, Холмс протянул руку за трубкой.

— Не шумите, мистер Гибсон. Я понимаю, что после завтрака даже незначительный спор выливается из колеи. Поэтому я думаю, что прогуляться и спокойно подумать на свежем воздухе будет в высшей степени полезно для вас.

Золотой Король с трудом сдерживал свою ярость. Я не мог не восхищаться им: проявив незаурядное самообладание, он вмиг подавил вспышку гнева, и теперь на его лице можно было прочесть лишь высокомерное безразличие.

— Ну, это ваше дело. Я не могу заставить вас взяться за расследование, если вы сами этого не хотите. Но имейте в виду, мистер Холмс, вы сейчас совершили ошибку, ибо я побеждал более сильных людей, чем вы. Не было еще человека, который, став на моем пути, вышел бы победителем!

— Многие говорили то же самое, однако я жив-здоров, чего и вам желаю. До свидания, мистер Гибсон. Вам предстоит еще многому научиться.

Наш посетитель с шумом вышел. Холмс невозмутимо курил, уставив в потолок мечтательный взгляд.

— Ваше мнение, Уотсон? — спросил он наконец.

— Когда я подумал о том, что этот человек на самом деле способен смести любое препятствие на своем пути, и когда я вспомнил, что его жена могла быть таким препятствием и объектом неприязни, как сказал этот Бэйтс, мне показалось, что...

— Верно. И мне тоже.

— Но каковы его действительные отношения с гувернанткой и почему вы спросили его об этом?

— Чепуха, Уотсон, чепуха! Когда я обратил внимание на нешаблонный, неделовой тон его письма, а затем сопоставил это с его замкнутостью и внешним обликом, мне стало совершенно ясно, что обвиняемая вызывает у него более глубокое чувство, чем просто жертва. Мы должны выяснить истинные взаимоотношения этих трех людей, если хотим докопаться до истины. Вы видели, как я атаковал его в лоб и как спокойно он отразил атаку. Затем я начал его запугивать, делая вид, что все знаю, тогда как на самом деле у меня одни подозрения.

— Быть может, он вернется?

— Он обязательно вернется. Он должен вернуться. Он не может так оставить дело. Ха! Не звонок ли это? Да, это его шаги. Так вот, мистер Гибсон, я только что сказал доктору Уотсону, что вы слегка запаздываете.

На этот раз Золотой Король был более спокоен. В его возмущенном взгляде еще сквозило уязвленное самолюбие, но здравый смысл подсказывал, что он должен уступить, если хочет достичь своей цели.

— Мистер Холмс, я чувствую, что погорячился, обидевшись на ваши замечания. Вы имеете полное право устанавливать факты, каковы бы они ни были; я переменил к лучшему свое мнение о вас. Однако уверяю вас, что отношения между мисс Данбэр и мной, конечно, не касаются этого дела.

— Это уж я сам решу, ладно?

— Да, я понимаю. Вы похожи на врача, который должен знать все симптомы, чтобы поставить диагноз.

— Вот именно. Это определение подходит. И если пациент скрывает симптомы своей болезни, значит, он хочет обмануть врача.

— Допустим, так, но вы должны признать, мистер Холмс, что любой бы на моем месте испугался, если напрямик спросить о его отношениях с женщиной. Конечно, в том случае, если речь идет о сколько-нибудь серьезном чувстве. Думаю, что у большинства людей где-то в глубине души есть тайный уголок, куда не пускают незваных гостей. А вы вдруг ворвались туда. Но цель оправдывает ваши действия: надо попытаться спасти девушку. Итак, ставки снижены, завеса приоткрыта, и вы можете начать исследовать. Что вам нужно знать?

— Правду.

Золотой Король сделал небольшую паузу, как бы собираясь с мыслями. Его мрачное, изрытое глубокими морщинами лицо помрачнело еще больше.

— Я могу сообщить правду в нескольких словах, мистер Холмс, — наконец сказал он. — Есть некоторые вещи, которые тяжело пережить, и так же трудно о них говорить. Поэтому я не буду углубляться больше, чем нужно. Я встретил свою жену, когда искал золото в Бразилии. Мария Пинто была дочерью крупного правительственного чиновника в Манаусе¹³. Она была очень красива. Я тогда был молод и горяч, но даже теперь, глядя на все более хладнокровно и критически, я понимаю, что она была необыкновенно красива. Это была глубокая натура, страстная, цельная, по-южному неуравновешенная. Она резко отличалась от тех американок, которых я знал. Короче говоря, я полюбил ее, и мы поженились. И только когда любовь прошла — а это случилось не сразу, — я понял, что между нами не было ничего, решительно ничего общего. Моя любовь прошла. Если бы у нее было так же, нам обоим было бы легче. Но вы же знаете женщин: как ни стараешься их оттолкнуть — ничего не получается. Я был с ней груб, даже жесток, как говорят некоторые. И это потому, что я знал: стоит мне убить в ней любовь или обратить ее в ненависть, как нам обоим будет легче. Однако ничто не помогало: она обожала меня так же, как и двадцать лет назад. Что бы я ни делал, она по-прежнему была мне предана.

...Затем появилась мисс Данбэр. Она пришла по объявлению и стала воспитывать наших детей. Вы, наверное, видели ее портрет в газетах и согласитесь с общим мнением, что она настоящая красавица. Я не притворяюсь моралистом, как другие, и признаюсь, что живя под одной крышей с такой

¹³ Порт на реке Амазонке. — Прим. пер.

женщиной и ежедневно с ней общаясь, я не мог не испытывать к ней пылких чувств. Вы не осуждаете меня за это?

— Я не осуждаю вас за то, что вы испытываете такие чувства, но я бы сурово осудил вас, если бы вы признались в них мисс Данбэр, — ведь эта женщина была в известном смысле у вас на содержании.

— Хорошо, пусть будет так. — Он был задет упреком: его глаза сверкнули злобой. — Я не хочу казаться лучше, чем есть. Всю свою жизнь я брал то, что мне было нужно. Однако никогда я так не жаждал любви женщины, как теперь. Я об этом сказал ей.

— Как, вы это сделали?! — Когда Холмс волновался, взгляд его был страшен.

— Я сказал мисс Данбэр, что если бы мог, то женился бы на ней. Но это было не в моей власти. Я сказал, что, не считаясь с затратами, сделаю все, чтобы она была счастлива и довольна.

— Весьма благородно с вашей стороны, — съязвил Холмс.

— Послушайте, мистер Холмс, я пришел к вам давать показания, а не выслушивать нравоучения. Я не нуждаюсь в вашей критике.

— Только ради девушки я вообще берусь за ваше дело, — сурово сказал Холмс. — Я не уверен, что то, в чем ее обвиняют, хуже того, что вы себе позволяете: вы пытались обесчестить незащищенную девушку, жившую в вашем доме. Некоторым из вас, богачей, надо бы зарубить себе на носу, что есть вещи, которые не купишь за деньги.

К моему удивлению, Золотой Король хладнокровно принял упрек.

— Да, теперь я это понимаю. Благодарю Бога, что мои намерения не осуществились. Она бы ни за что не согласилась; в тот момент она хотела сразу уехать.

— Почему же она не сделала этого?

— Во-первых, у нее были на иждивении родные, нелегко ей было подвести их, пожертвовав своим жалованьем. Когда я поклялся — да, да, поклялся! — что не буду больше никогда к ней приставать, она согласилась остаться. Но у нее были и другие соображения: она знала, что имеет на меня влияние большее, чем кто бы то ни было. Она хотела это влияние употребить на благо.

— Каким образом?

— Ну, она знала кое-что о моих делах. Это большие дела, настолько большие, что обыкновенному человеку покажутся невероятными. Я властен создать и разрушить, обычно разрушаю. Это касается не только людей, это касается дорог, городов, даже народов. Бизнес — жестокая игра. Здесь слабый погибает. Я вел игру, чего бы это мне ни стоило. Я никогда не хныкал сам и не обращал внимания, если хныкал другой. Но она смотрела на все это иначе, и, я думаю, она права. Она уверена в том, что несправедливо, если один имеет больше, чем ему нужно, а десять тысяч разорены и оставлены без средств к существованию. Вот как она смотрела на вещи и, мне кажется, видела кое-что поважнее долларов. Она убедилась, что я прислушиваюсь к ее словам, и верила, что оказывает услугу обществу, влияя на мои поступки. Все было хорошо, как вдруг случилась эта история.

— Можете вы что-нибудь прояснить в ней? — спросил Холмс.

Золотой Король молчал, опустив голову на руки и глубоко задумавшись.

— Девушка предстает в очень дурном свете — не отрицаю. Однако женщины живут своей духовной жизнью, и мужчина иногда не может истолковать их поступков. Сначала я был захвачен врасплох и так напуган, что подумал было: она могла быть выведена из равновесия каким-то необычным образом (хотя это совершенно не в ее характере). Мне на ум приходит одно объяснение — хотите верьте, хотите нет. Безусловно, моя жена терзалась мучительной ревностью. Существует ревность духовного порядка, она может быть столь же безумной, как и обычная, «физическая» ревность. И хотя моя жена не имела повода для последней, — я думаю, она понимала это, — все же она знала, что эта молодая англичанка оказывала на мой разум и действия такое влияние, какого моя жена никогда на меня не имела. Тот факт, что влияние это было хорошим, не улучшал дела. Жена обезумела от ненависти. Может быть, она задумала убить мисс Данбэр или, скажем, пригрозив ей револьвером, заставить ее покинуть наш дом. Могла произойти драка, револьвер выстрелил и убил женщину, которая держала его.

— О такой возможности я уже думал, — сказал Холмс. — Ибо в самом деле это единственная версия, противоположная версии о предумышленном убийстве.

— Но мисс Данбэр полностью отрицает эту версию.

— Ну, это еще не все, правда? Ведь можно представить, что женщина в таком ужасном положении могла поспешить домой, бессознательно держа в руках револьвер; она могла даже бросить его среди своей одежды, едва сознавая, что делает, а когда нашли револьвер, могла попытаться найти выход из положения, полностью все отрицая. Что может опровергнуть это предположение?

— Сама мисс Данбэр.

— Допускаю.

Холмс взглянул на часы.

— Я не сомневаюсь, что мы получим разрешение на свидание с ней и вечерним поездом отправимся в Винчестер. Когда я увижу девушку, то, может быть, окажусь более полезным в вашем деле, хотя не могу обещать, что мои выводы будут непременно соответствовать вашим предположениям.

Со служебными пропусками произошла задержка, и вместо Винчестера мы в тот день поехали к Торскому мосту, в хэмпширское имение мистера Нейла Гибсона. Сам он не поехал, но у нас был адрес сержанта местной полиции Ковентри, который начал следствие. Это был высокий худой мужчина с мертвенно-бледным лицом. У него был несколько таинственный вид, словно он хотел показать, что знает гораздо больше, чем говорит. К тому же он имел привычку понижать голос до шепота, будто напал на что-то крайне важное, хотя все, что он сообщил, было довольно обычной информацией. А вообще это был честный малый: он не стыдился признаться, что ему не одолеть этого дела и что он нуждается в помощи.

— Как бы там ни было, мистер Холмс, но лучше вы, чем Скотленд-Ярд. Когда приглашаешь людей оттуда, теряешь всякую надежду на удачу, да еще и выговор схватишь. Вы же, как я слышал, ведете честную игру.

— Мне вообще не стоит фигурировать в деле, — ответил Холмс, к явному удовольствию нашего меланхоличного знакомого. — Если я все выясню, то прошу моего имени не упоминать в газетах.

— Очень благородно с вашей стороны. А вашему другу, доктору Уотсону, доверять можно, я знаю. Так вот, мистер Холмс, прежде чем мы дойдем до места происшествия, я хочу получить ответ на вопрос, который не задавал еще ни одному человеку: вы не думаете, что придется возбудить дело об убийстве против самого Гибсона?

— Я думал об этом.

— Вы просто не видели мисс Данбэр — она удивительная женщина во всех отношениях. У Гибсона, наверное, было сильное желание убрать жену с дороги. А эти американцы куда проворнее нас, когда дело доходит до револьвера... Знаете, это его револьвер...

— Точно установлено?

— Да, сэр. Это один из двух, что принадлежат ему.

— Один из двух? Где же другой?

— Видите ли, у него много огнестрельного оружия всех видов. Мы никак не можем подобрать похожий револьвер, а ящик сделан для двух. Мы вытащили все револьверы, что были в доме. Если хотите, можете их осмотреть.

— Потом. Сначала взглянем на место происшествия.

Разговор наш происходил в маленькой прихожей скромного коттеджа сержанта Ковентри — коттедж этот служил местным полицейским участком.

Пройдя примерно полмили через пустошь, всю золотую от увядшего папоротника, мы подошли к боковой калитке, ведущей на территорию Торской усадьбы. Тропинка шла через фазаний заповедник. С опушки открывался вид на усадьбу: на гребне холма широко раскинулся дом с колоннами и портиком. Мы шли мимо длинного пруда, заросшего тростником; в середине он сужался — здесь через каменный мост проходила дорога.

Наш гид остановился у входа на мост и показал на землю.

— Здесь лежало тело миссис Гибсон. Я отметил место вон тем камнем.

— Я полагаю, вы успели прийти сюда до того, как тело сдвинули с места? — спросил Холмс.

— Да, за мной сразу послали.

— Кто?

— Сам мистер Гибсон. Как только была поднята тревога, он с людьми прибежал из дому и распорядился, чтобы ничего не трогали до прибытия полиции.

— Это разумно. Из газетного сообщения я понял, что выстрел был произведен с близкого расстояния.

— Так точно, сэр, с очень близкого.

— Рана около правого виска?

— Как раз сзади виска.

— Как лежало тело?

— На спине, сэр. Никаких следов борьбы. Никаких отпечатков, никакого оружия. В левой руке убитой была зажата краткая записка от мисс Данбэр.

— Вы сказали, «зажата»?

— Да, сэр, мы едва разжали кулак.

— Это чрезвычайно важно, ибо исключает мысль, что кто-то мог положить записку после смерти, чтобы запутать следы. Черт возьми! Записка, я вспоминаю, была совсем короткой: «Буду на Торском мосту в 9 часов. Г. Данбэр». Так или нет?

— Точно, сэр.

— Мисс Данбэр призналась, что писала это?

— Да, сэр.

— Какое объяснение она дала?

— Она сохранила за собой право выступить с оправданием на выездной сессии суда. Сейчас она ничего не скажет.

— Задача действительно очень интересна. Смысл письма очень неясный, не правда ли?

— Как вам сказать, сэр. Простите за смелость, но, на мой взгляд, это единственный по-настоящему ясный момент во всем деле.

Холмс покачал головой.

— Если допустить, что письмо подлинное, то миссис Гибсон получила его несколько ранее, скажем за час или два. Почему же она еще сжимала его в левой руке? Почему она так старалась дер-

жать его при себе? Ей ведь не нужно было ссылаться на него при свидании. Не кажется ли это странным?

— Да, сэр, если вас послушать, вроде бы так.

— Мне бы хотелось спокойно посидеть несколько минут и обдумать все это. — Он уселся на каменный парапет моста, и я заметил, что его живые серые глаза вопросительно оглядывают все вокруг. Вдруг он снова вскочил, подбежал к противоположному парапету, выхватил из кармана лупу и начал рассматривать каменную кладку.

— Любопытно! — сказал он.

— Да, сэр. Мы видели щербину на парапете. Я думаю, это дело рук какого-нибудь прохожего.

Кладка была из серых камней, но в этом месте было белое пятно, размером не более шестипенсовой монеты. При внимательном рассмотрении можно было заметить, что поверхность выщерблена, как при резком ударе.

— Потребовалось известное усилие, чтобы сделать это, — задумчиво сказал Холмс. Он ударил тростью по парапету несколько раз, но следов не осталось. — Да, это был резкий удар. И к тому же в странном месте: он был нанесен не сверху, а снизу — видите, след на нижнем краю парапета.

— Но до тела по крайней мере пятнадцать футов!

— Да, пятнадцать футов. Может быть, это и не имеет отношения к делу, но заслуживает внимания. Думаю, что нам здесь нечего делать. Вы сказали, отпечатков ног не было?

— Земля тверда как камень. На ней вообще не видно никаких следов.

— Тогда можно идти. Сначала осмотрим оружие, о котором вы говорили. Затем поедem в Винчестер: перед дальнейшим расследованием я хотел бы повидаться с мисс Данбэр.

Нейл Гибсон еще не вернулся из города, но мы встретились с нервным мистером Бэйтсом, который заходил к нам утром. Со зловещим видом он показал нам огромное количество огнестрельного оружия различных образцов и размеров, которое его хозяин накопил в течение своей полной приключений жизни.

— У Гибсона много врагов, как и можно ожидать, зная его характер и методы, — сказал он. — Когда он спит, рядом с постелью в ящике лежит заряженный револьвер. У хозяина крутой нрав, его боятся. Уверен, что его жена не была исключением.

— Вы когда-нибудь видели, чтобы он оскорблял ее действием?

— Не могу сказать. Но презрительные слова, которыми он обзывал ее, не стесняясь слуг, гра-

ничили с оскорблением действием.

— Кажется, наш миллионер не блещет в личной жизни, — заметил Холмс по дороге на станцию. — Ну, Уотсон, фактов прибавилось, некоторые из них новые, однако я еще довольно далек от окончательных выводов. Несмотря на весьма очевидную неприязнь Бэйтса к своему хозяину, он сказал мне, что, когда подняли тревогу, Гибсон был в библиотеке. Обед закончился в половине девятого, и до этого времени все было в порядке. Верно, тревога была поднята несколько позже, но трагедия, безусловно, произошла около девяти; этот час указан и в записке. Нет никаких доказательств, что после своего возвращения из города в пять часов Гибсон вообще выходил из дому. С другой стороны, мисс Данбэр, как я понял, признает, что у нее было назначено свидание с хозяйкой на мосту. Помимо этого она ничего не скажет, поскольку адвокат посоветовал ей отложить свое оправдание до суда. Мы должны задать этой девушке несколько вопросов, очень важных, и я не успокоюсь, пока мы не повидаем ее. Я признаюсь вам, Уотсон: дело показалось бы мне безнадежным для нее, если бы не одна вещь.

— Какая же?

— Револьвер в ее шкафу.

— Господь с вами, Холмс! Это же самая важная улика против нее!

— Нет, Уотсон. Даже при первом, поверхностном ознакомлении с делом это обстоятельство показалось мне очень странным, а теперь, когда я непосредственно изучил все факты, для меня это единственный довод в пользу невиновности мисс Данбэр. Во всем надо искать логику. Где ее недостает, надо подозревать обман.

— Я не понимаю вас.

— Так вот, Уотсон: представьте себя на месте женщины, которая, хладнокровно продумав все заранее, собирается избавиться от соперницы. Вы составили план. Написали записку. Жертва явилась. У вас есть оружие. Преступление совершено, все сделано мастерски. Но, вместо того чтобы швырнуть оружие в пруд, где оно будет похоронено навеки, вы осторожно понесете его домой и положите в свой платяной шкаф — именно туда, где его будут искать! Даже зная, что вы далеко не опытный преступник, я все же не могу себе представить, чтобы вы сработали так грубо.

— В минутном возбуждении...

— Нет-нет, Уотсон, даже не допускаю такой возможности. Когда преступление хладнокровно продумано заранее, тогда продумано, как замести следы. Нет, Уотсон, здесь недоразумение.

— Но при этой версии потребуется так много объяснений!

— Хорошо, приступим к объяснению. Стоит только измениться вашей точке зрения, как именно то, что ранее казалось изобличающей уликой, станет ключом к разгадке. Так и с этим револьвером. Мисс Данбэр утверждает, что вообще не знает ни о каком револьвере. По нашей новой теории в этом случае она говорит правду. Значит, к ней в шкаф его подложили. Кто? Некто, стремившийся обвинить ее в преступлении. Не является ли это лицо фактическим преступником? Видите, наши поиски сразу стали намного плодотворнее!

Мы были вынуждены провести ночь в Винчестере, так как еще не были завершены необходимые формальности, но на следующее утро мы получили разрешение на свидание с мисс Данбэр. Оно состоялось в ее камере в присутствии мистера Джойса Кэммингса, начинающего адвоката, которому поручили защиту мисс Данбэр.

Я ожидал увидеть красивую женщину, но впечатление, произведенное на меня мисс Данбэр, превзошло все мои ожидания. Нет ничего удивительного, что властный миллионер попал под ее влияние, найдя в ней что-то более сильное, чем он сам. К тому же при взгляде на ее волевое, ясно очерченное и в то же время нежное лицо чувствовалось, что, если она и могла совершить отчаянный поступок, все равно присущее ей благородство оказывало на Гибсона положительное влияние.

Мисс Данбэр была высокой брюнеткой, с благородной и внушительной осанкой, но взгляд ее темных глаз выражал трогательную беспомощность зверька, попавшегося в ловушку. Теперь, когда она ощутила поддержку моего знаменитого друга, ее глаза заблестали надеждой, бледные щеки слегка окрасились румянцем.

— Вероятно, мистер Гибсон кое-что рассказал о наших взаимоотношениях? — Ее низкий голос слегка дрожал от возбуждения.

— Да, но вам не стоит этого касаться. Это огорчит вас. Познакомившись с вами, я готов согласиться с мистером Гибсоном как относительно вашего влияния на него, так и относительно чистоты ваших отношений. Но почему вы сами не рассказали об этом на следствии?

— Мне казалось невероятным, что такое обвинение может быть доказано. Я думала, если подождать, то все выяснится без вмешательства суда в тягостные подробности жизни этой семьи. Теперь я поняла, что дело еще более запуталось.

— Дорогая моя! — горячо воскликнул Холмс. — Я прошу вас не строить никаких иллюзий на этот счет! Мистер Кэммингс может подтвердить, что сейчас все против нас, и было бы жестоким обманом делать вид, что вам не грозит большая опасность. Помогите же мне разобраться в этом деле.

— Я от вас ничего не скрою.

— Тогда расскажите о ваших истинных взаимоотношениях с женой мистера Гибсона.

— Она ненавидела меня, мистер Холмс. Она ненавидела меня со всей страстью южанки. Она была женщиной, которая ничего не делает наполовину, и мера ее любви к мужу была мерой ненависти ко мне. Она превратно истолковала наши отношения. Я не желала ей ничего дурного, но она любила своего мужа так пылко и так безотчетно, что едва могла понять его духовную привязанность ко мне. И не могла представить себе, что только желание направить его энергию на добрые дела удерживало меня в их доме.

— Теперь, мисс Данбэр, — сказал Холмс, — я прошу вас точно рассказать нам, что произошло в тот вечер.

— Я могу сказать только то, что я знаю, мистер Холмс, но я не в состоянии ничего доказать. А некоторые моменты, чрезвычайно важные, я к тому же не могу объяснить.

— Если вы изложите факты, может быть, другие люди найдут объяснение?

— Вот как я оказалась на Торском мосту в тот вечер. Утром я получила от миссис Гибсон записку. (Я нашла ее на столе в классной комнате.) Миссис Гибсон умоляла меня встретиться на мосту после обеда, чтобы сообщить нечто важное, и просила оставить ответ на солнечных часах в саду, поскольку не желала никого посвящать в нашу тайну. Я не видела смысла в такой конспирации, но сделала, как она просила, и согласилась на свидание. Она просила меня уничтожить ее записку, я сожгла ее в печке: она очень боялась, что муж, который грубо с ней обращался (за что я часто упрекала его), узнает о нашей встрече.

— Однако она весьма бережно сохранила ваш ответ?

— Да. Я была удивлена, услышав, что она держала его в руке, уже будучи мертвой.

— Ну и что же произошло потом?

— Я пришла, как и обещала. Когда я подходила к мосту, она ждала меня. Только теперь я почувствовала, как бедняжка ненавидит меня. Она словно обезумела — я думаю, что она действительно была сумасшедшая, но притом чрезвычайно коварная и хитрая. Как же иначе она могла спокойно видеть меня, в душе испытывая такую бешеную ненависть? Я не могу повторить, что она тогда мне сказала. Она выплеснула всю свою жгучую ярость в ужасных словах. Я даже не отвечала — не могла. Страшно было ее видеть. Я заткнула уши и бросилась бежать. Когда я убегала, она еще стояла у входа на мост, выкрикивая проклятья по моему адресу.

— Там же ее и нашли потом?

— В нескольких ярдах от этого места.

— И несмотря на то, что она была убита вскоре после вашего ухода, вы не слышали выстрела?

— Нет, я ничего не слышала, мистер Холмс, я была так возбуждена и напугана этой страшной вспышкой гнева, что торопилась скорее укрыться в своей комнате и была не в состоянии что-либо заметить.

— Вы сказали, что вернулись к себе в комнату. Вы выходили из нее?

— Да, когда подняли тревогу, я выбежала вместе с другими.

— Вы видели мистера Гибсона?

— Да, он как раз вернулся с моста и послал за доктором и полицией.

— Вам показалось, что он очень взволнован?

— Мистер Гибсон очень волевой человек. Кажется, он никогда не выражает открыто своих чувств. Но я, зная его достаточно хорошо, заметила, что он был сильно взволнован.

— Теперь перейдем к самому важному пункту. Этот револьвер, что найден у вас в комнате, — вы видели его раньше?

— Никогда, клянусь.

— Когда его нашли?

— На следующее утро, когда полиция вела обыск.

— Среди вашей одежды?

— Да. На дне моего платяного шкафа, под одеждой.

— Вы не могли бы определить, сколько времени он там лежал?

— Накануне утром его там не было.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я убирала в шкафу.

— Понятно. Кто-то вошел в вашу комнату и положил туда револьвер с целью обвинить вас в убийстве.

— Должно быть, так.

— Когда же?

— Это могло быть только во время еды или когда я была с детьми в классной комнате.

— Как раз когда вы обнаружили записку?

— Да.

— Благодарю вас, мисс Данбэр. Можете ли вы еще чем-нибудь помочь следствию?

— Пожалуй, нет.

— На каменном парапете моста имеется след — совершенно свежая выбоина, как раз против места, где лежал труп. Что это, по-вашему?

— Должно быть, просто совпадение.

— Странно, мисс Данбэр, очень странно. Почему же этот след появился именно в момент трагедии и на этом самом месте?

— Что же могло оставить след? Для этого надо приложить большое усилие.

Холмс не отвечал. Его бледное энергичное лицо внезапно приняло какое-то отсутствующее выражение: я уже знал, что его мозг осенила гениальная догадка. Это было столь очевидно, что никто из нас не решался заговорить; мы — адвокат, мисс Данбэр и я — сидели и сосредоточенно наблюдали за ним, сохраняя полную тишину. Вдруг Холмс вскочил со стула, дрожа от нервного напряжения и жажды немедленно действовать.

— Идем, Уотсон, скорей! — воскликнул он.

— Что такое, мистер Холмс? — спросила мисс Данбэр.

— Не беспокойтесь, дорогая. Мистер Кэммингс, я напишу вам. Я раскрою преступление, которое прогремит на всю Англию. Вы получите известия к завтрашнему дню, мисс Данбэр, а пока знайте, что тучи рассеиваются, и я верю, что справедливость восторжествует.

Из Винчестера до Торского имения ехать было недолго, но я не мог дожидаться, когда же мы приедем. Для Холмса же, я видел, путь казался бесконечным: он не мог усидеть на месте и все время расхаживал по вагону или садился и начинал барабанить своими длинными, чувствительными пальцами по спинке сиденья. Когда мы уже подъезжали, он вдруг уселся против меня (мы были одни в купе) и, положив руку мне на колено, пристально посмотрел на меня. Взгляд был озорным, как у ребенка.

— Уотсон, — сказал он, — я припоминаю, что, отправляясь в наше путешествие, вы взяли с собой револьвер.

Я это сделал скорее для него, ибо он мало заботился о своей безопасности, когда углублялся в решение проблемы, так что не раз мой револьвер выручал нас в беде. Я напомнил ему об этом.

— Да, да. Я немного рассеян в таких делах. Так он у вас при себе?

Я вытащил из заднего кармана небольшой, но очень удобный револьвер. Он открыл затвор, высыпал патроны и внимательно осмотрел его.

— Такой тяжелый, прямо удивительно... — сказал он.

— Да, солидная штучка.

Холмс задумался.

— Знаете, Уотсон, я полагаю, что ваш револьвер скоро окажется в очень тесной связи с тайной,

которую мы раскрываем.

— Дорогой Холмс, вы шутите.

— Нет, Уотсон. Я очень серьезен. Нам предстоит провести один опыт. Если он удастся, все будет ясно. И исход его зависит от поведения этого маленького оружия... Один патрон — долой... Теперь вложим обратно остальные пять и поставим на предохранитель... Так! Это увеличит вес и лучше воспроизведет подлинную обстановку.

Я даже отдаленно не представлял себе, что у него на уме, а он меня об этом не информировал и сидел, погруженный в раздумья, пока мы не подъехали к маленькой станции в Хэмпшире. Там наняли старую двуколку и через четверть часа оказались в доме нашего коллеги — сержанта.

— Нашли ключ к разгадке, мистер Холмс? Расскажите.

— Все зависит от поведения револьвера доктора Уотсона, — сказал мой друг. — Вот он. Теперь скажите, сержант, у вас найдется десять ярдов бечевки?

В деревенской лавке мы достали клубок прочной бечевки.

— По-моему, это все, что нам понадобится, — сказал Холмс. — Теперь, если позволите, мы отправимся на место, и я надеюсь, что это последний этап нашего путешествия.

Солнце садилось, и в его лучах поросшие вереском холмы Хэмпшира были прекрасны. Сержант брел рядом с нами, критически поглядывая на моего спутника, словно он глубоко сомневался в его здравом рассудке. Когда мы подходили к мосту, я заметил, что мой друг, несмотря на все внешнее хладнокровие, был на самом деле сильно возбужден.

— Да, — сказал он в ответ на мое замечание. — Вы видели, как я сделал промах, Уотсон. У меня есть нюх на такие вещи, и, однако, он меня иногда подводит. Догадка промелькнула в моем сознании еще в Винчестерской тюрьме. Но в том и недостаток активного ума, что он мгновенно предлагает противоположное объяснение, которое часто наводит на ложный след. И все же, все же... Ладно, Уотсон, попытаемся.

Он уже успел крепко привязать один конец веревки к рукоятке револьвера. Мы подошли к месту трагедии. С помощью полицейского Холмс весьма тщательно отметил точное местонахождение тела. Затем он отыскал в зарослях вереска солидный камень. Его он прикрепил к другому концу бечевки и перекинул через парапет моста, так что камень свободно раскачивался над водой. Затем, держа в руке мой револьвер, Холмс встал на некотором расстоянии от парапета моста, так чтобы бечевка натянулась.

— Готово! — воскликнул он.

С этими словами он поднес пистолет к голове, а затем разжал руку. В то же мгновение — под действием веса камня — револьвер быстро пронесся в воздухе, резко стукнулся о парапет и, перелетев через барьер, упал в воду. Не успел он погрузиться, как Холмс уже стоял на коленях около парапета и радостным возгласом дал понять, что его предположения оправдались.

— Может ли быть лучшее доказательство? — воскликнул он. — Видите, Уотсон, ваш револьвер разрешил проблему!

Он показал на каменный борт моста: на нижнем его краю образовалась выбоина, точно такого же размера и формы, как и первая.

— Мы заночуем в гостинице. — Он встал и поглядел в лицо изумленному сержанту. — Вы, конечно, достанете багор и легко вытащите револьвер моего друга. Рядом с ним вы также найдете револьвер, веревку и грузило, при помощи которых эта мстительная женщина пыталась скрыть свое собственное преступление и обвинить в убийстве невинного человека. Можете передать мистеру Гибсону, что я встречаюсь с ним утром, и тогда мы примем меры к реабилитации мисс Данбэр.

Поздно вечером, когда мы сидели в деревенской гостинице и курили трубки, Холмс дал краткий обзор всему происшедшему.

— Боюсь, Уотсон, что, добавив к вашему архиву дело о тайне Торского моста, вы не укрепите моей репутации. Мне не хватило быстроты реакции и того сочетания воображения и ощущения реальности, которые составляют основу моего ремесла. Должен признаться, что выбоина на парапете вполне могла послужить ключом к верному решению, и я стыжусь, что не пришел к нему сразу. Надо признать, что эта несчастная женщина обладала незаурядным умом и хитростью, поэтому было не так-то просто распутать ее интригу. Погибшая никак не могла примириться с тем, что мисс Данбэр была ее соперницей. Нет сомнения, что она считала эту невинную девушку причиной всех оскорблений со стороны мужа, который пытался таким образом отвергнуть слишком явную любовь жены. Первым ее решением было покончить с собой. Затем она решила сделать это так, чтобы подвергнуть соперницу страданиям гораздо более мучительным, чем внезапная смерть. Можно проследить ее поступки, и все они свидетельствуют о необычайной хитрости. Очень искусно «вытянуто» у мисс Данбэр письмо, из которого должно явствовать, что именно та выбрала место свидания. В своем стремлении подчеркнуть это миссис Гибсон немного перестаралась, зажав записку в руке. Одно это уже могло раньше возбудить мои подозрения.

Затем она взяла один из револьверов ее мужа — как вы видели, в доме их целый арсенал — и держала его у себя для своих целей. Другой такой же револьвер она спрятала в шкафу мисс Данбэр, предварительно разрядив один патрон, что легко можно было сделать в лесу, не привлекая ничего внимания. Затем она придумала этот хитрый способ избавиться от оружия и для этого пришла на мост. Когда мисс Данбэр появилась, она собралась с последними силами и излила на нее всю свою ненависть, а затем, когда та была далеко и не могла слышать, осуществила свой ужасный замысел.

Теперь все звенья на своих местах и цепь событий полностью восстановлена. Газеты могут задавать вопросы, почему сразу не прочесали драгой дно пруда, но все они задним умом крепки; во всяком случае, такое огромное озеро, заросшее тростником, не так-то легко прочесать, не имея ясно-

го представления, что и где искать.

Ну, Уотсон, мы оказали помощь обаятельной женщине и заодно грозному мужчине. Если они объединят в будущем свои усилия (что вполне вероятно), то финансовый мир может считать, что мистер Нейл Гибсон кое-чему научился в той классной комнате, где Скорбь преподает нам уроки земной жизни.¹⁴

Человек на четвереньках

Мистер Шерлок Холмс всегда придерживался того мнения, что мне следует опубликовать поразительные факты, связанные с делом профессора Пресбери, для того хотя бы, чтобы раз и навсегда положить конец темным слухам, которые лет двадцать назад всколыхнули университет и до сих пор повторялись на все лады в лондонских научных кругах. По тем или иным причинам, однако, я был долго лишен такой возможности, и подлинная история этого любопытного происшествия так и оставалась погребенной на дне сейфа вместе с многими и многими записями о приключениях моего друга. И вот мы, наконец, получили разрешение предать гласности обстоятельства этого дела, одного из самых последних, которые расследовал Холмс перед тем, как оставить практику. Но и теперь еще, делая их достоянием широкой публики, приходится соблюдать известную сдержанность и осмотрительность.

Как-то воскресным вечером, в начале сентября 1903 года, я получил от Холмса характерное для него лаконичное послание:

«Сейчас же приходите, если можете. Если не можете, приходите все равно.

III. X.»

У нас с ним в ту пору установились довольно своеобразные отношения. Он был человек привычек, привычек прочных и глубоко укоренившихся, и одной из них стал я. Я был где-то в одном ряду с его скрипкой, крепким табаком, его дочерна обкуренной трубкой, справочниками и другими, быть может, более предосудительными привычками. Там, где речь шла об активных действиях и ему нужен был товарищ, на выдержку которого можно более или менее спокойно положиться, моя роль была очевидна. Но для меня находилось и другое применение: на мне он оттачивал свой ум, я как бы подстегивал его мысль. Он любил думать вслух в моем присутствии. Едва ли можно сказать, что его рассуждения были адресованы мне — многие из них могли бы с не меньшим успехом быть обращены к его кровати, — и тем не менее, сделав меня своей привычкой, он стал ощущать известную потребность в том, чтобы я слушал его и вставлял свои замечания. Вероятно, его раздражали неторопливость и обстоятельность моего мышления, но оттого лишь ярче и стремительней вспыхивали догадки и заключения в его собственном мозгу. Такова была моя скромная роль в нашем дружеском союзе.

Прибыв на Бейкер-стрит, я застал его в глубоком раздумье: он сидел в своем кресле, нахвалившись, высоко подняв колени, и хмурился, посасывая трубку. Ясно было, что он поглощен какой-то сложной проблемой. Он знаком пригласил меня сесть в мое старое кресло и в течение полчаса ничем более не обнаруживал, что замечает мое присутствие. Затем он вдруг встряхнулся, словно сбрасывая с себя задумчивость, и с обычной своей иронической улыбкой сказал, что рад вновь приветствовать меня в доме, который когда-то был и моим.

— Надеюсь, вы извините мне некоторую рассеянность, милый Уотсон, — продолжал он. — За последние сутки мне сообщили довольно любопытные факты, которые, в свою очередь, дали пищу

¹⁴ **The Problem of Thor Bridge**

Впервые опубликовано в Strand Magazine, Февраль-Март 1922, 7 иллюстраций А. Gilbert, и в Hearst's International Magazine, Февраль-Март 1922, 3 иллюстрации G. Patrick Nelson.

для размышлений более общего характера. Я серьезно подумываю написать небольшую монографию о пользе собак в сыскной работе.

— Но позвольте, Холмс, что же тут нового? — возразил я.

— Ищейки, например...

— Нет-нет, Уотсон, эта сторона вопроса, разумеется, очевидна. Но есть и другая, куда более тонкая. Вы помните, быть может, как в том случае, который вы в вашей сенсационной манере связали с Медными буками, я смог, наблюдая за душевным складом ребенка, вывести заключение о преступных наклонностях его в высшей степени солидного и положительного родителя?

— Да, превосходно помню.

— Подобным же образом строится и ход моих рассуждений о собаках. В собаке как бы отражается дух, который царит в семье. Видели вы когда-нибудь игривого пса в мрачном семействе или понурого в счастливом? У злобных людей злые собаки, опасен хозяин — опасен и пес. Даже смена их настроений может отражать смену настроений у людей.

Я покачал головой.

— Полноте, Холмс, это уж чуточку притянута за волосы.

Он набил трубку и снова уселся в кресло, пропустив мои слова мимо ушей.

— Практическое применение того, о чем я сейчас говорил, самым тесным образом связано с проблемой, которую я исследую в настоящее время. Это, понимаете ли, запутанный клубок, и я ищу свободный конец, чтобы ухватиться и распутать всю веревочку. Одна из возможностей найти его лежит в ответе на вопрос: отчего овчарка профессора Пресбери, верный пес по кличке Рой, норовит искусать хозяина?

Я разочарованно откинулся на спинку кресла: и по такому пустяку меня оторвали от работы? Холмс метнул на меня быстрый взгляд.

— Все тот же старый Уотсон! — произнес он. — Как вы не научитесь понимать, что в основе серьезнейших выводов порой лежат сущие мелочи! Вот посудите сами: не странно ли, когда степенного, пожилого мудреца... вы ведь слышали, конечно, про знаменитого Пресбери, физиолога из Кэмфорда? Так вот, не странно ли, когда такого человека дважды пытается искусать его собственная овчарка, которая всегда была ему самым верным другом? Как вы это объясните?

— Собака больна, и только.

— Что ж, резонное соображение. Но она больше ни на кого не кидается, да и хозяина, судя по всему, не трогает, кроме как в совершенно особых случаях. Любопытно, Уотсон, весьма любопытно. Но вот и звонок — видно, молодой Беннет явился раньше времени. Я рассчитывал потолковать с вами подольше, до того как он придет.

На лестнице послышались быстрые шаги, в дверь отрывисто постучали, и секунду спустя новый клиент Холмса уже стоял перед нами.

Это был высокий, красивый молодой человек лет тридцати, со вкусом одетый, элегантный, впрочем, что-то в его манере держаться выдавало скорее застенчивость ученого, чем самоуверенность светского человека. Он обменялся рукопожатием с Холмсом и затем чуть растерянно взглянул на меня.

— Дело это очень щепетильное, мистер Холмс, — сказал он.

— Не забудьте, какими отношениями я связан с профессором Пресбери — как в личной жизни, так и по службе. Я решительно не считаю себя вправе вести разговор в присутствии третьего лица.

— Не бойтесь, мистер Беннет. Доктор Уотсон — сама деликатность, а кроме того, смею вас уверить, что в таком деле мне, вероятнее всего, потребуется помощник.

— Как вам будет угодно, мистер Холмс. Вы, несомненно, поймете, отчего я несколько сдержан в этом вопросе.

— Поймете и вы, Уотсон, когда я скажу, что этот джентльмен, мистер Джон Беннет, работает у профессора ассистентом, живет с ним под одной крышей и помолвлен с его единственной дочерью. Нельзя не согласиться, что знаменитый ученый имеет все основания рассчитывать на его преданность. Но, пожалуй, лучший способ ее доказать — принять все меры к тому, чтобы раскрыть эту удивительную тайну.

— И я так полагаю, мистер Холмс. Я только этого и добиваюсь. Известно ли доктору Уотсону положение вещей?

— Я не успел познакомить его с обстановкой.

— Тогда, быть может, мне стоит еще раз изложить основные факты, прежде чем говорить о том, что произошло нового?

— Я лучше сам, — сказал Холмс. — Кстати, проверим, правильно ли я запомнил последовательность событий. Итак, Уотсон. Профессор — человек с европейским именем. В его жизни главное место всегда занимала наука. Репутация его безупречна. Он вдовец, у него есть дочь по имени Эдит. Характер у него, насколько я мог заключить, решительный и властный, пожалуй, можно даже сказать, воинственный. Так обстояли дела до последнего времени.

Но вот каких-нибудь несколько месяцев назад привычное течение его жизни было нарушено. Несмотря на свой возраст — а профессору шестьдесят один год, — он сделал предложение дочери профессора Морфи, своего коллеги по кафедре сравнительной анатомии, причем все это, как я понимаю, больше напоминало не рассудочное ухаживание пожилого человека, а пламенную страсть юноши. Никто не мог бы выказать себя более пылким влюбленным. Элис Морфи, молодая особа, о которой идет речь, — девица весьма достойная, умна и хороша собой, так что увлечение профессора вполне понятно. Тем не менее в его собственной семье к этому отнеслись не слишком одобрительно.

— Нам показалось, что все это немножко слишком, — вставил наш клиент.

— Вот именно. Немножко слишком бурно и не совсем естественно. А между тем профессор Пресбери — человек состоятельный, и со стороны отца его нареченной возражений не возникло. У

дочери, правда, были другие виды: на ее руку уже имелись претенденты, быть может, не столь за-видные с житейской точки зрения, зато более подходящие ей по возрасту. Профессор, несмотря на свою эксцентричность, судя по всему, нравился ей. Мешало только одно: возраст.

Примерно в это время в налаженной жизни профессора произошло не совсем понятное событие. Он совершил нечто такое, чего никогда не делал прежде: уехал из дому и никому не сказал куда.

Пробыв в отсутствии две недели, он воротился утомленный, словно после долгой дороги. О том, где он побывал, он не обмолвился ни словом, хотя обычно это был предельно откровенный человек.

Случилось так, однако, что наш с вами клиент, мистер Беннет, получил письмо из Праги от одного своего коллеги; тот писал, что имел удовольствие видеть профессора Пресбери, хотя поговорить им не довелось. Только так домашние узнали, где он был.

Теперь я подхожу к главному. Начиная с этого времени с профессором произошла удивительная перемена. Окружающих не оставляло чувство, что перед ними не тот, кого они знали прежде: на него словно нашло какое-то затмение, подавившее в нем все высокие начала. Интеллект его, впрочем, не пострадал. Его лекции были блистательны, как всегда. Но в нем самом постоянно чувствовалось что-то новое, что-то недоброе и неожиданное. Его дочь, которая души в нем не чаёт, всячески пыталась наладить с ним прежние отношения, заглянуть под маску, которую он надел на себя. Вы, сэр, как я понимаю, со своей стороны, делали то же самое, но тщетно. А теперь, мистер Беннет, расскажите нам сами про эпизод с письмами.

— Надо вам сказать, доктор Уотсон, что у профессора не было от меня секретов. Будь я ему сын или младший брат, я и тогда не мог бы пользоваться большим доверием. Ко мне, как его секретарю, попадали все поступающие на его имя бумага; я вскрывал и разбирал его письма. Вскоре по его возвращении все это изменилось. Он сказал, что, возможно, будет получать письма из Лондона, помеченные крестиком под маркой. Эти письма мне надлежало откладывать, а читать их будет только он сам. И действительно, несколько таких писем прошло через мои руки; на каждом был лондонский штемпель, и надписаны они были почерком малограмотного человека. Быть может, профессор и отвечал на них, но ни ко мне, ни в корзинку, куда складывается вся наша корреспонденция, они не попадали.

— И еще шкатулка, — напомнил Холмс.

— Ах да, шкатулка. Из своей поездки профессор привез маленькую деревянную шкатулочку. Это единственный предмет, по которому можно предположить, что он побывал на континенте: одна из этих оригинальных резных вещиц, которые сразу наводят на мысль о Германии. Поставил он ее в шкаф с инструментами. Однажды, разыскивая пробирку, я взял шкатулку в руки. К моему удивлению, он очень рассердился и в самых несдержанных выражениях отчитал меня за излишнее любопытство. Такого раньше никогда не случалось; я был глубоко задет. Я попытался объяснить, что взял шкатулку по чистой случайности, но весь вечер чувствовал на себе его косые взгляды и знал, что этот эпизод не выходит у него из головы. — Мистер Беннет вынул из кармана записную книжечку. — Это случилось второго июля, — добавил он.

— Вы просто образцовый свидетель, — заметил Холмс. — Кое-какие даты, которые вы у себя поместили, могут мне пригодиться.

— Методичности, как и всему прочему, я научился у профессора. С того момента, как я заметил отклонения от нормы в его поведении, я понял, что мой долг разобраться, что с ним происходит. Итак, у меня тут значится, что в тот же самый день, второго июля, когда профессор выходил из кабинета в холл, на него бросился Рой. Такая же сцена повторилась одиннадцатого июля и затем, как у меня отмечено, еще раз — двадцатого. После этого собаку пришлось изгнать в конюшню. Милейший был пес, ласковый... Впрочем, боюсь, я утомил вас.

Это было сказано укоризненным тоном, так как Холмс явно его не слушал. Он сидел с застывшим лицом, устремив невидящий взгляд в потолок. При последних словах он с усилием вернулся к действительности.

— Интересно! Крайне интересно, — пробормотал он. — Эти подробности я слышу впервые, мистер Беннет. Ну-с, первоначальную картину мы восстановили достаточно полно, не так ли? Но вы упомянули о каких-то новых событиях.

На симпатичное, открытое лицо нашего гостя набежала тень мрачного воспоминания.

— То, о чем я говорил, случилось позавчера ночью, — сказал он. — Я лежал в постели, но заснуть не мог. Часа в два ночи из коридора донеслись какие-то приглушенные, неясные звуки. Я открыл дверь и выглянул наружу. Надо сказать, что спальня профессора находится в конце коридора...

— Число, простите? — спросил Холмс.

Рассказчик был явно задет, что его перебили таким маловажным вопросом.

— Я уже сказал, сэр, что это случилось позапрошлой ночью, стало быть, четвертого сентября.

Холмс кивнул и улыбнулся.

— Продолжайте, пожалуйста, — сказал он.

— Спальня профессора в конце коридора, и, чтобы попасть на лестницу, ему надо пройти мимо моей двери. Поверьте, мистер Холмс, это была жуткая сцена. Нервы у меня, кажется, не хуже, чем у других, но то, что я увидел, ужаснуло меня. В коридоре было темно, и только против одного окна на полпути лежало пятно света. Видно было, как по направлению ко мне что-то движется, что-то черное и сгорбленное. Но вот оно внезапно вошло в полосу света, и я увидел, что это профессор. Он продвигался ползком, мистер Холмс, да-да, ползком! Точнее, даже на четвереньках, потому что он опирался не на колени, а на полную ступню, низко свесив голову между руками. При этом двигался он, казалось, с легкостью. Я так оцепенел от этого зрелища, что, лишь когда он поравнялся с моей дверью, нашел в себе силы шагнуть вперед и спросить, не нужна ли ему моя помощь. Реакция была неопишуема. Он разом выпрямился, прорычал мне в лицо чудовищное ругательство, метнулся мимо меня и ринулся вниз по лестнице. Я прождал не меньше часа, но он все не шел. Видимо, он вернулся к себе в комнату уже на рассвете.

— Ну, Уотсон, что вы на это скажете? — спросил Холмс с видом патолога, описавшего редкий в его практике случай.

— Люмбаго, скорее всего. Я знал больного, который во время жестокого приступа был вынужден передвигаться точно так же, причем нетрудно представить себе, как это должно действовать на нервы.

— Превосходно, Уотсон! С вами всегда стоишь обеими ногами на земле. И все-таки едва ли можно допустить, что это люмбаго: ведь он тут же смог распрявиться.

— Со здоровьем у него как нельзя лучше, — сказал Беннет.

— Не помню, чтобы за эти годы он когда-нибудь лучше себя чувствовал. Вот, мистер Холмс,

таковы факты. Это не тот случай, чтобы можно было обратиться в полицию, а между тем мы буквально ума не приложим, как нам быть; мы чувствуем, что на нас надвигается какая-то неведомая беда. Эдит — я хочу сказать, мисс Пресбери — считает, как и я, что сидеть сложа руки и ждать больше невозможно.

— Случай, безусловно, прелюбопытный и заслуживающий внимания. Ваше мнение, Уотсон?

— Как врач могу сказать, что это, судя по всему, случай для психиатра, — отозвался я. — Бурное увлечение повлияло на мозговую деятельность старого профессора. Поездку за границу он совершил в надежде исцелиться от своей страсти. Письма же и шкатулка, возможно, имеют отношение к личным делам совершенно иного характера — скажем, получению долговой расписки или покупке акций, которые и хранятся в шкатулке.

— А овчарка, разумеется, выражает свое неодобрение по поводу этой финансовой сделки? Ну нет, Уотсон, здесь дело обстоит сложнее. И единственное, что я мог бы тут предложить...

Что именно собирался предложить Шерлок Холмс, навсегда осталось загадкой, ибо в этот самый миг дверь распахнулась, и нам доложили о приходе какой-то молодой дамы. Едва она показалась на пороге, как мистер Беннет, вскрикнув, вскочил и бросился к ней с протянутыми руками. Она тоже протянула руки ему навстречу.

— Эдит, милая! Надеюсь, ничего не случилось?

— Я не могла не поехать за вами. Ах, Джек, как мне было страшно! Какой ужас быть там одной!

— Мистер Холмс, это и есть та молодая особа, о которой я вам говорил. Моя невеста.

— Мы уже начали об этом догадываться, правда, Уотсон? — с улыбкой отозвался Холмс. — Насколько я понимаю, мисс Пресбери, произошло что-то новое и вы решили поставить нас об этом в известность?

Наша гостья, живая, миловидная девушка чисто английского типа, ответила Холмсу улыбкой, усаживаясь возле мистера Беннета.

— Когда оказалось, что мистера Беннета нет в гостинице, я сразу подумала, что, наверное, застану его у вас. Он, конечно, говорил мне, что хочет к вам обратиться. Скажите, мистер Холмс, умоляю вас, можно как-нибудь помочь моему бедному отцу?

— Надеюсь, да, мисс Пресбери, хотя в деле еще много непонятного. Быть может, что-то прояснится после того, как мы выслушаем вас.

— Это произошло вчера ночью, мистер Холмс. Весь день отец был какой-то странный. Я уверена, что временами он просто сам не помнит, что делает. Живет, как во сне. Вчера как раз выдался такой день. Человек, с которым я находилась под одной крышей, был не мой отец, а кто-то другой. Внешняя оболочка оставалась та же, но на самом деле это был не он.

— Расскажите мне, что случилось.

— Ночью меня разбудил неистовый лай собаки. Бедный Рой, его теперь держат на цепи у конюшни! Надо вам сказать, что на ночь я запираю свою комнату, потому что мы все — вот и Джек... то есть мистер Беннет может подтвердить, — живем с таким чувством, что над нами нависла опасность. Моя комната на третьем этаже. Случилось так, что жалюзи на моем окне остались подняты, а ночь была лунная. Я лежала с открытыми глазами, глядя на освещенный квадрат окна и слушая, как заливается лаем собака, и вдруг, к ужасу своему, увидела прямо перед собой лицо отца. Знаете, мистер Холмс, я чуть не умерла от изумления и страха. Да, это было его лицо, прижавшееся к оконному стеклу: он глядел на меня, подняв руку, словно пытаясь открыть окно. Если бы ему это удалось, я, наверное, сошла бы с ума. Не подумайте, будто мне это померещилось, мистер Холмс. Не обманывайте себя. Пожалуй, добрых полминуты я пролежала не в силах шевельнуться, глядя на это лицо. Затем оно исчезло, и все-таки я никак, ну никак не могла заставить себя встать с кровати и посмотреть, куда оно делось. Так и пролежала до утра, дрожа от озноба. За завтраком отец был резок и раздражен, но о ночном эпизоде даже не заикнулся. Я — тоже. Я только выдумала предлог, чтобы отлучиться в город, и вот я здесь.

Рассказ мисс Пресбери, судя по всему, глубоко удивил Холмса.

— Вы говорите, милая барышня, что ваша комната на третьем этаже. Есть в саду большая лестница?

— Нет, мистер Холмс, то-то и странно. До окна никак не достать, и тем не менее он все-таки забрался туда.

— И было это пятого сентября, — сказал Холмс. — Это, бесспорно, усложняет дело.

Теперь настала очередь мисс Пресбери сделать удивленное лицо.

— Вы уже второй раз заговариваете о датах, мистер Холмс, — заметил Беннет. — Неужели это существенно в данном случае?

— Возможно, и даже очень. Впрочем, пока что я не располагаю достаточно полным материалом.

— Уж не связываете ли вы приступы помрачения рассудка с фазами луны?

— Нет, уверяю вас. Моя мысль работает в совершенно ином направлении. Вы не могли бы оставить мне вашу записную книжку? Я бы сверил числа. Ну, Уотсон, по-моему, наш с вами план действия предельно ясен. Эта юная дама сообщила нам — а на ее чутье я полагаюсь безусловно, — что ее отец почти не помнит того, что происходит с ним в определенные дни. Вот мы и нанесем ему визит под тем предлогом, что якобы в один из таких дней условились с ним о встрече. Он припишет это своей забывчивости. Ну, а мы, открывая нашу кампанию, сможем для начала хорошенько рассмотреть его на короткой дистанции.

— Превосходная мысль! — сказал мистер Беннет. — Только должен предупредить вас, что профессор бывает по временам вспыльчив и буен.

Холмс улыбнулся.

— И все же есть причины — притом, если мои предположения верны, причины очень веские, — чтобы мы поехали к нему тотчас же. Завтра, мистер Беннет, мы, безусловно, будем в Кэмфорде. В гостинице «Шахматная Доска», если мне память не изменяет, очень недурен портвейн, а постельное белье выше всяких похвал. Право же, Уотсон, наша судьба на ближайшие несколько дней складывается куда как завидно.

В понедельник утром мы уже сидели в поезде — направляясь в знаменитый университетский городок. Холмсу, вольной птице, ничего не стоило сняться с места, мне же потребовалось лихорадочно менять свои планы, так как моя практика в то время была весьма порядочна. О деле Холмс заговорил лишь после того, как мы оставили чемоданы в той самой старинной гостинице, которую он

похвалил накануне.

— Я думаю, Уотсон, мы застанем профессора дома. В одиннадцать у него лекция, а в перерыве он, конечно, завтракает.

— Но как мы объясним наш визит?

Холмс заглянул в свою записную книжечку.

— Один из приступов беспокойного состояния приходится на 26 августа. Будем исходить из того, что в такие дни он не вполне ясно представляет себе, что делает. Если мы твердо скажем, что договорились о приезде заранее, думаю, он едва ли отважится это отрицать. Хватит ли только у вас духу на такое нахальство?

— Риск — благородное дело.

— Bravo, Уотсон! Не то стишок для самых маленьких, не то поэма Лонгфелло. Девиз фирмы: «Риск — благородное дело». Какой-нибудь дружественный туземец наверняка покажет нам дорогу.

И действительно, вскоре один из них, восседая на козлах щегольского кэба, уже мчал нас мимо старинных университетских зданий и, наконец, свернув в аллею, остановился у подъезда прелестного особняка, окруженного газонами и увитого пурпурной глицинией. Все говорило о том, что профессор Пресбери живет в полном комфорте и, даже более того, в роскоши. В тот самый миг, как мы подъехали к дому, в одном окне появилась чья-то седая голова и глаза в больших роговых очках устремили на нас пронзительный взгляд из-под косматых бровей. Еще минута, и мы очутились в святая святых — в кабинете, а перед нами собственной персоной стоял таинственный ученый, чьи странные выходки привели нас сюда из Лондона. Впрочем, ни его внешний вид, ни манера держаться не выдавали и тени эксцентричности: это был представительный мужчина в сюртуке, высокий, важный, с крупными чертами лица и полной достоинства осанкой, отличающей опытного лектора. Замечательнее всего были его глаза: зоркие, острые и умные, дьявольски умные.

Он взглянул на наши визитные карточки.

— Садитесь, пожалуйста, джентльмены. Чем могу служить?

Холмс подкупающе улыбнулся.

— Именно этот вопрос я собирался задать вам, профессор.

— Мне, сэр?

— Возможно, произошла какая-то ошибка, но мне передали через третье лицо, что профессор Пресбери из Кэмфорда нуждается в моих услугах.

— Ах, вот как! — Мне почудилось, что в серых внимательных глазах профессора вспыхнул злобный огонек. — Передали, стало быть? А позвольте спросить, кто именно?

— Простите, профессор, но разговор был конфиденциальный. Если я и ошибся, беда невелика. Мне останется лишь принести свои извинения.

— Ну нет. Я не намерен так оставлять это дело. Вы возбудили мой интерес. Можете вы привести какое-нибудь письменное доказательство в подтверждение ваших слов — письмо, телеграмму, записку, наконец?

— Нет.

— Не возьмете же вы на себя смелость утверждать, будто я сам вас вызвал?

— Я предпочел бы не отвечать ни на какие вопросы.

— Еще бы! — насмешливо отозвался профессор. — Ничего, на этот-то вопрос легко получить ответ и без вашей помощи.

Он повернулся и подошел к звонку. На зов явился наш лондонский знакомец — мистер Беннет.

— Входите, мистер Беннет. Вот эти два джентльмена приехали из Лондона в уверенности, что их сюда вызвали. Вы ведаете всей моей корреспонденцией. Значится у вас где-нибудь адресат по имени Холмс?

— Нет, сэр, — вспыхнув, ответил Беннет.

— Это решает вопрос, — отрезал профессор, свирепо воззрившись на моего спутника. — Ну-с, сэр, — он подался вперед всем телом, опершись руками на стол, — положение у вас, на мой взгляд, довольно-таки двусмысленное.

Холмс пожал плечами.

— Я могу только еще раз извиниться за наше напрасное вторжение.

— Маловато, мистер Холмс! — пронзительно взвизгнул старик, и его лицо исказилось неопи-
суемой злобой. Он преградил нам путь к двери, неистово потрясая кулаками. — Сомневаюсь, чтобы
вам удалось так легко выкрутиться!

С перекошенным лицом, он в дикой ярости гримасничал, выкрикивая бессвязные угрозы. Я
убежден, что нам пришлось бы пробиваться к двери силой, если б не вмешательство мистера Бенне-
та.

— Дорогой профессор, вспомните о вашем положении! — вскричал он. — Подумайте, что бу-
дут говорить в университете! Мистер Холмс — человек известный. Нельзя допустить такую неучти-
вость по отношению к нему.

Наш не слишком гостеприимный хозяин хмуро отступил от двери. Как приятно было вырваться
из его дома и снова очутиться в тиши тенистой аллеи! Холмса это происшествие, казалось, немало
позабавило.

— У нашего ученого друга пошаливают нервы, — произнес он. — Быть может, мы и впрямь
вторглись к нему чуточку слишком бесцеремонно, зато получили возможность вступить с ним в
непосредственный контакт, что мне и требовалось. Но погодите, Уотсон! Так и есть, он мчится в по-
гоню! Злодей еще не отступился от нас.

Слышно было, как кто-то бежит вслед за нами, но, к моему облегчению, вместо грозного про-
фессора из-за поворота аллеи показался его ассистент. Переводя дыхание, он остановился возле нас.

— Мне так неприятно, мистер Холмс! Я хотел извиниться перед вами.

— Зачем, дорогой мой? Для человека моей профессии все это в порядке вещей.

— Я никогда не видел его в таком взвинченном состоянии. С ним становится просто страшно.
Вы понимаете теперь, отчего мы с его дочерью в такой тревоге? А между тем ум его совершенно
ясен.

— Слишком ясен! — отозвался Холмс. — В этом-то и заключался мой просчет. Очевидно, его
память работает куда более точно, чем я полагал. Кстати, нельзя ли нам, пока мы здесь, посмотреть
на окно мисс Пресбери?

Мистер Беннет, раздвигая кусты, вывел нас на такое место, откуда особняк был виден сбоку.

— Вон оно. Второе слева.

— Ого, до него как будто и не добраться. Впрочем, обратите внимание: внизу вьется плющ, а
выше торчит водосточная труба. Как-никак, точка опоры.

— Мне бы, честно говоря, не влезть, — заметил мистер Беннет.

— Вполне допускаю. Для любого нормального человека это, несомненно, была бы опасная за-

тея.

— Я вам еще кое-что хотел сказать, мистер Холмс. Я достал адрес того человека, которому профессор шлет письма в Лондон. Одно он, по-видимому, отправил сегодня утром, и я списал адрес с бювара. Недостойный прием для личного секретаря, но что поделаешь!

Холмс пробежал глазами бумажку с адресом и спрятал в карман.

— Дорак — занятное имя! Славянское, как я понимаю. Что ж, это — важное звено. Мы возвращаемся в Лондон сегодня же, мистер Беннет. Не вижу смысла оставаться. Арестовать профессора мы не можем: он не совершил никакого преступления; поместить его под наблюдение тоже нельзя, потому что нельзя доказать, что он сумасшедший. Действовать пока рано.

— Да, но как же быть?

— Немножко терпения, мистер Беннет. События начнут назревать в самом скором времени. Либо я ничего не понимаю, либо во вторник можно ждать кризиса. В этот день мы, естественно, будем в Кэмфорде. При всем том нельзя отрицать, что обстановка в доме не из приятных, и если мисс Пресбери имеет возможность продлить свое отсутствие...

— Это нетрудно.

— Тогда пусть побудет в Лондоне, пока мы не сможем заверить ее, что всякая опасность миновала. Ну, а пока пусть профессор делает что хочет, не перечьте ему. Лишь бы он был в добром расположении духа, и все обойдется.

— Смотрите, вон он! — испуганно шепнул Беннет, и мы увидели из-за ветвей, как в дверях дома показалась высокая, осанистая фигура. Профессор стоял, чуть подавшись вперед, покачивая руками прямо перед собой, и озирался по сторонам, поворачивая голову то вправо, то влево. Его секретарь, помахав нам на прощание рукой, исчез за деревьями, и вскоре мы увидели, как он подошел к своему шефу и оба направились в дом, горячо, можно сказать, даже ожесточенно, обсуждая что-то.

— Видимо, почтенный джентльмен смекнул что к чему, — говорил Холмс по дороге в гостиницу. — От этой короткой встречи у меня осталось впечатление, что он человек на редкость ясного и логического ума. Вспыльчив, как порох, не спорю, а впрочем, его можно понять: поневоле вспылишь, если к тебе приставили сыщиков, причем, как ты подозреваешь, не кто иной, как твои собственные домочадцы. Боюсь, нашему Беннету сейчас приходится несладко.

По пути Холмс завернул на почту, чтобы отправить кому-то телеграмму. Ответ пришел вечером, и Холмс протянул его мне.

«Был на Коммершл-роуд, видел Дорака. Пожилой чех, очень учтив. Владелец большого универсального магазина.

Мерсер».

— Мерсера при вас еще не было, — объяснил Холмс. — Я ему поручаю всякую черновую работу. Важно было разузнать кое-что про человека, с которым у нашего профессора такая секретная переписка. Он чех — тут есть связь с поездкой в Прагу.

— Слава Богу, наконец у чего-то с чем-то обнаружилась связь, — сказал я. — Пока что, кажется, перед нами целый набор необъяснимых событий, не имеющих ни малейшего отношения друг к другу. Каким образом, например, можно связать злобный нрав овчарки с поездкой в Чехию или то и другое — с человеком, который ночами разгуливает по коридору на четвереньках? А самое необъяснимое — эти ваши даты.

Холмс усмехнулся и потер руки. Замечу, кстати, что этот разговор происходил в старинном холле гостиницы «Шахматная Доска» за бутылкой знаменитого портвейна, о котором давеча вспоминал мой друг.

— Ну что ж, тогда давайте и поговорим прежде всего об этих датах, — произнес он, сомкнув кончики пальцев с видом учителя, который обращается к классу. — Из дневника этого милого молодого человека явствует, что нелады с профессором начались второго июля и с тех пор — насколько я помню, с одним-единственным исключением — повторяются через каждые девять дней. Вот и последний приступ, тот, что случился в пятницу, падает на третье сентября, а предпоследний — на двадцать шестое августа. Ясно, что о простом совпадении речи быть не может.

Я был вынужден согласиться.

— А потому условимся исходить из того, что каждый девятый день профессор принимает какое-то средство, оказывающее кратковременное, но очень сильное действие. Под его влиянием природная несдержанность профессора усугубляется. Рекомендовали ему это снадобье, когда он был в Праге, теперь же снабжают им через посредника-чеха из Лондона. Все сходится, Уотсон!

— Ну, а собака, а лицо в окне, а человек на четвереньках?

— Ничего-ничего, лиха беда — начало. Не думаю, чтобы до вторника произошло что-нибудь новое. А пока что нам остается не терять связь с нашим другом Беннетом и вкушать тихие радости этого прелестного городка.

Утром к нам заглянул мистер Беннет, чтобы сообщить последние новости. Как и предполагав Холмс, ему пришлось довольно туго. Профессор, хоть и не обвиняя его прямо в том, что это он подстроил наш визит, разговаривал с ним крайне грубо, неприязненно и явно был глубоко уязвлен. Наутро, впрочем, он держался как ни в чем не бывало и, по обыкновению, блистательно прочел лекцию в переполненной аудитории.

— Если б не эти странные припадки, — закончил Беннет, — я бы сказал, что он никогда еще не был так энергичен и бодр, а ум его так светел. И все же это не он, это все время не тот человек, которого мы знали.

— Я думаю, по крайней мере неделю вам опасаться нечего, — сказал Холмс. — Я человек занятой, а доктора Уотсона ждут пациенты. Условимся так: во вторник в это же время мы с вами встречаемся здесь, и я более чем уверен, что, прежде чем снова расстаться, мы будем в состоянии обнаружить и, быть может, устранить причину ваших невзгод. Ну, а пока пишите и держите нас в курсе событий.

Вслед за тем я несколько дней не виделся с моим другом, но в понедельник вечером получил от него коротенькую записку, в которой он просил меня встретиться с ним завтра на вокзале. По дороге в Кэмфорд он рассказал, что там пока все тихо, ничто не нарушало покой в профессорском доме и сам хозяин вел себя вполне нормально. Это подтвердил и мистер Беннет, навестивший нас вечером все в том же номере «Шахматной Доски».

— Сегодня он получил от того человека из Лондона письмо и небольшой пакет. Оба помечены крестиком, и я их не вскрывал. Больше ничего не было.

— Может статься, что и этого более чем достаточно, — угрюмо заметил Холмс. — Итак, мистер Беннет, думаю, нынешней ночью мы добьемся какой-то ясности. Если ход моих рассуждений верен, у нас будет возможность ускорить развязку, но для этого необходимо держать профессора под наблюдением. А потому я рекомендовал бы вам не спать и быть начеку. Случись вам услышать, что он крадется мимо вашей двери, не останавливайте его и следуйте за ним, только как можно осторожнее. Мы с доктором Уотсоном будем неподалеку. Кстати, где хранится ключ от той шкатулочки, о которой вы рассказывали?

— Профессор носит его на цепочке от часов.

— Мне сдается, что разгадку нам следует искать именно в этом направлении. В крайнем случае замок, вероятно, не так уж трудно взломать. Есть там у вас еще какой-нибудь крепкий мужчина?

— Есть еще Макфейл, наш кучер.

— Где он ночует?

— В комнате над конюшней.

— Возможно, он нам понадобится. Ну-с, делать пока больше нечего, посмотрим, как будут развиваться события. До свидания. Впрочем, думаю, мы с вами еще увидимся до утра.

Незадолго до полуночи мы заняли позицию в кустах прямо напротив парадной двери профессорского особняка. Ночь была ясная, но холодная, и мы порадовались, что надели теплые пальто. Налетел ветерок; по небу, то и дело закрывая серп луны, заскользили тучи. Наше бдение оказалось бы весьма унылым, если б не лихорадочное нетерпение, которым мы были охвачены, и не уверенность моего спутника в том, что вереница загадочных событий, овладевших нашими умами, вероятно, скоро кончится.

— Если девятидневный цикл не будет нарушен, профессор должен сегодня предстать перед нами во всей красе, — сказал Холмс. — Все факты указывают единое направление: и то, что про-

фессор начал вести себя странно после поездки в Прагу, и то, что у него секретная переписка с торговцем-чехом, который живет в Лондоне, но, по-видимому, действует по поручению кого-то из Праги, и, наконец, то, что как раз сегодня профессор получил от него посылку. Что именно он принимает и зачем, пока еще выше нашего понимания, но что все это каким-то образом исходит из Праги, не вызывает сомнений. Снадобье он принимает в соответствии с четкими указаниями — каждый девятый день. Это обстоятельство как раз и бросилось мне в глаза прежде всего. Но вот симптомы, которые оно вызывает, — это нечто поразительное. Вы обратили внимание, какие у него суставы на пальцах?

Я вынужден был сознаться, что нет.

— Утолщенные, мозолистые — ничего подобного в моей практике не встречалось. Всегда первым делом смотрите на руки, Уотсон. Затем на манжеты, колени брюк и ботинки. Да, прелюбопытные суставы. Такие можно нажить, лишь передвигаясь на... — Холмс осекся и вдруг хлопнул себя ладонью по лбу. — Ах ты, Господи, Уотсон, что же я был за осел! Трудно поверить, но разгадка именно такова! Все сразу встает на свои места. Как это я мог не уловить логику событий? И суставы — суставы как ухитрился проглядеть? Ну да, и собака! И плющ! Нет, мне положительно настало время удалиться на маленькую ферму, о которой я давно мечтаю... Но тихо, Уотсон! Вот и он! Сейчас сами убедимся.

Дверь дома медленно отворилась, и мы увидели в освещенном проеме высокую фигуру профессора Пресбери. Профессор был в халате. Он стоял на пороге, чуть наклонясь вперед и свесив перед собою руки, как и в прошлый раз.

Но вот он сошел с крыльца, и с ним произошла разительная перемена. Он опустился на четвереньки и двинулся вперед, то и дело подсакивая на ходу, словно от избытка сил и энергии, прошел таким образом вдоль фасада и повернул за угол. Едва он скрылся, как из двери выскользнул Беннет и, крадучись, последовал за ним.

— Идем, Уотсон, скорее! — шепнул Холмс, и мы, стараясь не шуметь, устремились сквозь кусты к тому месту, откуда видна была боковая стена особняка, увитая плющом и залитая светом молодой луны. Мы ясно разглядели скрюченную фигуру профессора и вдруг увидели, как он начал с непостижимым проворством карабкаться вверх по стене. Он перелетал с ветки на ветку, уверенно переставляя ноги, цепко хватаясь руками, без всякой видимой цели, просто радуясь переполнявшей его силе. Полы его халата развевались в воздухе, и он был похож на гигантскую летучую мышь, темным квадратом распластавшуюся по освещенной лунной стене его собственного дома. Вскоре эта забава наскучила ему, он спустился вниз, перескакивая с ветки на ветку, опять встал на четвереньки и все тем же странным способом направился к конюшне.

Овчарка уже выскочила на улицу, захлебываясь бешеным лаем, а заведев хозяина, и вовсе осатанела. Она рвалась с цепи, дрожа от злобы и возбуждения. Профессор приблизился к ней и, присев на корточки, совсем близко, но с таким расчетом, чтобы она не могла его достать, принялся дразнить ее на все лады. Он собирал камешки и полными горстями бросал их псу в морду, тыкал его палкой, поднятой с земли, размахивал руками прямо у разинутой собачьей пасти — короче говоря, всячески старался подстегнуть и без того неудержимую ярость животного. За все наши похождения я не припомню более дикого зрелища, чем эта бесстрастная и еще не утратившая остатков достоинства фигура, по-лягушечьи припавшая к земле перед беснующейся, разъяренной овчаркой и обдуманно, с изощренной жестокостью старающаяся довести ее до еще большего исступления.

И тут в мгновение ока — свершилось! Нет, не цепь лопнула: соскочил ошейник, рассчитанный на мощную шею ньюфаундленда. Мы услышали лязг упавшего металла, и в тот же миг собака и человек, сплетенные в тесный клубок, покатались по земле, первая — с яростным рыком, второй — с пронзительным, неожиданно визгливым воплем ужаса. Профессор был буквально на волосок от гибели. Рассвирепевшее животное вцепилось ему в горло, глубоко вонзив в него клыки, и профессор потерял сознание еще до того, как мы успели подбежать и разнять их. Это могло бы оказаться опасной процедурой, но присутствия Беннета и одного его окрика оказалось довольно, чтобы мгновенно унять огромного пса. На шум из комнаты над конюшней выскочил заспанный, перепуганный кучер.

— Ничего удивительного, — сказал он, качая головой. — Я и раньше видел, что он тут вытворяет. Я так и знал, что рано или поздно собака до него доберется.

Роя снова посадили на цепь, а профессора мы вчетвером отнесли к нему в комнату, и Беннет, медик по образованию, помог мне наложить повязку на его истерзанное горло. Рана оказалась тяжелой: острые клыки едва не задели сонную артерию, и профессор потерял много крови. Через полчаса непосредственная опасность была устранена, я ввел пострадавшему морфий, и он погрузился в глубокий сон.

Теперь, и только теперь, мы смогли взглянуть друг на друга и обсудить обстановку.

— Я считаю, что его нужно показать первоклассному хирургу, — сказал я.

— Боже избави! — воскликнул Беннет. — Пока об этой скандальной истории знают только домашние, никто о ней не проговорится. Стоит слухам просочиться за пределы этого дома, и пересудам не будет конца. Нельзя забывать о положении, которое профессор занимает в университете, о том, что он ученый с европейским именем, о чувствах его дочери.

— Совершенно справедливо, — сказал Холмс. — И я думаю, теперь, когда у нас не связаны руки, мы вполне можем найти способ избежать огласки и в то же время предотвратить возможность повторения чего-либо подобного. Снимите ключ с цепочки, мистер Беннет. Макфейл посмотрит за больным и даст нам знать, если что-нибудь случится. Поглядим, что же спрятано в таинственной шкатулке профессора.

Оказалось, немного, но и этого было достаточно: два флакона, один пустой, другой едва початый, шприц да несколько писем, нацарапанных неразборчивым почерком иностранца. По крестикам на конвертах мы поняли, что это те самые, которые запрещалось вскрывать секретарю; все были посланы с Коммершл-роуд и подписаны «А. Дорак». В одних конвертах были только сообщения о том, что профессору Пресбери отправлен очередной флакон с препаратом, в других — расписки в получении денег. Был здесь и еще один конверт — с австрийской маркой, проштемпелеванный в Праге и надписанный более грамотой рукой.

— Вот то, что нам надо! — вскричал Холмс, выхватывая из него письмо.

«Уважаемый коллега! — *прочли мы.* — После Вашего визита я много думал о Вашем случае, и хотя в таких обстоятельствах, как Ваши, имеются особо веские причины прибегнуть к моему средству, я все же настоятельно рекомендовал бы Вам проявлять осмотрительность, так как пришел к выводу, что оно не безвредно.

Возможно, нам лучше было бы воспользоваться сывороткой антропоида. Черноголовый хульман, как я уже объяснял Вам, был избран мною лишь потому, что была возможность достать животное, но ведь хульман передвигается на четырех конечностях и живет на деревьях, меж тем как антропоиды принадлежат к двуногим и во всех отношениях стоят ближе к человеку.

Умоляю Вас соблюдать все меры предосторожности, дабы избежать преждевременной гласности. У меня есть еще один пациент в Англии; наш посредник — тот же Дорак. Вы весьма обяжете меня, присылая Ваши отчеты еженедельно.

С совершенным почтением, Ваш Г. Ловенштейн».

Ловенштейн! При этом имени мне вспомнилось коротенькое газетное сообщение о каком-то безвестном ученом, который ставит загадочные опыты с целью постичь тайну омолаживания и изготовить эликсир жизни. Ловенштейн, ученый из Праги! Ловенштейн, который открыл чудо-сыворотку, дарующую людям силу, и которому другие ученые объявили бойкот за отказ поделиться с ними секретом своего открытия!

В нескольких словах я рассказал, что запомнил. Беннет достал с полки зоологический справочник.

— «Хульман, — прочел он. — Большая черноголовая обезьяна, обитает на склонах Гималаев, самая крупная и близкая к человеку из лазающих обезьян». Далее следуют многочисленные подробности. Итак, мистер Холмс, сомнений нет: благодаря вам мы все-таки обнаружили корень зла.

— Истинный корень зла, — сказал Холмс, — это, разумеется, запоздалая страсть на склоне лет, внушившая нашему пылкому профессору мысль, что он сможет добиться исполнения своих желаний, лишь став моложе. Тому, кто пробует поставить себя выше матери-Природы, нетрудно скатиться вниз. Самый совершенный представитель рода человеческого может пасть до уровня животного, если свернет с прямой дороги, предначертанной всему существу. — Он помолчал, задумчиво разглядывая наполненный прозрачной жидкостью флакон, который держал в руке. — Я напишу этому человеку, что он совершает уголовное преступление, распространяя свое зелье, и нам больше не о чем будет тревожиться. Но рецидивы не исключены. Найдутся другие, они будут действовать искуснее. Здесь кроется опасность для человечества, и очень грозная опасность. Вы только вдумайтесь, Уотсон: стяжатель, сластолюбец, фат — каждый из них захочет продлить свой никчемный век. И только человек одухотворенный устремится к высшей цели. Это будет противоестественный отбор! И какой же зловонной клоакой станет тогда наш бедный мир! — Внезапно мечтатель исчез, вернулся человек действия. Холмс вскочил со стула. — Ну, мистер Беннет, я думаю, мы обо всем поговорили, и разрозненные, казалось бы, факты легко теперь связать воедино. Собака, естественно, почуяла перемену гораздо раньше вас: на то у нее и тонкий нюх. Не на профессора бросился Рой — на обезьяну, и не профессор, а обезьяна дразнила его. Ну, а лазать для обезьяны — сущее блаженство, и к окну вашей невесты ее, как я понимаю, привела чистая случайность. Скоро отходит лондонский поезд, Уотсон, но я думаю, мы еще успеем до отъезда выпить чашку чая в гостинице.¹⁵

Львиная грива

Удивительно, что одна из самых сложных и необычайных задач, с которыми я когда-либо встречался в течение моей долгой жизни сыщика, встала передо мной, когда я уже удалился от дел; все разыгралось чуть ли не на моих глазах. Случилось это после того, как я поселился в своей маленькой Суссекской вилле и целиком погрузился в мир и тишину природы, о которых так мечтал в

¹⁵ The Adventure of the Creeping Man

Впервые опубликовано в Strand Magazine, Март 1923, 5 иллюстраций Howard K. Elcock, и в Hearst's International Magazine, Март 1923, 6 иллюстраций Frederic Dorr Steele.

течение долгих лет, проведенных в туманном, мрачном Лондоне. В описываемый период добряк Уотсон почти совершенно исчез с моего горизонта. Он лишь изредка навещал меня по воскресеньям, так что на этот раз мне приходится быть собственным историографом. Не то как бы он расписал столь редкостное происшествие и все трудности, из которых я вышел победителем! Увы, мне придется попросту и без затей, своими словами рассказать о каждом моем шаге на сложном пути раскрытия тайны Львиной Гривы.

Моя вилла расположена на южном склоне возвышенности Даунз, с которой открывается широкий вид на Ла-Манш. В этом месте берег представляет собой стену из меловых утесов; спуститься к воде можно по единственной длинной извилистой тропке, крутой и скользкой. Внизу тропка обрывается у пляжа шириной примерно в сто ярдов, покрытого галькой и гольшом и не заливаемого водой даже в часы прилива. Однако в нескольких местах имеются заливчики и выемки, представляющие великолепные бассейны для плавания и с каждым приливом заполняющиеся свежей водой. Этот чудесный берег тянется на несколько миль в обе стороны и прерывается только в одном месте небольшой бухтой, по берегу которой расположена деревня Фулворт.

Дом мой стоит на отшибе, и в моем маленьком владении хозяйничаем только я с моей экономкой да пчелы. В полумиле отсюда находится знаменитая школа Гарольда Стэкхерста, занимающая довольно обширный дом, в котором размещены человек двадцать учеников, готовящихся к различным специальностям, и небольшой штат педагогов. Сам Стэкхерст, в свое время знаменитый чемпион по гребле, — широко эрудированный ученый. С того времени, как я поселился на побережье, нас с ним связывали самые дружеские отношения, настолько близкие, что мы по вечерам заходили друг к другу, не нуждаясь в особом приглашении.

В конце июля 1907 года был сильный шторм, ветер дул с юго-запада, и прибой докатывался до самого подножия меловых утесов, а когда начинался отлив, на берегу оставались большие лагуны. В то утро, с которого я начну свой рассказ, ветер стих, и все в природе дышало чистотой и свежестью. Работать в такой чудесный день не было никаких сил, и я вышел перед завтраком побродить и подышать изумительным воздухом. Я шел по дорожке, ведущей к крутому спуску на пляж. Вдруг меня кто-то окликнул, и, обернувшись, я увидел Гарольда Стэкхерста, весело машущего мне рукой.

— Что за утро, мистер Холмс! Так я и знал, что встречу вас.

— Я вижу, вы собрались купаться.

— Опять взялись за старые фокусы, — засмеялся он, похлопывая по своему набитому карману. — Макферсон уже вышел спозаранку, я, наверное, встречу его здесь.

Фицрой Макферсон — видный, рослый молодой человек — преподавал в школе естественные науки. Он страдал пороком сердца вследствие перенесенного ревматизма; но, будучи природным атлетом, отличался в любой спортивной игре, если только она не требовала от него чрезмерных физических усилий. Купался он и зимой и летом, а так как я и сам завзятый купальщик, то мы часто встречались с ним на берегу.

В описываемую минуту мы увидели самого Макферсона. Его голова показалась из-за края обрыва, у которого кончалась тропка. Через мгновение он появился во весь рост, пошатываясь, как пьяный. Затем вскинул руки и со страшным воплем упал ничком на землю. Мы со Стэкхерстом бросились к нему — он был от нас ярдах в пятидесяти — и перевернули его на спину. Наш друг был по всем признакам при последнем издыхании. Ничего иного не могли означать остекленевшие, ввалившиеся глаза и посиневшее лицо. На одну секунду в его глазах мелькнуло сознание, он исступленно силился предостеречь нас. Он что-то невнятно, судорожно прокричал, но я расслышал в его вопле всего два слова: «львиная грива». Эти слова ничего мне не говорили, но ослышаться я не мог. В то же мгновение Макферсон приподнялся, вскинул руки и упал на бок. Он был мертв.

Мой спутник остолбенел от неожиданного страшного зрелища; у меня же, разумеется, все чувства мгновенно обострились, и не зря: я сразу понял, что мы оказались свидетелями какого-то совершенно необычайного происшествия. Макферсон был в одних брюках и в накинута на голое тело макинтоше, а на ногах у него были незашнурованные парусиновые туфли. Когда он упал, пальто соскользнуло, обнажив торс. Мы онемели от удивления. Его спина была расплосована темно-багровыми рубцами, словно его исхлестали плетью из тонкой проволоки. Макферсон был, видимо, замучен и убит каким-то необычайно гибким инструментом, потому что длинные, резкие рубцы закруглялись со спины и захватывали плечи и ребра. По подбородку текла кровь из прикушенной от невыносимой боли нижней губы.

Я опустился на колени, а Стэкхерст, стоя, склонился над трупом, когда на нас упала чья-то тень, и, оглянувшись, мы увидели, что к нам подошел Ян Мэрдок. Мэрдок преподавал в школе математику; это был высокий, худощавый брюнет, настолько нелюдимый и замкнутый, что не было человека, который мог бы назвать себя его другом. Казалось, он витал в отвлеченных сферах иррациональных чисел и конических сечений, мало чем интересуясь в повседневной жизни. Он слыл среди учеников чудачком и мог бы легко оказаться посмешищем, не будь в его жилах примеси какой-то чужеземной крови, проявлявшейся не только в черных, как уголь, глазах и смуглой коже, но и во вспышках ярости, которые нельзя было назвать иначе, как дикими. Однажды на него набросилась собачонка Макферсона; Мэрдок схватил ее и вышвырнул в окно, разбив зеркальное стекло; за такое поведение Стэкхерст, конечно, не преминул бы его уволить, не дорожи он им как отличным преподавателем. Такова характеристика странного, сложного человека, подошедшего к нам в эту минуту. Казалось, он был вполне искренне потрясен видом мертвого тела, хотя случай с собачонкой вряд ли мог свидетельствовать о большой симпатии между ним и покойником.

— Бедняга! Бедняга! Не могу ли я что-нибудь сделать? Чем мне помочь вам?

— Вы были с ним? Не расскажете ли вы, что здесь произошло?

— Нет, нет, я поздно встал сегодня. И еще не купался. Я только иду из школы. Чем я могу быть вам полезен?

— Бегите скорее в Фулворт и немедленно известите полицию.

Не сказав ни слова, Мэрдок поспешно направился в Фулворт, а я тотчас же принялся изучать место происшествия, в то время как потрясенный Стэкхерст остался у тела. Первым моим делом было, конечно, убедиться, нет ли еще кого-нибудь на пляже. С обрыва, откуда спускалась тропка, берег,

видимый на всем протяжении, казался совершенно безлюдным, если не считать двух-трех темных фигур, шагавших вдалеке по направлению к Фулворту. Закончив осмотр берега, я начал медленно спускаться по тропке. Почва здесь была с примесью глины и мягкого мергеля, и то тут, то там мне попадались следы одного и того же человека, идущие и под гору и в гору. Никто больше по тропке в это утро не спускался. В одном месте я заметил отпечаток ладони с расположенными вверх по тропе пальцами. Это могло значить только, что несчастный Макферсон упал, поднимаясь в гору. Я заметил также круглые впадины, позволявшие предположить, что он несколько раз падал на колени. Внизу, где тропка обрывалась, была довольно большая лагуна, образованная отступившим приливом. На берегу этой лагуны Макферсон разделся: тут же, на камне, лежало его полотенце. Оно было аккуратно сложено и оказалось сухим, так что, судя по всему, Макферсон не успел окунуться. Кружа во всех направлениях по твердой гальке, я обнаружил на пляже несколько песчаных проплешин со следами парусиновых туфель и голых ступней Макферсона. Последнее наблюдение показывало, что он должен был вот-вот броситься в воду, а сухое полотенце говорило, что он этого сделать не успел.

Тут-то и коренилась загадка всего происшествия — самого необычайного из всех, с которыми я когда-либо сталкивался. Человек пробыл на пляже самое большее четверть часа. В этом не могло быть сомнения, потому что Стэкхерст шел вслед за ним от самой школы. Человек собрался купаться и уже разделся, о чем свидетельствовали следы голых ступней. Затем внезапно он снова натянул на себя макинтош, не успев окунуться или, во всяком случае, не вытеревшись. Он не смог выполнить свое намерение и выкупаться потому, что был каким-то необъяснимым и нечеловеческим способом исхлестан и истерзан так, что до крови прикусил от невыносимой боли губу и у него еле достало сил, чтобы отползти от воды и умереть. Кто был виновником этого зверского убийства? Правда, у подножия утесов были небольшие гроты и пещеры, но они были хорошо освещены низко стоявшим утренним солнцем и не могли служить убежищем. Кроме того, как я уже сказал, вдалеке на берегу виднелось несколько темных фигур. Они были слишком далеко, чтобы их можно было заподозрить в прикосновенности к преступлению, и к тому же их отделяла от Макферсона широкая, подходившая к самому подножию обрыва лагуна, в которой он собирался купаться. Недалеко в море виднелись две-три рыбацьи лодки. Я мог хорошо разглядеть сидевших в них людей. Итак, мне открывалось несколько путей расследования дела, но ни один из них не сулил успеха.

Когда я в конце концов вернулся к трупу, я увидел, что вокруг него собралась группа случайных прохожих. Тут же находился, конечно, и Стэкхерст и только что подоспевший Ян Мэрдок в сопровождении сельского констебля Андерсона — толстяка с рыжими усами, низкорослой суссекской породы, наделенной под неповоротливой, угрюмой внешностью незаурядным здравым смыслом. Он выслушал нас, записал наши показания, потом отозвал меня в сторону.

— Я был бы признателен вам за совет, мистер Холмс. Одному мне с этим сложным делом не справиться, а если я что напутаю, мне влетит от Льюиса.

Я посоветовал ему, во-первых, послать за своим непосредственным начальником, во-вторых, до прибытия начальства не переносит ни тела, ни вещей и, по возможности, не топтаться зря у трупа, чтобы не путать следов. Сам я тем временем обыскал карманы покойного. Я нашел в них носовой платок, большой перочинный нож и маленький бумажник. Из бумажника выскользнул листок бумаги, который я раздернул и вручил констеблю. На листке небрежным женским почерком было написано: «Не беспокойся, жди меня. Мод». Судя по всему, это была любовная записка, но в ней не указывалось ни время, ни место свидания. Констебль вложил записку обратно в бумажник и вместе с прочими вещами водворил в карман макинтоша. Затем, поскольку никаких новых улик не обнаруживалось, я пошел домой завтракать, предварительно распорядившись о тщательном обследовании подножия утесов.

Часа через два ко мне зашел Стэкхерст и сказал, что тело перенесено в школу, где будет производиться дознание. Он сообщил мне несколько весьма важных и знаменательных фактов. Как я и ожидал, в пещерках под обрывом ничего не нашли, но Стэкхерст просмотрел бумаги в столе Макферсона и среди них обнаружил несколько писем, свидетельствующих о взаимной склонности между покойным и некой мисс Мод Беллами из Фулворта. Таким образом стало известно, кто писал записку, найденную в кармане Макферсона.

— Письма у полиции, — пояснил Стэкхерст, — я не смог принести их. Они, несомненно, сви-

детельствуют о серьезном романе. Но я не вижу оснований связывать эти отношения со страшным происшествием, если не считать того, что дама назначила ему свидание.

— Вряд ли, однако, свидание было назначено на берегу, где все вы обычно купаетесь, — заметил я.

— Да, это чистая случайность, что Макферсона не сопровождали несколько учеников.

— Такая ли уж случайность?

— Их задержал Ян Мэрдок, — сказал Стэкхерст. — Он настоял на проведении перед завтраком занятий по алгебре. Бедный малый, он страшно подавлен случившимся!

— Хотя, сколько мне известно, они не были особенно дружны.

— Да, первое время, но вот уже год или больше того, как Мэрдок сошелся с Макферсоном, насколько он вообще только способен с кем-нибудь сойтись. Он не очень-то общителен по природе.

— Так я и думал. Я припоминаю ваш рассказ о том, как он расправился с собачонкой покойного.

— Ну, это — дело прошлое.

— Но такой поступок мог, пожалуй, вызвать мстительные чувства.

— Нет, нет, я уверен в их искренней дружбе.

— Ну что ж, тогда перейдем к сердечным делам. Знакомы ли вы с дамой?

— Ее знают все. Она славится своей красотой по всей нашей округе, она писаная красавица, Холмс, кого ни спроси. Я знал, что она нравится Макферсону, но не предполагал, что дело зашло так далеко, как это явствует из писем.

— Кто же она?

— Дочь старого Тома Беллами, владельца всех прогулочных лодок и купален в Фулворте. Начал он с простого рыбака, а теперь он человек с положением. В деле ему помогает его сын Уильям.

— Не сходить ли нам в Фулворт повидать их?

— Под каким предлогом?

— О, предлог легко найти. Не мог же в конце концов наш несчастный друг покончить с собой, прибегнув к такому страшному способу самоубийства! Ведь плеть, которой он исстеган, должна была находиться в чьей-то руке, если допустить, что убийство совершено с помощью плети. Круг знакомых Макферсона в этом малолюдном месте, конечно, невелик. Давайте займемся всеми его знакомыми, и, досконально изучив их, мы наверное, нащупаем мотив преступления, а это, в свою очередь, поможет нам найти преступника.

Что могло бы быть для нас приятнее прогулки по холмам, заросшим душистым чебрецом, не будь мы так потрясены страшной трагедией, разыгравшейся на наших глазах! Деревня Фулворт расположена в небольшой впадине, полукругом опоясывающей бухту. За рядом старых домишек, вверх по склону, построено несколько современных домов. К одному из таких домов и повел меня Стэкхерст.

— Вот и «Гавань», как называет свой участок Беллами. Вон тот дом, с угловой башенкой и с черепичной крышей. Неплохо для человека, начавшего с ничего... Посмотрите-ка! Это еще что такое?

Садовая калитка «Гавани» открылась, и из нее вышел человек. Трудно было бы не признать в его высокой, угловатой фигуре математика Яна Мэрдока. Через минуту мы столкнулись с ним на дороге.

— Хэлло! — окликнул его Стэкхерст.

Мэрдок кивнул, искоса глянул на нас проницательными темными глазами и хотел было пройти мимо, но директор школы задержал его.

— Что вы здесь делали? — спросил он.

Мэрдок вспыхнул.

— Сэр, я подчинен вам в вашей школе. Но мне кажется, я не обязан давать вам отчет в своих личных делах.

После всего пережитого нервы Стэкхерста были натянуты, как струна. При других обстоятельствах он бы сдержался. Теперь же он вышел из себя.

— Ваш ответ, мистер Мэрдок, в настоящих условиях — чистейшая дерзость.

— Не меньшей дерзостью кажется мне ваш вопрос.

— Мне уже не в первый раз приходится терпеть ваши грубости. Сегодняшняя ваша выходка будет последней. Я попрошу вас подыскать себе другое место, и как можно скорее.

— Это вполне соответствует моим желаниям. Сегодня я потерял единственного человека, который как-то скрашивал мне существование у вас в школе.

И Мэрдок решительно зашагал по дороге, а Стэкхерст яростно глядел ему вслед.

— Какой трудный, какой невыносимый человек! — воскликнул он.

Меня больше всего поразило, что мистер Ян Мэрдок воспользовался первым же подвернувшимся предложением, чтобы сбежать с места преступления. Зародившиеся во мне догадки, до сих пор смутные и неопределенные, становились отчетливее. «Может быть, знакомство с семейством Беллами прольет свет на это дело?» — подумал я. Стэкхерст успокоился, и мы направились к дому.

Мистер Беллами оказался мужчиной средних лет, с огненно-рыжей бородой. Вид у него был очень взволнованный, лицо пылало не меньше бороды.

— Увольте, сэр, я не желаю знать никаких подробностей. И мой сын, — он указал на богатырского сложения молодого человека, с тяжелым, угрюмым лицом, — совершенно согласен со мной, что поведение мистера Макферсона компрометировало Мод. Да, сэр, он ни разу не произнес слова «брак», хотя была переписка, были свидания и много всякого другого, чего никто из нас не одобрял. У Мод нет матери, и мы ее единственные защитники. Мы решили...

Это словоизвержение было внезапно прервано появлением самой девушки. Никто не стал бы отрицать, что она могла, послужить украшением любого общества. И кто бы подумал, что столь редкостной красоты цветок вырастет на такой почве и в подобной атмосфере! Я мало увлекался женщинами, ибо сердце мое всегда было в подчинении у головы, но, глядя на прекрасные тонкие черты, на нежный, свежий цвет лица, типичный для этих краев, я понимал, что ни один молодой человек, увидев ее, не мог бы остаться равнодушным. Такова была девушка, которая теперь стояла перед Гарольдом Стэкхерстом, открыто и решительно глядя ему в глаза.

— Я уже знаю, что Фицрой скончался, — сказала она. — Не бойтесь, я в состоянии выслушать любые подробности.

— Тот ваш джентльмен уже все рассказал нам, — пояснил отец.

— У вас нет никаких оснований замешивать в эту историю мою сестру, — пробурчал молодой человек.

— Это — мое дело, Уильям, — сказала сестра, метнув на него горячий, уничтожающий взгляд. — Будь добр, позволь мне вести себя, как я сочту нужным. Ясно, что совершено страшное преступление. Если я смогу помочь раскрыть убийцу, я хотя бы исполню этим свой долг перед умершим.

Она выслушала краткое сообщение моего спутника сдержанно, с сосредоточенным вниманием, тем доказав, что наряду с красотой она обладала сильным характером. Мод Беллами навсегда запомнится мне как одна из самых красивых и самых достойных женщин. Она, по-видимому, уже знала меня в лицо, потому что сразу же обратилась ко мне.

— Привлеките их к ответу, мистер Холмс, — сказала она.

— Кто бы ни был убийца, все мои симпатии и моя помощь на вашей стороне.

Мне показалось, что при этих словах она с вызовом посмотрела на отца и брата.

— Благодарю вас, — сказал я. — Я очень ценю в таких делах женскую интуицию. Но вы сказали «их». Вы думаете, что в этом деле повинен не один человек?

— Я достаточно хорошо знала мистера Макферсона, чтобы утверждать, что он был человеком мужественным и сильным. Один на один с ним никто бы не справился.

— Не могу ли я сказать вам несколько слов с глазу на глаз?

— Говорю тебе. Мод, не вмешивайся ты в эти дела! — раздраженно крикнул отец.

Она беспомощно взглянула на меня.

— Как же мне быть?

— Теперь дело все равно получит огласку, — сказал я, — так что никакой беды не будет, если мы поговорим с вами при всех. Я предпочел бы, конечно, разговор наедине, но раз вашему отцу это

неудовольствие, он может принять участие в нашей беседе.

И я рассказал ей о записке, найденной в кармане покойника.

— Она, конечно, будет фигурировать на дознании. Могу я попросить вас дать объяснения по поводу этой записки?

— У меня нет причин что-либо скрывать, — ответила девушка. — Мы были женихом и невестой и собирались пожениться, но мы не оглашали нашей помолвки из-за дяди Фицроя: он старый, по слухам, смертельно болен, и он мог бы лишиться Фицроя наследства, женись он против его воли. Никаких других причин скрываться у нас не было.

— Ты могла бы сказать нам об этом раньше, — проворчал Беллами.

— Я бы так и сделала, отец, если бы видела с вашей стороны доброжелательное отношение.

— Я не хочу, чтобы моя дочь связывалась с людьми другого круга!

— Из-за этого вашего предубеждения против Фицроя и я не могла ничего вам рассказать. Что же касается моей записки, то она была ответом вот на это... — И она, пошарив в кармане платья, протянула мне смятую бумажку.

«Любимая (гласила записка)!

Я буду на обычном месте на берегу тотчас после захода солнца, во вторник. Это — единственное время, когда я смогу выбраться.

Ф. М.»

— Сегодня вторник, и я предполагала встретиться с ним сегодня вечером.

Я рассматривал письмо.

— Послано не по почте. Каким образом вы его получили?

— Я предпочла бы не отвечать на этот вопрос. Каким образом я получила письмо, право же, не имеет никакого отношения к делу. А про все, что связано с вашим расследованием, я вам охотно расскажу.

И она сдержала слово, но ее показания не смогли натолкнуть нас на чей-либо след. Она не допускала мысли, что у ее жениха были тайные враги, однако признала, что пламенных поклонников у нее было несколько.

— Не принадлежит ли к их числу мистер Ян Мэрдок?

Она покраснела и как будто смутилась.

— Так мне казалось одно время. Но когда он узнал о наших отношениях с Фицроем, его чувства изменились.

Мои подозрения относительно этого человека принимали все более определенный характер. Надо было ознакомиться с его прошлым, надо было негласно обыскать его комнату. Стэкхерст будет мне в этом содействовать, потому что у него зародились те же подозрения. Мы вернулись от Беллами в надежде, что держим в руках хотя бы один конец этого запутанного клубка.

Прошла неделя. Дознание не привело ни к чему и было приостановлено впредь до нахождения новых улик. Стэкхерст навел негласные справки о своем подчиненном, в комнате Мэрдока был произведен поверхностный обыск, не давший никакого результата. Я лично еще раз шаг за шагом — на деле и в уме — проследил все этапы трагического события, но ни к какому выводу не пришел. Во всей моей практике читатель не запомнит случая, когда я так остро ощущал бы свое бессилие. Даже воображение не могло подсказать мне разгадку тайны. Но тут вскоре произошел случай с собакой.

Первая услышала об этом моя старая экономка благодаря своеобразному беспроволочному телеграфу, с помощью которого эти люди получают информацию о всех происшествиях в округе.

— Что за грустная история, сэр, с этой собакой мистера Макферсона! — сказала как-то вечером моя экономка.

Я не люблю поощрять подобную болтовню, но на этот раз ее слова пробудили мой интерес.

— Что же такое случилось с собакой мистера Макферсона?

— Подохла, сэр. Подохла с тоски по хозяину.

— Откуда вы это знаете?

— Как же не знать, когда все только об этом и говорят. Собака страшно тосковала, целую неделю ничего в рот не брала. А сегодня два молодых джентльмена из школы нашли ее мертвой внизу, на берегу, на том самом месте, где случилось несчастье с ее хозяином.

«На том самом месте»! Эти слова словно врезались в мой мозг. Во мне родилось какое-то смутное предчувствие, что гибель собаки поможет распутать дело. То, что собака подохла, следовательно, конечно, объяснить преданностью и верностью всей собачьей породы. Но «на том самом, месте»? Почему этот пустынный берег играет такую зловещую роль? Возможно ли, чтобы и собака пала жертвой какой-то кровной мести? Возможно ли?.. Догадка была смутной, но она начинала принимать все более определенные формы. Через несколько минут я шел по дороге к школе. Я застал Стэкхерста в его кабинете. По моей просьбе он послал за Сэдбери и Блаунтом — двумя учениками, нашедшими собаку.

— Да, она лежала на самом краю лагуны, — подтвердил один из них. — Она, по-видимому, пошла по следам своего умершего хозяина.

Я осмотрел труп маленького преданного создания из породы эрдель-терьеров, лежавший на подстилке в холле. Он одеревенел, застыл, глаза были выпучены, конечности скрючены. Все его очертания выдавали страшную муку.

Из школы я прошел вниз к лагуне. Солнце зашло, и на воде, тускло мерцавшей, как свинцовый лист, лежала черная тень большого утеса. Место было безлюдно; кругом не было ни признака жизни, если не считать двух чаек, с резкими криками кружившихся надо мной. В меркнувшем свете дня я смутно различал маленькие следы собачьих лап на песке вокруг того самого камня, на котором лежало тогда полотенце ее хозяина. Я долго стоял в глубокой задумчивости, в то время как вокруг становилось все темнее и темнее. В голове моей вихрем проносились мысли. Так бывает в кошмарном сне, когда вы ищете какую-то страшно нужную вещь и вы знаете, что она где-то здесь рядом, а она все-таки остается неуловимой и недоступной. Именно такое чувство охватило меня, когда я в тот вечер стоял в одиночестве на роковом берегу. Потом я наконец повернулся и медленно пошел домой.

Я как раз успел подняться по тропке на самый верх обрыва, когда меня вдруг, как молния, пронзило воспоминание о том, что я так страстно и тщетно искал. Если только Уотсон писал не понапрасну, вам должно быть известно, читатель, что я располагаю большим запасом современных научных познаний, приобретенных вполне бессистемно и вместе с тем служащих мне большим подспорьем в работе. Память моя похожа на кладовку, битком набитую таким количеством всяческих свертков и вещей, что я и сам с трудом представляю себе ее содержимое. Я чувствовал, что там должно быть что-то, касающееся этого дела. Сначала это чувство было смутно, но в конце концов я начал догадываться, чем оно подсказано. Это было невероятно, чудовищно, и все-таки это открывало какие-то перспективы. И я должен был окончательно проверить свои догадки.

В моем домике есть огромный чердак, заваленный книгами. В этой-то завали я и барахтался и плавал целый час, пока не вынырнул с небольшим томиком шоколадного цвета с серебряным обрезами. Я быстро разыскал главу, содержание которой мне смутно запомнилось. Да, что говорить, моя догадка была неправдоподобной, фантастичной, но я уже не мог успокоиться, пока не выясню, насколько она основательна. Было уже поздно, когда я лег спать, с нетерпением предвкушая завтрашнюю работу.

Но работа эта наткнулась на досадное препятствие. Только я проглотил утреннюю чашку чая и хотел отправиться на берег, как ко мне пожаловал инспектор Бардл из Суссекского полицейского управления — коренастый мужчина с задумчивыми, как у вола, глазами, которые сейчас смотрели на меня с самым недоуменным выражением.

— Мне известен ваш огромный опыт, сэр, — начал он. — Я, конечно, пришел совершенно неофициально, и о моем визите никто знать не обязан. Но я что-то запутался в деле с Макферсоном. Просто не знаю, арестовать мне его или нет.

— Вы имеете в виду мистера Яна Мэрдока?

— Да, сэр. Ведь больше и подумать не на кого. Здешнее безлюдье — огромное преимущество. Мы имеем возможность ограничить наши поиски. Если это сделал не он, то кто же еще?

— Что вы имеете против него?

Бардл, как выяснилось, шел по моим стопам. Тут был и характер Мэрдока и тайна, которая, казалось, окружала этого человека. И его несдержанность, проявившаяся в случае с собачонкой. И ссоры его с Макферсоном в прошлом, и вполне основательные догадки об их соперничестве в отношении к мисс Беллами. Он перебрал все мои аргументы, но ничего нового не сказал, кроме того, что Мэрдок как будто готовится к отъезду.

— Каково будет мое положение, если я дам ему улизнуть при наличии всех этих улик? — Флегматичный толстяк был глубоко встревожен.

— Подумайте-ка, инспектор, в чем основной промах ваших рассуждений, — сказал ему я. — Он, конечно, сможет без труда доказать свое алиби в утро убийства. Он был со своими учениками вплоть до последней минуты и подошел к нам почти тотчас после появления Макферсона. Потом имейте в виду, что он один, своими руками, не мог бы так расправиться с человеком, не менее сильным, чем он сам. И, наконец, вопрос упирается в оружие, которым было совершено убийство.

— Что же это могло быть, как не плеть или какой-то гибкий кнут?

— Вы видели раны?

— Да, видел. И доктор тоже.

— А я рассматривал их очень тщательно в лупу. И обнаружил некоторые особенности.

— Какие же, мистер Холмс?

Я подошел к своему письменному столу и достал увеличенный снимок.

— Вот мой метод в таких случаях, — пояснил я.

— Что говорить, мистер Холмс, вы вникаете в каждую мелочь.

— Я не был бы Холмсом, если бы работал иначе. А теперь давайте посмотрим вот этот рубец, который опоясывает правое плечо. Вам ничего не бросается в глаза?

— Да нет.

— А вместе с тем совершенно очевидно, что рубец неровный. Вот тут — более глубокое кровоизлияние, здесь вот — вторая такая же точка. Такие же места видны и на втором рубце, ниже. Что это значит?

— Понятия не имею. А вы догадываетесь?

— Может быть, догадываюсь. А может быть, и нет. Скоро я смогу подробнее высказаться по этому поводу. Разгадка причины этих кровоизлияний должна кратчайшим путем подвести нас к раскрытию виновника убийства.

— Мои слова, конечно, могут показаться нелепыми, — сказал полицейский, — но если бы на спину Макферсона была брошена докрасна раскаленная проволочная сетка, то эти более глубоко пораженные точки появились бы в местах пересечения проволок.

— Сравнение необычайно меткое. Можно также предположить применение жесткой плетки-девятихвостки с небольшими узлами на каждом ремне.

— Честное слово, мистер Холмс, мне кажется, вы близки к истине.

— А может быть, мистер Бардл, раны были нанесены еще каким-нибудь способом. Как бы то ни было, всех ваших догадок недостаточно для ареста. Кроме того, мы должны помнить о последних словах покойника — «львиная грива».

— Я подумал, не хотел ли он назвать имя...

— И я думал о том же. Если бы второе слово звучало хоть сколько-нибудь похоже на «Мэрдок» — но нет. Я уверен, что он выкрикнул слово «грива».

— Нет ли у вас других предположений, мистер Холмс?

— Может, и есть. Но я не хочу их обсуждать, пока у меня не будет более веских доказательств.

— А когда они у вас будут?

— Через час, возможно, и раньше.

Инспектор почесал подбородок, недоверчиво поглядев на меня.

— Хотел бы я разгадать ваши мысли, мистер Холмс. Может быть, ваши догадки связаны с теми рыбацкими лодками?

— О нет, они были слишком далеко.

— Ну, тогда это, может быть, Беллами и его дылда-сын? Они здорово недолюбливали Макферсона. Не могли они убить его?

— Да нет же; вы ничего у меня не выпытаете, пока я не готов, — сказал я, улыбаясь.

— А теперь, инспектор, нам обоим пора вернуться к нашим обязанностям. Не могли бы вы зайти ко мне часов в двенадцать?..

Но тут нас прервали, и это было началом конца дела об убийстве Макферсона.

Наружная дверь распахнулась, в передней послышались спотыкающиеся шаги, и в комнату

ввалился Ян Мэрдок. Он был бледен, растрепан, костюм его был в страшнейшем беспорядке; он цеплялся костлявыми пальцами за стулья, чтобы только удержаться на ногах!

— Виски! Виски! — прохрипел он и со стоном рухнул на диван.

Он был не один. Вслед за ним вбежал Стэкхерст, без шляпы, тяжело дыша, почти в таком же состоянии невменяемости, как и его спутник.

— Скорее, скорее, виски! — кричал он. — Мэрдок чуть жив. Я еле дотащил его сюда. По пути он дважды терял сознание.

Полкружки спиртного оказали поразительное действие. Мэрдок приподнялся на локте и сбросил с плеч пиджак.

— Ради Бога, — прокричал он, — масла, опиума, морфия! Чего угодно, лишь бы прекратить эту адскую боль!

Мы с инспектором невольно вскрикнули от изумления. Плечо Мэрдока было располосовано такими же красными, воспаленными, перекрещивающимися рубцами, как и тело Фицроя Макферсона.

Невыносимые боли пронизывали, по-видимому, всю грудную клетку несчастного; дыхание его то и дело прерывалось, лицо чернело, и он судорожно хватался рукой за сердце, а со лба скатывались крупные капли пота. Он мог в любую минуту умереть. Но мы вливали ему в рот виски, и с каждым глотком он оживал. Тампоны из ваты, смоченной в прованском масле, казалось, смягчали боль от страшных ран. В конце концов его голова тяжело упала на подушку. Измученное тело припало к последнему источнику жизненных сил. Был ли то сон или беспамятство, но, во всяком случае, он избавился от боли.

Расспрашивать его было немыслимо, но как только мы убедились в том, что жизнь его вне опасности, Стэкхерст повернулся ко мне.

— Господи Боже мой, Холмс, — воскликнул он, — что же это такое? Что это такое?

— Где вы его подобрали?

— Внизу, на берегу. В точности в том же самом месте, где пострадал несчастный Макферсон. Будь у Мэрдока такое же слабое сердце, ему бы тоже не выжить. Пока я вел его к вам, мне несколько раз казалось, что он отходит. До школы было слишком далеко, поэтому я и приволок его сюда.

— Вы видели его на берегу?

— Я шел по краю обрыва, когда услышал его крик. Он стоял у самой воды, шатаясь, как пьяный. Я сбежал вниз, набросил на него какую-то одежду и втащил наверх. Холмс, умоляю вас, сделайте все, что в ваших силах, не пощадите трудов, чтобы избавить от проклятия наши места, иначе жить здесь будет невозможно. Неужели вы, со всей вашей мировой славой, не можете нам помочь?

— Кажется, могу, Стэкхерст. Пойдемте-ка со мной! И вы, инспектор, тоже! Посмотрим, не удастся ли нам предать убийцу в руки правосудия.

Предоставив погруженного в беспамятство Мэрдока заботам моей экономки, мы вдвоем направились к роковой лагуне. На гравии лежал ворох одежды, брошенной пострадавшим. Я медленно шел у самой воды, а мои спутники следовали гуськом за мной. Лагуна была совсем мелкая, и только под обрывом, где залив сильнее врезался в сушу, глубина воды достигала четырех-пяти футов. Именно сюда, к этому великолепному, прозрачному и чистому, как кристалл, зеленому водоему, конечно, и собирались пловцы. У самого подножия обрыва вдоль лагуны тянулся ряд камней; я пробирался по этим камням, внимательно всматриваясь в воду. Когда я подошел к самому глубокому месту, мне удалось наконец обнаружить то, что я искал.

— Цианея! — вскричал я с торжеством. — Цианея! Вот она, львиная грива!

Странное существо, на которое я указывал, и в самом деле напоминало спутанный клубок, выдраный из гривы льва. На каменном выступе под водой на глубине каких-нибудь трех футов лежало странное волосатое чудовище, колышущееся и трепещущее; в его желтых космах блестели серебряные пряди. Все оно пульсировало, медленно и тяжело растягиваясь и сокращаясь.

— Достаточно она натворила бед! — вскричал я. — Настал ее последний час. Стэкхерст, помогите мне! Пора прикончить убийцу!

Над выступом, где притаилось чудовище, лежал огромный валун: мы со Стэкхерстом навалились на него и столкнули в воду, подняв целый фонтан брызг. Когда волнение на воде улеглось, мы увидели, что валун лег куда следовало. Выглядывавшая из-под него и судорожно трепещущая желтая перепонка свидетельствовала о том, что мы попали в цель. Густая маслянистая пена сочилась из-под камня, мутя воду и медленно поднимаясь на поверхность.

— Потрясающе! — воскликнул инспектор. — Но что же это было, мистер Холмс? Я родился и вырос в этих краях и никогда не видывал ничего подобного. Такого в Суссексе не водится.

— К счастью для Суссекса, — заметил я. — Ее, по-видимому, занесло сюда юго-западным шквалом. Приглашаю вас обоих ко мне, и я покажу вам, как описал встречу с этим чудовищем человек, однажды столкнувшийся с ним в открытом море и надолго запомнивший этот случай.

Когда мы вернулись в мой кабинет, мы нашли Мэрдока настолько оправившимся, что он был в состоянии сесть. Он все еще не мог прийти в себя от пережитого потрясения и то и дело содрогался от приступов боли. В несвязных словах он рассказал нам, что понятия не имеет о том, что с ним произошло, что он помнит только, как почувствовал нестерпимую боль и как у него еле хватило сил поползти на берег.

— Вот книжка, — сказал я, показывая шоколадного цвета томик, заронивший во мне догадку о виновнике происшествия, которое иначе могло бы остаться для нас окутанным вечной тайной. Заглавие книжки — «Встречи на суше и на море», ее автор — исследователь Дж. Дж. Вуд. Он сам чуть не погиб от соприкосновения с этой морской тварью, так что ему можно верить. Полное латинское название ее *Suanea capillata*. Она столь же смертоносна, как кобра, а раны, нанесенные ею, болезненнее укусов этой змеи. Разрешите мне вкратце прочесть вам ее описание:

«Если купальщик заметит рыхлую круглую массу из рыжих перепонки и волокон, напоминающих львиную гриву с пропущенными полосками серебряной бумаги, мы рекомендуем ему быть начеку, ибо перед ним одно из самых опасных морских чудовищ — *Suanea capillata*.»

Можно ли точнее описать нашу роковую находку?

— Дальше автор рассказывает о собственной встрече с одним из этих чудовищ, когда он купался у Кентского побережья. Он установил, что эта тварь распускает тонкие, почти невидимые нити на расстояние в пятьдесят футов, и всякий, кто попадает в пределы досягаемости этих ядовитых нитей, подвергается смертельной опасности. Даже на таком расстоянии встреча с этим животным чуть не стоила Вуду жизни.

«Ее бесчисленные тончайшие щупальца оставляют на коже огненно-багровые полосы, которые при ближайшем рассмотрении состоят из мельчайших точек или крапинок, словно от укола раскаленной иглой, проникающей до самого нерва».

Как пишет автор, местные болевые ощущения далеко не исчерпывают этой страшной пытки.

«Я свалился с ног от боли в груди, пронизавшей меня, словно пуля. У меня почти исчез пульс, а вместе с тем я ощутил шесть-семь сердечных спазм, как будто вся кровь моя стремилась пробиться вон из груди».

Вуд был поражен почти насмерть, хотя он столкнулся с чудовищем в морских волнах, а не в узенькой спокойной лагуне. Он пишет, что еле узнал сам себя, настолько лицо его было бескровно, искажено и изборождено морщинами. Он выпил залпом целую бутылку виски, и только это, по-видимому, его и спасло. Вручаю эту книжку вам, инспектор, и можете не сомневаться в том, что здесь дано точное описание всей трагедии, пережитой несчастным Макферсоном.

— И чуть было не обесчестившей меня, — заметил Мэрдок с кривой усмешкой. — Я не обвиняю вас, инспектор, ни вас, мистер Холмс, — ваши подозрения были естественны. Я чувствовал, что меня вот-вот должны арестовать, и своим оправданием я обязан только тому, что разделил судьбу моего бедного друга.

— Нет, нет, мистер Мэрдок. Я уже догадывался, в чем дело, и если бы меня не задержали сегодня утром дома, мне, возможно, удалось бы избавить вас от страшного переживания.

— Но как же вы могли догадаться, мистер Холмс?

— Я всеядный читатель и обладаю необычайной памятью на всякие мелочи. Слова «львиная грива» не давали мне покоя. Я знал, что где-то уже встречал их в совершенно неожиданном для меня контексте. Вы могли убедиться, что они в точности характеризуют внешний вид этой твари. Я не сомневаюсь, что она всплыла на поверхность, и Макферсон ее ясно увидел, потому что никакими другими словами он не мог предостеречь нас от животного, оказавшегося виновником его гибели.

— Итак, я, во всяком случае, обелен, — сказал Мэрдок, с трудом вставая с дивана. — Я тоже должен в нескольких словах объяснить вам кое-что, ибо мне известно, какие справки вы наводили. Я действительно любил Мод Беллами, но с той минуты, как она избрала Макферсона, моим единственным желанием стало содействовать их счастью. Я сошел с их пути и удовлетворялся ролью посредника. Они часто доверяли мне передачу писем: и я же поторопился сообщить Мод о смерти нашего друга именно потому, что любил ее и мне не хотелось, чтобы она была извещена человеком чужим и бездушным. Она не хотела говорить вам, сэр, о наших отношениях, боясь, что вы их истолкуете неправильно и не в мою пользу. А теперь я прошу вас отпустить меня в школу, мне хочется скорее добраться до постели.

Стэкхерст протянул ему руку.

— У всех нас нервы расшатаны, — сказал он. — Простите, Мэрдок. Впредь мы будем относиться друг к другу с большим доверием и пониманием.

Они ушли под руку, как добрые друзья. Инспектор остался и молча вперил в меня свои воловь глаза.

— Здорово сработано! — вскричал он. — Что говорить, я читал про вас, но никогда не верил. Это же чудо!

Я покачал головой. Принять такие дифирамбы значило бы унижить собственное достоинство.

— Вначале я проявил медлительность, непростительную медлительность, — сказал я. — Будь тело обнаружено в воде, я догадался бы скорее. Меня подвело полотенце. Бедному малому не пришлось вытереться, а я из-за этого решил, что он не успел и окунуться. Поэтому мне, конечно, не пришло в голову, что он подвергся нападению в воде. В этом пункте я и дал маху. Ну что ж, инспектор, мне часто приходилось подтрунивать над вашим братом — полицией, зато теперь *Cyanea capillata* отомстила мне за Скотленд-Ярд.¹⁶

¹⁶ **The Adventure of the Lion's Mane**

Впервые опубликовано в *Liberty*, Ноябрь 1926, 7 иллюстраций Frederic Dorr Steele, и в *Strand Magazine*, Декабрь 1926, 3 иллюстрации Howard K. Elcock.

Дело необычной квартирантки

Шерлок Холмс активно занимался расследованием преступлений на протяжении двадцати трех лет. В течение семнадцати из них мне посчастливилось помогать ему и вести записи. Поэтому вполне понятно, что сейчас в моем распоряжении огромный материал, и самое сложное — не найти, а выбрать. Ежегодные хроники занимают целую полку. Имеются и объемистые папки с документами. Все это вместе взятое представляет ценнейший источник сведений не только для лиц, изучающих преступность, но и для тех, кого интересуют скандальные происшествия в общественной и политической сферах периода заката викторианской эпохи. Но я могу заверить авторов полных отчаяния писем, умолявших сохранить репутацию семьи и честное имя предков: у них нет оснований для опасений. Осмотрительность и высокое понимание профессионального долга, всегда отличавшие моего друга, играют решающую роль при отборе дел для моих воспоминаний. Злоупотреблять доверием мы не станем. Я резко осуждаю недавние попытки добраться до этих документов и уничтожить их. Нам известно, от кого они исходили, и Холмс уполномочил меня сообщить: если подобные посягательства повторятся, то все обстоятельства дела, касающегося политического деятеля, маяка и дрессированного баклана, будут немедленно преданы огласке. Тот, кому адресовано данное предупреждение, поймет меня.

Было бы неверным полагать, что всякое дело давало Холмсу возможность продемонстрировать удивительный дар наблюдательности и интуиции, которые я пытался подчеркнуть в своих мемуарах. Порой ему требовались значительные усилия, чтобы добраться до истины, а иногда разгадка внезапно приходила к нему. По правде говоря, ужасающие людские трагедии чаще всего не давали особого простора для раскрытия талантов Холмса. К подобным делам следует отнести и то, о котором я собираюсь рассказать. Излагая его, я изменил лишь некоторые имена и названия, а в остальном все соответствует действительности.

Однажды незадолго до полудня — это было в конце 1896 года — я получил записку от Холмса: он срочно вызывал меня к себе. Когда я приехал на Бейкер-стрит, в полном табачного дыма кабинете уже сидела, расположившись в кресле напротив него, пожилая дама, по виду располневшая хозяйка пансиона или гостиницы.

— Это миссис Меррилоу из Южного Брикстона, — сказал Холмс, указывая рукой в ее сторону. — Если и вы не в силах бороться со своими вредными привычками, Уотсон, можете курить, наша гостья не возражает. Она расскажет любопытную историю, которая в дальнейшем может привести к такому развитию событий, когда ваше присутствие станет необходимым.

— Сделаю все, что в моих силах.

— Видите ли, миссис Меррилоу, если я соглашусь навестить миссис Рондер, мне хотелось бы иметь свидетеля. Надеюсь, вы разъясните ей это, прежде чем мы к ней придем.

— Благослови вас Господь, мистер Холмс, — воскликнула наша посетительница, — она так жаждет встретиться с вами, что можете приводить с собой хоть толпу!

— В таком случае мы приедем сегодня сразу же после полудня. А теперь давайте разберемся, правильно ли я уяснил ситуацию. Вы сказали, что миссис Рондер является вашей квартиранткой вот уже семь лет, но за это время вы только раз видели ее лицо?

— Лучше бы мне вообще его не видеть! — ответила миссис Меррилоу.

— Итак, оно сильно изуродовано.

— Знаете, мистер Холмс, то, что я увидела, вообще едва ли можно назвать лицом. Однажды наш торговец молоком заметил его в окне и уронил свой бидон, разлив молоко по всему саду перед домом. Так оно выглядело. Когда я случайно застала миссис Рондер врасплох, она поспешила закрыться, а затем сказала: «Теперь, миссис Меррилоу, вы знаете, почему я никогда не снимаю вуаль».

— Вам известно хоть что-нибудь о ее прошлом?

— Ничего.

— Ее кто-то рекомендовал вам?

— Нет, сэр. У нее было много денег. Она не торгуясь выложила плату за три месяца вперед. В наше время такая бедная женщина, как я, не позволит себе упустить подобную клиентку.

— Она объяснила, почему выбрала именно ваш дом?

— Мой дом скромн и невелик, стоит он далеко от дороги и расположен в отдалении от других домов. Кроме того, она выяснила, что я беру всего одного квартиранта, а своей семьи у меня нет. Полагаю, она смотрела несколько домов, но мой подошел ей больше других. Миссис Рондер искала одиночества и покоя и была согласна за них платить.

— Так вы говорите, она не открывала своего лица все то время, что прожила у вас, исключая тот единственный случай? Да, это довольно занимательно. И неудивительно, что вы в конце концов захотели во всем разобраться.

— Дело даже не в том, мистер Холмс. Для меня вполне было бы достаточно того, что она исправно платит за квартиру. Более спокойного жильца — а она не доставляла мне никаких неудобств — трудно найти.

— В чем же тогда дело?

— Меня волнует ее здоровье, мистер Холмс. Она просто тает на глазах. Видимо, ее мучает нечто ужасное. Она вскрикивает во сне. А однажды ночью я слышала, как она кричала: «Жестокий! Зверь! Чудовище!» Это было так жутко. Утром я зашла к ней и сказала: «Миссис Рондер, ведь с вами что-то происходит. Если на душе у вас беспокойно, обратитесь к полиции или священнику. Возможно, кто-то сумеет вам помочь». — «О, только не полицейские! — сказала она. — Да и от священнослужителей я проку не жду. Но тем не менее мне станет гораздо легче, если перед смертью я расскажу правду хоть кому-нибудь.» — «Уж коли вы не хотите иметь дело со Скотленд-Ярдом, существует ведь знаменитый частный сыщик, а котором столько пишут». Прошу прощения, мистер Холмс. Миссис Рондер буквально ухватила за мое предложение. «Именно он-то мне и нужен! — воскликнула она. — Как же мне раньше не пришло в голову! Умоляю, приведите его сюда, миссис Меррилоу. А если он станет отказываться, скажите ему, что я жена Рондера, циркового укротителя хищников. И еще скажите: Аббас Парва». Вот она сама его написала: А-б-б-а-с П-а-р-в-а. «Это должно заставить мистера Холмса прийти, если только он таков, как я о нем думаю».

— Хорошо, миссис Меррилоу, — задумчиво произнес Холмс.

— Я приду со своим другом мистером Уотсоном. Часам к трем ждите нас у себя на Брикстоне. А сейчас нам необходимо с ним побеседовать, а это как раз займет время до полудня.

Едва наша посетительница успела выкатиться из комнаты, — по-иному невозможно определить манеру миссис Меррилоу передвигаться, — как Шерлок Холмс с яростной энергией принялся перебирать кипу тетрадей, сваленных в углу, и листать страницы. Это продолжалось несколько минут, пока наконец он не провозгласил с удовлетворением: «Нашел, нашел то, что искал!» Холмс был так возбужден, что и не подумал вернуться в кресло, а уселся прямо тут же, на полу, словно Будда, скрестив ноги. Объемистые тетради для записей были разбросаны вокруг, а одна из них лежала открытой на коленях у моего друга.

— В свое время случай в Аббас Парва привлек мое внимание, дорогой мой Уотсон. Вот видите — здесь на полях заметки, которые свидетельствуют об этом. Должен признаться, мне так и не удалось найти тогда разгадку. Правда, я был убежден в ошибочности выводов судебного следователя. Неужели вы не помните трагедию, происшедшую в Аббас Парва?

— Нет, Холмс.

— А ведь в то время мы жили еще вместе. Конечно, и мои собственные впечатления довольно поверхностны. Информации оказалось явно недостаточно, ни одна из сторон не пожелала воспользоваться моими услугами. Прочитайте записи сами, если хотите.

— Может, вы просто напомните основные моменты?

— Это совсем не сложно. Надеюсь, мой рассказ пробудит вашу память. Имя Рондера, естественно, вам известно. По популярности он соперничал с Уомбвеллом и Сэгнером — знаменитыми владельцами цирковых аттракционов. Однако Рондер начал много пить, и его дела покатились под уклон. Вот тогда-то и случилась та страшная трагедия. Караван фургонов его передвижного цирка заночевал в Аббас Парва — небольшой деревушке в Беркшире. Цирк направлялся в Уимблдон и остановился здесь на ночлег. Представления не давали. Деревушка была так мала, что располагаться в ней основательно не имело смысла. Кроме прочих зверей, в труппе имелся прекрасный североафриканский лев по кличке Король Сахары. Рондер и его жена работали с ним в его клетке. Вот, поглядите, снимок их выступления, позволяющий увидеть, каким чудищем был сам Рондер и какой необыкновенной красавицей — его жена. В ходе следствия удалось установить, что на каком-то этапе лев стал опасен. Но, видимо, привычность риска породила небрежность, и внимания на это не обратили. Льва кормили по ночам либо сам Рондер, либо его жена. Иногда — оба. Никому другому кормление не доверялось: хищник должен твердо знать своих благодетелей. Так вот, в ту ночь, семь лет назад, когда они вдвоем вошли в клетку, чтобы покормить питомца, разыгралась кровавая драма. Около полуночи весь цирковой лагерь оказался разбужен громким ревом хищника и пронзительными женскими криками. Все служители цирка выбежали из палаток с фонарями, в свете которых их глазам предстало ужасающее зрелище. Метрах в десяти от открытой клетки распростерлось тело Рондера с проломленным черепом и глубокими ссадинами на голове. Возле распахнутой двери навзничь лежала его жена. Разъяренный зверь рвал женщине лицо, и казалось, его не остановить. Несколько артистов цирка, в том числе силач Леонардо и клоун Григе, шестами кое-как оттеснили льва. Им удалось загнать его в клетку. Как все это могло произойти? В свидетельских показаниях не содержалось ничего интересного. Правда, кто-то сказал, что миссис Рондер, когда ее переносили в вагончик, кричала в бреду: «Предатель! Трус!» Прошло шесть месяцев, прежде чем она смогла дать показания. Но тем не менее дознание было проведено и завершилось вынесением вердикта: смерть в результате несчастного случая.

— Предполагать что-то иное было бы нелепо, — вмешался я.

— Возможно; вы были бы и правы, друг мой, только некоторые обстоятельства тогда насторожили молодого следователя Эдмундса из беркширской полиции. О, это был проворный малый! Потом он уехал работать в Индию. От него я и услышал подробности этого дела, когда он однажды зашел ко мне отдохнуть и выкурить трубку.

— Кажется, я его помню: худощавый мужчина с абсолютно белыми волосами.

— Именно! Я полагаю, скоро вы все вспомните.

— Ну а что же его смущало?

— Восстановить ход событий оказалось дьявольски трудно. Представьте себе: лев вырывается на свободу, делает несколько прыжков и оказывается рядом с Рондером. Укротитель обращается в бегство — ведь следы когтей были на затылке. Но лев сбивает его с ног и, вместо того чтобы бежать дальше, возвращается к женщине, находившейся возле самой клетки, и раздирает ей лицо. Как вы считаете, может насторожить такое поведение зверя? Может! Да еще эти восклицания женщины в полубредовом состоянии, которые, видимо, должны были означать, что муж подвел миссис Рондер. Но есть и кое-что более любопытное. В деле имелись показания, утверждавшие, что именно в тот момент, когда зарычал лев и в ужасе закричала женщина, раздался испуганный крик мужчины.

— Без сомнения, это был Рондер.

— Ну, знаете, человек с проломленным черепом едва ли способен кричать. Однако по крайней мере двое свидетелей утверждали, что слышали мужской голос одновременно с женским.

— Вероятно, к тому времени крики уже неслись по всему лагерю. Что же касается остальных пунктов, вызывающих настороженность, то, думаю, смогу предложить разгадку.

— Буду рад услышать.

— Супруги находились шагах в десяти от клетки, когда лев вырвался на свободу. Муж обратился в бегство, но был сбит с ног. Жена решила укрыться в клетке и захлопнуть дверцу, — это было бы для нее единственным спасением. Она бросилась туда и уже почти достигла цели, когда зверь ринулся за ней, догнал и повалил на землю. Действия мужа, который своим бегством возбудил ярость хищника, вызвали справедливый гнев у женщины. Вдвоем они могли попытаться усмирить льва. Потому она и воскликнула: «Трус!»

— Блестяще, Уотсон! Правда, в вашей жемчужине имеется существенный изъян.

— Что за изъян, Холмс?

— Если они оба находились на расстоянии десяти шагов от клетки, каким же образом зверю удалось освободиться? И почему он так свирепо набросился на них? Ведь Король Сахары привык работать с хозяевами в клетке и выполнять различные трюки.

— Скорее всего, кто-то непонятным образом разъярил хищника.

Холмс задумался, потом сказал:

— Видите ли, Уотсон, некоторые факты говорят в поддержку вашей версии. Врагов у Рондера было предостаточно. Эдмундс рассказывал мне, каким страшным человеком он становился, когда напивался. Именно воспоминания о покойном, я полагаю, и являлись причиной ночных криков о чудевище, про которое упоминала наша посетительница. Однако пока любые предположения беспочвенны. Вон там на буфете стоит бутылка хорошего вина и холодная куропатка. Нам следует немного подкрепиться, прежде чем отправиться в путь.

Когда экипаж доставил нас к дому, принадлежавшему миссис Меррилоу, дородная хозяйка скромного уединенного жилища ждала у распахнутых дверей. Не вызывало сомнений, что ее главным образом беспокоила перспектива потерять выгодную квартирантку. Поэтому, прежде чем провести нас наверх, миссис Меррилоу попросила не говорить и не делать ничего, способного привести к столь нежелательным последствиям. Успокоив хозяйку, мы проследовали за ней наверх по лестнице, застеленной недорогим ковром, и оказались в комнате, где жила таинственная незнакомка.

Прежде эта женщина держала в неволе диких зверей, а теперь судьба ее самое превратила в существо, загнанное в клетку. Миссис Рондер сидела в продавленном кресле, расположенном в темном углу. Долгие годы бездействия сделали ее фигуру тяжелой, а ведь наверняка в прежние времена она была очень хороша. Лицо квартирантки скрывалось за плотной вуалью, опускавшейся до верхней губы. Открытыми оставались только красивый рот и изящный подбородок. Да, это была незаурядной

красоты женщина. И голос у нее оказался ровным и приятным.

— Мое имя вам, конечно, знакомо, мистер Холмс, — произнесла она. — Я знала, что, услышав его, вы непременно придете ко мне.

— Совершенно верно, мадам. Хотя, право, не понимаю, откуда вам известно о моем интересе...

— После выздоровления меня допрашивал мистер Эдмундс из местной полиции. Мне пришлось тогда обмануть его. Возможно, сказать всю правду было разумней?

— В любом случае скрывать истину нехорошо. Но почему же вы ее скрыли?

— Потому что от этого зависела судьба другого человека. Он оказался существом никчемным, я знаю, но мне не хотелось сознательно губить его. Мы были так близки с ним!

— А разве теперь этого препятствия не существует?

— Да, сэр. Мужчина, о котором я говорю, уже мертв.

— Тогда почему бы сейчас не сообщить полиции все, что вам известно?

— Я обязана думать еще об одном человеке — о себе. Публичного скандала и сплетен, которые неминуемо вызовет новое полицейское разбирательство, мне не вынести. Жить и так осталось совсем мало. Хочется умереть спокойно. Но в то же время просто необходимо найти справедливого, рассудительного человека и доверить ему мою печальную историю, чтобы он смог все разъяснить, когда меня не станет.

— Вы мне льстите, мадам. Но у меня свои принципы. Не стану заранее обещать, что после вашего рассказа не сочту своим долгом передать дело в руки полиции.

— Думаю, этого не потребуется, мистер Холмс. Я достаточно хорошо изучила ваши методы работы, поскольку на протяжении семи последних лет слежу за уголовной хроникой. Судьба оставила мне единственное удовольствие — чтение, и я интересуюсь практически всем... Итак, рискну рассказать о своей трагедии.

— Мы готовы внимательно выслушать вас.

Женщина подошла к комоду и достала из ящика фотографию. Человек, изображенный на ней, очевидно, был акробатом. Настоящий атлет удивительного телосложения, снятый со скрещенными на могучей груди огромными руками и улыбкой, пробивающейся сквозь густые усы, — самодовольной улыбкой мужчины, одержавшего множество побед.

— Это Леонардо, — сказала она. — А это... мой муж.

Второе лицо было ужасным, так явственно выделялись на нем звериные черты. Такой, как у него, отвратительный рот легко представить постоянно чавкающим, с пеной ярости на губах. Во взгляде узких злых глазок ощущалась неприкрытая враждебность, обращенная на весь мир. Обрюзгшая физиономия, на которой словно начертано: грубиян, негодяй, чудовище.

— Эти два фото помогут вам, джентльмены, понять историю бедной цирковой девочки, выросшей на арене. В десять лет я уже прыгала сквозь обруч, а когда подросла и повзрослела, Рондер влюбился в меня, если так можно сказать о его низменной страсти. В недобрый час мы заключили брачный союз, и с того дня я словно в ад попала. Он стал дьяволом, постоянно мучившим меня. В цирке все знали, как муж ко мне относился. Бросал меня ради других женщин. А если я начинала протестовать, связывал мне руки и ноги и истязал хлыстом. Меня тайком жалели, его осуждали, но сделать ничего не могли — боялись. Рондер вызывал у окружающих страх, а когда напивался — в нем просыпалась кровожадность. Время от времени его судили за оскорбление действием, угрозы или жестокое обращение с животными, но штрафы ровно ничего для него не значили: денег у него было много. От нас ушли лучшие артисты, и авторитет цирка заметно пошатнулся. Былую славу немного поддерживали только Леонардо, я да наш клоун, малыш Джимми Григс, который старался, как мог, сохранить программу, хотя у него тоже не имелось особых поводов для веселья.

Со временем Леонардо стал все больше и больше входить в мою жизнь. Вы видели, каким он был. Потом-то я узнала, какая мелкая душонка скрывалась за великолепной внешностью. Однако по сравнению с мужем силач казался мне сущим ангелом. Он жалел меня и помогал, чем мог. В конце концов наши отношения переросли в любовь — глубокую и страстную, такую, о какой я лишь мечтала. Муж подозревал нас, но Леонардо был единственным в цирке человеком, которого он побаивался. И Рондер мстил, мучая меня больше обычного. Однажды вечером мои крики услышал Леонардо и прибежал к дверям нашего вагончика. Трагедии тогда едва удалось избежать, но скоро я и

Леонардо, мой любимый Леонардо, поняли, что иного выхода нет: мой муж должен умереть.

Леонардо обладал ясным умом, он-то и придумал все. Говорю это не для того, чтобы обвинить сейчас только его. Я готова была идти с ним на что угодно. Просто на такой план у меня не хватило бы воображения. Мы... Леонардо изготовил тяжелую дубинку и на ее свинцовой головке укрепил пять длинных стальных гвоздей с остриями, торчащими наподобие выпущенных когтей на львиной лапе. Ею и собирались нанести Рондеру смертельный удар, а оставленный след свидетельствовал бы о том, что все совершил лев, которого мы собирались потом выпустить из клетки.

Когда муж и я, по обыкновению, отправились кормить своего Короля, стояла кромешная тьма. В оцинкованном ведре мы несли сырое мясо. Леонардо прятался за углом большого фургона, мимо которого лежал наш путь к клетке. Леонардо замешкался и не успел нанести удар, когда Рондер проходил рядом с ним. Тогда он на цыпочках последовал за нами, и я услышала, как его дубинка проломила мужу череп. Подбежав к клетке, я открыла защелку.

А затем случилось непредвиденное. Вы, вероятно, знаете, как хорошо чувствуют хищники человеческую кровь. Некий неведомый нам инстинкт мгновенно сработал. И едва решетчатая дверь оказалась приоткрытой, зверь выскочил на свободу и в тот же миг ринулся на меня. Леонардо мог прийти на помощь, но растерялся и с воплем ужаса бросился прочь. Я видела все своими глазами. Тут страшные клыки сомкнулись на моем лице. Попыталась руками оттолкнуть огромную окровавленную пасть и позвать на помощь, затем услышала, что наш лагерь пришел в движение. От горячего зловонного дыхания я почти лишилась чувств и уже не ощущала боли. Смутно помню нескольких подбежавших мужчин. Среди других там были Леонардо и Григс. Больше в моем сознании не сохранилось ничего, мистер Холмс. Долгие месяцы прошли в беспамятстве. Когда же наконец я пришла в себя и увидела в зеркале свое лицо... о ужас! Что со мной было! Я проклинала своего Короля за то, что он оставил мне жизнь. Хорошо, что я имела деньги и могла позволить себе уединенную жизнь. Словно раненое жалкое животное, я забилась в нору, чтобы ждать своей смерти. Таков конец Эжени Рондер.

Несчастная женщина завершила свой рассказ, и мы долго сидели молча. Потом Холмс протянул руку и ободряюще похлопал ее по плечу с выражением такого участия, которое я редко наблюдал у него.

— Сочувствую вам, — произнес он. — Судьба обошлась с вами жестоко. Что же стало потом с

Леонардо?

— С тех пор я не виделась с ним, но не осуждала его, потому что видела, во что превратил меня зверь. Я продолжала любить, хотя Леонардо, бросив меня в когтях зверя, затем покинул вообще. И все-таки я не могла отправить его на каторгу. Поверьте мне, мистер Холмс, вовсе не из страха наказания, грозившего мне самой. Разве есть что-нибудь более ужасное, чем существование, подобное моему?

— А теперь он мертв?

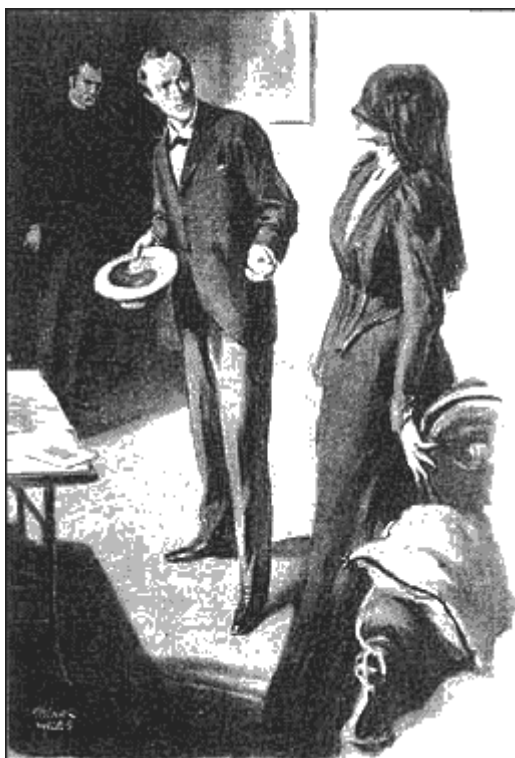
— Да, месяц назад утонул во время купания где-то возле Маргейта. Сообщение о его гибели я прочитала в газете.

— Куда делась его дубинка с пятью когтями? Именно она является самым, необычным и неповторимым моментом во всей этой истории.

— Не могу сказать, мистер Холмс.

— Ну, хорошо. Сейчас это не имеет особого значения. Дело-то уже закрыто.

— Да, — ответила женщина, — теперь дело закрыто наверняка.

Мы поднялись, чтобы уйти, но что-то в голосе женщины насторожило Холмса. Он поспешно повернулся к ней.

— Помните, миссис Рондер: жизнь, какой бы она ни была, прекрасна. Жизнь — это судьба, и от судьбы своей нельзя отрезаться.

— А кому она нужна, такая жизнь? Или судьба, как вы говорите.

— Образец терпения, с которым переносят страдания, — сам по себе полезный урок для нашего беспокойного мира, дорогая Эжени Рондер.

Ее реакция на эти слова оказалась просто страшной. Она подняла вуаль и кинулась к свету.

О, это было ужасно! Никакие слова не способны выразить то, что мы увидели. Прекрасные живые глаза загнанно глядели на нас, а мы видели лишь безобразные руины на ее некогда прекрасном лице.

Когда два дня спустя я зашел к своему другу, он с гордостью указал на небольшой пузырек на каминной полке. Я взял его в руки. Красивая этикетка, какие бывают на ядах. Открыв флакон, я почувствовал приятный миндальный запах.

— Синильная кислота, — определил я.

— Именно. Пришла по почте. Записка гласила:

«Посылаю Вам свое искушение. Последую Вашему совету».

Думаю, нам не составит труда угадать имя отправителя, Уотсон.¹⁷

Загадка поместья Шоскомб

Шерлок Холмс довольно долго сидел, склонившись над микроскопом. Наконец он выпрямился и торжествующе повернулся ко мне.

— Это клей, Уотсон! — воскликнул он. — Несомненно, это столярный клей. Взгляните-ка на эти частички!

Я наклонился к окуляру и подстроил фокусировку.

— Волоски — это ворсинки с пальто из твида. Серые комочки неправильной формы — пыль. Ну а коричневые маленькие шарики в центре — не что иное, как клей.

— Допустим, — сказал я с усмешкой. — Готов поверить вам на слово! И что из этого вытекает?

— Но это же прекрасное доказательство, — ответил Холмс.

— Вы, вероятно, помните дело Сент-Панкрас: рядом с убитым полицейским найдено кепи. Обвиняемый отрицает, что кепи принадлежит ему. Однако он занимается изготовлением рам для картин и постоянно имеет дело с клеем.

— А разве вы взялись за это дело?

— Мой приятель Меривейл из Ярда попросил ему помочь. С тех пор как я вывел на чистую воду фальшивомонетчика, найдя медные и цинковые опилки в швах на его манжетах, полиция начала осознавать важность микроскопических исследований.

Холмс нетерпеливо поглядел на часы.

— Ко мне должен прийти новый клиент, но что-то задерживается. Кстати, Уотсон, вы что-нибудь понимаете в скачках?

— Еще бы! Я отдал за это почти половину своей пенсии по ранению.

¹⁷ **The Adventure of the Veiled Lodger**

Впервые опубликовано в Liberty, Январь 1927, 4 иллюстрации Frederic Dorr Steele, и в Strand Magazine, Февраль 1927, 3 иллюстрации Frank Wiles.

- В таком случае использую вас в качестве справочника. Вам ни о чем не говорит имя сэра Роберта Норбертона?
- Почему же. Он живет в старинном поместье Шоскомб. Я как-то провел там лето и хорошо знаю те места. Однажды Норбертон вполне мог попасть в сферу ваших интересов.
- Каким образом?
- Он избил хлыстом Сэма Брюэра, известного ростовщика с Керзон-стрит. Еще немного, и он убил бы его.
- И часто он позволяет себе такое?
- Ну, вообще-то его считают опасным человеком. Это один из самых бесстрашных наездников в Англии. Он из тех, кто родился слишком поздно: во времена регентства это был бы истинный денди — спортсмен, боксер, лихой кавалерист, ценитель женской красоты и, по всей видимости, так запутан в долгах, что уже никогда из них не выберется.
- Превосходно, Уотсон! Хороший портрет. Я словно увидел этого человека. А не могли бы вы теперь рассказать что-нибудь о самом поместье Шоскомб?
- Только то, что оно расположено среди Шоскомбского парка и известно своей скаковой конюшней.
- А главный тренер там — Джон Мейсон, — неожиданно сказал Холмс. — Не следует удивляться моим познаниям, Уотсон, потому что в руках у меня письмо от него. Но давайте еще немного поговорим о Шоскомбе. Кажется, мы напали на неисчерпаемую тему.
- Еще стоит упомянуть о шоскомбских спаниелях, — продолжал я. — О них можно услышать на каждой выставке собак. Одни из самых породистых в Англии — гордость хозяйки поместья.
- Супруги сэра Роберта?
- Сэр Роберт никогда не был женат. Он живет вместе с овдовевшей сестрой, леди Беатрис Фолдер.
- Вы хотели сказать, что она живет у него?
- Нет, нет. Поместье принадлежало ее покойному мужу, сэру Джеймсу. У Норбертона нет на него никаких прав. Поместье дает небольшую ежегодную ренту.
- И эту ренту, я полагаю, тратит ее братец Роберт?
- Наверное, так. Человек он очень тяжелый, и жизнь с ним для нее нелегка. Но я слышал, леди Беатрис привязана к брату. Так что же произошло в Шоскомбе?
- Это я и сам хотел бы узнать. А вот, кажется, и тот человек, который сможет нам все рассказать.
- Дверь открылась, и мальчик-слуга провел в комнату высокого, отменно выбритого человека со строгим выражением лица, какое встречается лишь у людей, привыкших держать в повиновении лошадей или мальчишек. Он холодно и сдержанно поздоровался и сел в предложенное ему Холмсом кресло.
- Вы получили мое письмо, мистер Холмс?
- Да, но оно ничего не объясняет.
- Я считаю дело слишком щепетильным, чтобы излагать подробности на бумаге. И к тому же слишком запутанным. Предпочитаю сделать это с глазу на глаз.
- Прекрасно! Мы в вашем распоряжении.
- Прежде всего, мистер Холмс, я думаю, что мой хозяин, сэр Роберт, сошел с ума. Холмс вопросительно вскинул брови.
- Но ведь я сыщик, а не психиатр, — произнес он. — А, кстати, почему вам это показалось?
- Видите ли, сэр, если человек поступает странно один раз, другой, то, возможно, этому можно найти и иное объяснение. Но если странным выглядит все, что он делает, — это наводит на определенные мысли. Мне кажется, Принц Шоскомба и участие в дерби помutilи его рассудок.
- Принц — это жеребец, которого вы тренируете?
- Лучший во всей Англии, мистер Холмс. Уж кому, как не мне, знать об этом. Буду откровенен с вами, так как чувствую, что вы люди слова и все сказанное здесь не выйдет за пределы вашей комнаты. Сэр Роберт просто обязан выиграть дерби. Он по уши в долгах, и это его последний шанс. Все, что он смог собрать и занять, поставлено на этого коня. Сейчас ставки на Принца один к сорока.

Прежде же он шел чуть ли не один к ста.

— Почему цена упала, если конь так хорош?

— Никто пока не знает этого, но сэр Роберт перехитрил всех, тайком собирающих сведения о лошадях. Он выводит на прогулки единокровного брата Принца. Внешне их невозможно отличить, но на скачках уже через двести метров Принц обгонит его на два корпуса. Сэр Роберт думает только о дерби и Принце Шоскомба. От этого сейчас зависит вся его жизнь. Кредиторов удалось уговорить подождать до Дня скачек, но если Принц подведет, Норбертон — человек конченный.

— Да, игра рискованная, но при чем же тут сумасшествие?

— Ну, во-первых, достаточно просто посмотреть на него. Не думаю, что он спит по ночам, почти все время проводит в конюшне. А взгляд у него просто дикий. И еще — его поведение по отношению к леди Беатрис! Они всегда были очень дружны: у них один вкус, одни пристрастия. Леди любила лошадей не меньше, чем ее брат. Каждый день в одно и то же время она приезжала поглядеть на них. Принц Шоскомба нравился и ей больше других. А Принц настораживал уши, слышав скрип колес, и выбегал навстречу, чтобы получить непременно кусочек сахара. Но сейчас все изменилось. Она потеряла всякий интерес к лошадям. Вот уже целую неделю она проезжает мимо конюшни и ни с кем не здоровается!

— Вы полагаете, они поссорились?

— И притом не на шутку. Иначе почему бы он избавился от ее любимца спаниеля, к которому она относилась как к ребенку? Несколько дней назад сэр Роберт отдал собаку старому Барнесу, владельцу «Зеленого дракона» в Крендалле, в трех милях от поместья.

— Вот это действительно странно.

— Конечно, из-за больного сердца и водянки леди Беатрис передвигалась с трудом и не могла совершать с братом прогулки, но сэр Роберт ежевечерне проводил два часа в ее комнате. Он старался сделать для нее все, что мог, и она относилась к брату с любовью. Но все это уже в прошлом. Теперь он и близко к ней не подходит. А она это переживает. Даже начала пить, мистер Холмс, пить как сапожник. Бутылку за вечер может выпить. Мне об этом рассказал Стивенс, наш дворецкий. Так что изменилось многое, мистер Холмс. И в этом есть что-то ужасное. Да к тому же сэр Роберт уходит ночами в склеп под старой церковью. Что он там делает? С кем встречается?

Холмс удовлетворенно потер руки.

— Продолжайте, мистер Мейсон. Дело становится все более интересным.

— Дворецкий видел, как сэр Роберт шел туда в полночь под проливным дождем. На следующую ночь я спрятался за домом и видел, как он шел туда опять. Мы со Стивенсом двинулись за ним, но очень осторожно. Ох, как бы нам nepоздоровилось, если бы он заметил. В гневе он ужасен. Сэр Роберт направлялся именно к склепу, и там его ждал какой-то человек.

— А что представляет собой этот склеп?

— Понимаете, сэр, в парке стоит полуразвалившаяся древняя часовня — никто не знает, сколько ей лет. Под часовней имеется склеп, пользующийся дурной славой. Там пустынно, сыро и темно даже днем. А ночью немногие решаются подойти туда. Хозяин, правда, смел и никогда ничего не боялся. Но все равно, что ему там делать ночью?

— Подождите, — вмешался Холмс. — Вы сказали, там был и другой человек. Вероятно, кто-то из домашней прислуги или с конюшни?

— Он не из наших!

— Почему вы так думаете?

— Потому что сам видел его вблизи, мистер Холмс, в ту вторую ночь. Когда сэр Роберт шел мимо нас обратно, мы со Стивенсом дрожали в кустах, точно два кролика, так как ночь была лунная и он мог нас заметить. Потом слышались шаги того, другого. Его-то мы не боялись. И едва сэр Роберт отошел подальше, мы поднялись притворившись, что просто гуляем при луне, вроде бы случайно приблизились к незнакомцу. «Здорово, приятель! — говорю я ему. — Ты кто такой?» Он не заметил, как мы подошли, и здорово испугался. На обратившемся в нашу сторону лице застыл такой испуг, словно перед ним появился сам сатана. Он громко вскрикнул и бросился бежать. И надо отдать ему должное, бегать он умел! В одно мгновение скрылся из виду.

— Но вы хоть хорошо разглядели его в свете луны?

— Да. Готов поклясться, что опознал бы это отвратительное лицо. Типичный бродяга. Что у него могло быть общего с сэром Робертом?

— Кто прислуживает леди Беатрис Фолдер? — спросил Холмс после некоторой задумчивости.

— Горничная Керри Ивенс. Она у нее уже пять лет.

— Конечно же, предана хозяйке?

Мейсон неловко заерзал на месте.

— Предана-то предана, — ответил он. — Правда, трудно сказать — кому.

— О! — только и вымолвил Холмс.

— Мне не хотелось бы выносить сор из избы...

— Понимаю вас, мистер Мейсон. Ситуация деликатная. Судя по описанию сэра Роберта, данному доктором Уотсоном, я могу сделать вывод: перед ним не устоит ни одна женщина. А не кажется ли вам, что в этом может крыться и причина размолвки между братом и сестрой?

— Их отношения были очевидными давно.

— Но возможен вариант, что леди Беатрис прежде не замечала этого. А когда узнала, решила избавиться от горничной, но брат не позволил ей сделать это. Больная женщина смогла настоять на своем. Служанка, которую она так возненавидела, остается при ней. Леди Беатрис перестает разговаривать, грустит, начинает пить. Брат в гневе отбирает у нее любимого спаниеля. Разве здесь не все сходится?

— Все это вполне правдоподобно, но как быть с остальным? Как связать это с ночными визитами в старый склеп? Они не укладываются в эту схему. И еще есть одно, что в нее не укладывается. Зачем сэру Роберту понадобилось доставать мертвое тело?

Холмс резко выпрямился.

— Да-да, мы обнаружили его только вчера, уже после того, как я отправил вам письмо. Сэр Роберт уехал в Лондон, и мы со Стивенсом отправились в склеп. Там все было как обычно, мистер Холмс, только в одном из углов лежали останки человека.

— Я полагаю, вы сообщили в полицию?

Наш посетитель мрачно усмехнулся.

— Думаю, они едва ли заинтересовались бы, потому что, сэр, это была уже высохшая мумия.

— И что же вы сделали?

— Оставили все как было.

— Разумно. Вы говорили, что сэр Роберт был вчера в отъезде. Он уже вернулся?

— Ждем его сегодня.

— А когда сэр Роберт отдал собаку своей сестры?

— Ровно неделю назад. Бедное создание, спаниель выл ночью возле старого колодца, чем вызвал у Роберта приступ гнева. Утром он поймал собаку, и вид у него был такой, что я решил: убьет! Но он отдал спаниеля Сэнди Бейну, нашему наезднику, и велел отвезти к старику Барнесу в «Зеленый дракон», потому что не желал его больше видеть.

Некоторое время Холмс сидел молча и размышлял, раскуривая свою старую закопченную трубку.

— Мистер Мейсон, — произнес он наконец, — я не совсем понимаю, что от меня требуется.

— Вероятно, вот это позволит сделать некоторые уточнения, мистер Холмс, — ответил наш посетитель.

Он вытащил из кармана небольшой сверток и, осторожно развернув бумагу, достал обуглившийся кусок кости.

Холмс с интересом принялся изучать.

— Где вы это взяли?

— В подвале дома, прямо под комнатой леди Беатрис, расположена печь центрального отопления. Некоторое время ею не пользовались, но как-то сэр Роберт пожаловался на холод и приказал начать топить. Обязанности истопника сейчас выполняет Харвей, один из моих парней. Он-то и принес мне эту кость сегодня утром. Нашел в золе, которую выгребал из печи. Ему не понравилось все это, и он...

— Мне тоже не нравится, — произнес Холмс. — Что вы думаете по этому поводу?

Кость обгорела почти дочерна, но ее форма сохранилась.

— Это верхняя часть человеческой берцовой кости, — ответил я.

Холмс внезапно посерьезнел.

— А когда этот парень обычно топит печь?

— Харвей растапливает ее вечером, а потом уходит спать...

— Значит, ночью в подвал мог зайти кто угодно?

— Да, сэр.

— Можно ли попасть туда со двора?

— Да. Одна дверь выходит прямо на улицу, другая — на лестницу, которая ведет в коридор перед комнатой леди Беатрис.

— Дело зашло далеко, мистер Мейсон, и принимает скверный оборот. Вы говорили, что этой ночью сэра Роберта не было в поместье?

— Да, сэр.

— Значит, кости сжигал в печи не он.

— Совершенно справедливо, сэр.

— Как называется гостиница, которую вы упоминали?

— «Зеленый дракон».

— А есть где порыбачить в той части Беркшира?

По лицу нашего гостя, не умевшего скрывать свои чувства, было видно: он убежден, что превратности жизни свели его еще с одним сумасшедшим.

— Говорят, в небольшой речушке, той, что выше мельницы, водится форель, а в озере Холл есть щука.

— Этого вполне достаточно. Мы с Уотсоном заядлые рыболовы, не правда ли, доктор? В случае необходимости вы сможете найти нас в «Зеленом, драконе». Мы будем там уже сегодня вечером. Я думаю, вы понимаете, мистер Мейсон, что приходить туда вам не следует. Лучше послать записку. А если вы нам понадобится, я разыщу вас. Как только нам удастся продвинуться хоть немного вперед с расследованием, я сообщу вам о выводах.

И вот прекрасным майским вечером мы с Холмсом ехали в вагоне первого класса к небольшой

станции Шоскомб, где поезда останавливались только по требованию. Мы сошли на нужной станции и очень скоро добрались до старомодной маленькой гостиницы. Ее владелец, Джозия Барнес, как истый спортсмен охотно принялся помогать нам составлять план истребления всей рыбы в округе.

— А как насчет озера Холл? Есть шанс поймать там щуку?

На лице хозяина отразилось беспокойство.

— Ничего из этого не выйдет, сэр. Там опасно.

— Но почему же?

— Сэр Роберт терпеть не может, когда кто-то тайком собирает сведения о лошадях. И едва вы, двое незнакомых людей, вдруг окажетесь рядом с его конюшнями, он обязательно набросится на вас. Сэр Роберт не хочет рисковать! Да, совсем не хочет.

— Говорят, у него есть конь, который заявлен для участия в дерби?

— Да, славный жеребец. На него поставлены наши денежки, да и сэра Роберта тоже. — Тут Джозия Барнес испытующе взглянул на нас. — Надеюсь, вы сами не имеете отношения к скачкам?

— Абсолютно никакого! Мы всего лишь два усталых лондонца, которым просто необходим ваш чудесный беркширский воздух.

— Ну тогда вы правильно выбрали место. Свежего воздуха здесь сколько угодно. Только помните, что я сказал вам насчет сэра Роберта. Он не из тех, кто много разговаривает, он сразу пускает в ход кулаки. Не подходите близко к парку.

— Хорошо, мистер Барнес. Мы внемлем вашему совету. Между прочим, спаниель, повизгивающий у вас в зале, очень красив.

— Это самый настоящий шоскомбский спаниель. Лучших нет во всей Англии.

— Я большой любитель собак, — продолжал Холмс. — Хочу задать вам не совсем деликатный вопрос. Сколько может стоять подобный пес?

— Намного больше, чем я в состоянии заплатить, сэр. Этого красавца мне недавно подарил сэр Роберт. Я постоянно держу его на привязи, потому что он сбежит домой в ту же секунду, как только я его отпущу.

— Итак, мы уже получили несколько козырей, Уотсон, — сказал мне Холмс, когда владелец гостиницы ушел. — Правда, даже с ними пока не так просто выиграть.

— У вас есть версия, Холмс?

— Я знаю только то, что примерно неделю назад в Шоскомбе произошло нечто, круто изменившее всю жизнь поместья. Что же именно? Могу лишь предположить. Обратимся еще раз к нашим фактам. Брат перестает навещать свою дорогую тяжелобольную сестру. Он избавляется от ее любимой собаки. Ее собаки, Уотсон! Это вам ни о чем не говорит?

— Нет. Разве что о его сильной злости.

— Ну что же, это вполне вероятно. Продолжим обзор событий, происшедших после ссоры, если она вообще была. Леди Беатрис практически все время проводит у себя в комнате, показывается на людях, только выезжая на прогулку вместе со служанкой, больше не останавливается возле конюшни поглядеть на своего любимца — Принца Шоскомба и, вероятно, начинает пить. Вот, пожалуй, и все. Не так ли?

— Да, за исключением того, что касается склепа.

— Это относится уже к другой цепи событий. Я попросил бы их не смешивать. Цепь «А», касающаяся леди Беатрис, имеет довольно зловещий оттенок.

— Я не понимаю...

— Ладно. Перейдем тогда к цепи «Б», связанной с сэром Робертом. Он буквально помешан на выигрыше в дерби. Он попал в лапы к ростовщикам, и в любой момент его имущество может пойти с молотка, включая лошадей и конюшни. Человек он решительный, жить привык на деньги сестры. Горничная сестры — послушное орудие в его руках. Ну что, доктор? Мне кажется, что пока все идет как по маслу.

— Ну а склеп?

— Да... Склеп! Давайте-ка чисто теоретически предположим, что сэр Роберт убил свою сестру.

— Но, Холмс! Друг мой, об этом не может быть и речи!

— Послушайте, Уотсон. По происхождению Норбертоны — люди почтенные. Но и в хорошее

стадо может затесаться паршивая овца. Так что не стоит отметать эту версию, не обсудив ее. Без денег Роберт Норбертон бежать за границу не может, а обладателем денег он может стать, только если удастся его затея с Принцем Шоскомба. Поэтому он вынужден пока оставаться в поместье. Роль сестры будет пока исполнять служанка — в этом нет ничего сложного, а тело старой леди можно перенести в склеп, куда вообще никто не заглядывает, или же тайно уничтожить ночью в печи. Так вот и могла остаться улика, подобная имеющейся в нашем распоряжении. Что вы на это скажете, доктор?

— Все довольно правдоподобно, если, конечно, согласиться с чудовищным исходным предположением.

— Кажется, я придумал небольшой эксперимент, Уотсон. Мы поставим его завтра же, чтобы прояснить дело. А сейчас, дабы выглядеть теми, за кого мы себя выдаем, предлагаю пригласить хозяина гостиницы и повести светский разговор об угрях и плотве за стаканом его лучшего вина. Это самый краткий путь к расположению мистера Барнеса. А уж по ходу беседы мы можем услышать полезную местную сплетню.

...На следующее утро Холмс обнаружил, что мы забыли взять с собой блесну на молодую щуку, поэтому вместо рыбалки нам пришлось пойти гулять. Мы вышли около одиннадцати. Холмс получил разрешение взять с собой прекрасного спаниеля.

— Вот мы и пришли, — произнес мой друг, когда мы приблизились к высоким воротам парка, которые венчались фигурами сказочных грифов родового герба. — От мистера Барнеса нам известно, что старая леди выезжает на прогулку около полудня. Ее экипаж должен здесь остановиться и стоять, пока будут открывать ворота. Вы, Уотсон, задержите кучера каким-нибудь вопросом, едва он окажется за воротами. Действуйте, а я спрячусь за куст и стану наблюдать.

Ждать пришлось недолго. Четверть часа спустя мы увидели большую открытую коляску желтого цвета, направляющуюся по главной аллее в нашу сторону. В нее были запряжены два прекрасных серых рысака. Холмс вместе с собакой спрятался за своим кустом, а я встал на дороге, безразлично помахивая тростью. Охранник распахнул ворота.

Коляска двигалась совсем медленно, и я мог разглядеть всех, кто в ней находился. Слева сидела румяная молодая женщина с золотистыми волосами и дерзким взглядом. По правую руку от нее — сторбленная пожилая дама, плотно закутанная в многочисленные шали. Как только лошади вышли из ворот на дорогу, я поднял руку и, когда кучер остановил экипаж, осведомился, дома ли сейчас сэр Роберт.

В этот миг Холмс покинул свое укрытие и спустил с поводка спаниеля. С радостным визгом пес бросился к коляске и вскочил на подножку. Но тут же его радостный лай стал злобным и яростным, и он вцепился зубами в черную юбку старой леди.

— Пшел! Пшел вон! — услышали мы грубый голос.

Кучер хлестнул лошадей, и мы остались на дороге одни.

— Теперь все ясно, — сказал Холмс, пристегивая поводок к ошейнику еще не успевшего успокоиться спаниеля.

— Но ведь голос был мужской! — воскликнул я.

— Вот именно, Уотсон. У нас появился еще один козырь, однако играть нужно все равно осторожно.

У Шерлока Холмса не было планов на остаток дня, и мы воспользовались своими рыболовными снастями. В результате имели на ужин целое блюдо форели. После ужина мой друг начал опять проявлять признаки активности.

Мы вновь оказались на той же дороге, что и утром, и подошли к воротам парка. Возле них стоял высокий человек, оказавшийся не кем иным, как мистером Мейсоном — тренером из Шоскомба, приезжавшим к нам в Лондон.

— Добрый вечер, джентльмены, — поздоровался он. — Я получил вашу записку, мистер Холмс. Роберт Норбертон еще не вернулся, но его ожидают сегодня к ночи.

— А далеко ли склеп от дома? — осведомился Холмс.

— Метрах в четырехстах.

Ночь была не лунная и очень темная, но Мейсон уверенно вел нас по заросшим травой лужайкам, пока впереди не начали вырисовываться неясные очертания часовни. Когда мы подошли к часовне, наш проводник, спотыкаясь о груды камней, нашел в полной тьме путь к тому месту, откуда лестница вела вниз, прямо в склеп. Спустившись, он чиркнул спичкой, осветил мрачное и зловещее помещение с замшелыми осыпающимися стенами и рядами гробниц, свинцовых и каменных. Холмс зажег свой фонарь, бросивший сноп ярко-желтого цвета. Лучи отражались от металлических пластинок на гробницах, украшенных изображением короны и грифона — герба древнего рода, сохранявшего свое величие до смертного порога.

— Вы говорили о найденных вами здесь костях, мистер Мейсон. Покажите нам, где они, и мо-

жете возвращаться.

— Они здесь, вот в этом углу.

Тренер прошел в противоположный угол склепа и остановился в немом удивлении, когда луч нашего фонаря осветил указанное место.

— Но они исчезли!.. — с трудом вымолвил он.

— Я этого ожидал, — сказал Холмс с довольной усмешкой.

— Полагаю, золу от них можно найти в печи, которая уже поглотила часть из них.

— Но зачем же сжигать кости человека, умершего десять веков назад, — изумился Джон Мейсон.

— Мы и пришли сюда, чтобы выяснить это, — ответил Холмс.

— Полагаю, до утра нам удастся найти ответ. А вас не станем больше задерживать.

Мейсон удалился, и Холмс принялся тщательно осматривать все гробницы, начиная с самых древних, относившихся, вероятно, еще к саксонскому периоду, продвигаясь от центра склепа вдоль длинного ряда захороненных нормандских Гуго и Одо, пока не достиг наконец Уильяма и Дениса Фолдеров из восемнадцатого столетия. Прошел час, а может, и больше, прежде чем Холмс добрался до свинцового саркофага, стоявшего у самого входа в склеп. Я услышал его удовлетворенное восклицание и по торопливым, но целеустремленным и точным движениям понял, что мой друг нашел то, что искал. При помощи увеличительного стекла он тщательно осмотрел края тяжелой крышки, затем достал из кармана небольшой ломик, какими обычно вскрывают сейфы, просунул его в щель и стал отжимать крышку, которая скреплялась лишь парой скоб. Та подалась со скрежетом рвущегося металла, едва приоткрыв содержимое, когда наши занятия неожиданно оказались прерваны.

В часовне, прямо над нами, послышались шаги — быстрые, но твердые, как у человека, идущего с определенной целью и хорошо знающего дорогу. По ступеням лестницы заструился свет, и мгновение спустя в проеме готической арки показался мужчина с фонарем в руках. Выглядел он устрашающе: крупная фигура, грозные манеры.

Большой керосиновый фонарь, который он держал перед собой, освещал его решительное лицо и страшные глаза. Он внимательно осматривал каждый закуток склепа и наконец остановился на нас.

— Кто вы такие, черт бы вас побрал? — взорвался он. — И что вам понадобилось в моей усадьбе?

Холмс ничего ему не ответил. Тот сделал несколько шагов в нашу сторону и поднял вверх тяжелую палку.

— Вы меня слышите? — крикнул он. — Кто вы? Что делаете?

Его палица подрагивала в воздухе. Но, вместо того чтобы отступить, Холмс двинулся ему навстречу.

— У нас тоже имеется вопрос к вам, сэр Роберт, — произнес мой друг суровым тоном. — Кто это?

Повернувшись, Холмс сорвал с саркофага свинцовую крышку. В свете фонаря я увидел тело и лицо злой колдуньи.

Баронет вскрикнул и, отшатнувшись, прислонился к каменной гробнице.

— Ну что вы лезете не в свое дело?

— Я Шерлок Холмс, — ответил мой друг. — Возможно, вам знакомо это имя? Моя обязанность и долг помогать правосудию. Боюсь, что отвечать вам придется за многое.

Сэр Роберт свирепо поглядел на нас, но спокойный голос и уверенные манеры Холмса подействовали на него.

— Поверьте, мистер Холмс, я не преступник, клянусь, — сказал он. — Это только кажется, что все факты против меня. Я просто не мог поступить иначе.

— Рад был бы поверить вам, но, полагаю, объяснение с полицией неизбежно.

— Ну что ж! Неизбежно так неизбежно. А сейчас давайте пройдем в дом. Там вы сможете разобраться в происшедшем сами.

Спустя четверть часа мы сидели в комнате, которая, судя по рядам ружей, поблескивающих за стеклами витрин, служила оружейной в старинном здании. Обставлена она была довольно уютно. На несколько минут сэр Роберт оставил нас одних. Когда он вернулся, его сопровождали двое: цветущая молодая женщина, которую мы уже видели сегодня в коляске, и невысокий мужчина с неприятной внешностью и раздражающе осторожными манерами. На лицах — полное недоумение. Очевидно, баронет не успел объяснить, какой оборот приняли события.

— Это мистер и миссис Норлетт, — сказал сэр Роберт. — Под своей девичьей фамилией — Ивенс — миссис Норлетт была доверенной служанкой моей сестры вот уже несколько лет. Я чувствую, что лучше объяснить вам истинное положение вещей, потому и привел сюда ее с мужем. Это единственные люди, способные подтвердить мои слова.

— А нужно ли это, сэр Роберт? Вы хорошо все обдумали? — воскликнула женщина.

— Что касается меня, я полностью снимаю с себя ответственность, — добавил ее муж.

Сэр Роберт бросил на него презрительный взгляд и сказал:

— Отвечать за все буду я! А теперь, мистер Холмс, позвольте изложить вам основные факты. Вы, понятно, достаточно осведомлены о моем положении, иначе не оказались бы там, где я вас нашел. По всей вероятности, вы уже знаете и то, что я хочу выставить на дерби свою лошадку и от результата будет зависеть очень многое. Если я выиграю, проблемы решатся сами собой. Если же проиграю... Но об этом лучше и не думать.

— Ситуация вполне понятна, — перебил баронета Холмс.

— В финансовом отношении я в полной зависимости от сестры, леди Беатрис. А я крепко запутался в сетях ростовщиков. И вот представьте себе: как только умирает сестра, мои кредиторы тотчас набрасываются на наше имущество. Все попадает в их руки, конюшни и лошади — тоже. Так вот, мистер Холмс, леди Беатрис действительно скончалась неделю назад.

— И вы никому не сообщили?

— А что еще мог я придумать? Иначе мне грозило полное разорение. Если же отсрочить развитие событий всего на три недели, дела, возможно, устроились бы как нельзя лучше. Вот этот человек, муж горничной, — актер по профессии. И нам, то есть мне, пришлось в голову, что он может это время исполнять роль моей сестры. Для этого следовало ежедневно появляться в коляске во время прогулки. В комнату к сестре никто не входил, кроме горничной. Леди Беатрис умерла от водянки, которой страдала очень давно.

— Это решит коронер.

— Ее врач подтвердит, что в течение нескольких месяцев все симптомы предвещали скорый конец.

— Как дальше развивались события?

— В первую же ночь мы с Норлеттом тайно перенесли тело моей сестры в домик над старым колодцем, которым теперь совсем не пользуются. Однако ее любимый спаниель пришел туда следом за нами и начал выть под дверью. Я решил подыскать более безопасное место. Избавившись от собаки, мы перенесли тело в склеп под древней часовней. Не вижу в том никакого пренебрежения или непочтения, мистер Холмс. Уверен, что не оскорбил покойную.

— Все равно ваше поведение невозможно оправдать, сэр Роберт!

Баронет раздраженно покачал головой.

— Вам легко проповедовать, а в моем положении вы, верно, думали бы иначе. Видеть, как все твои надежды и планы вдруг рушатся в последний момент, и не пытаться спасти их — невозможно. Я не усмотрел ничего недостойного в том, чтобы поместить сестру на некоторое время в одну из гробниц, где захоронены предки ее мужа. Вот и вся история, мистер Холмс.

— В вашем рассказе есть неясность, сэр Роберт! Даже если бы кредиторы захватили все имущество, разве это могло повлиять на выигрыш в дерби и на ваши надежды, связанные с ним?

— Но Принц Шоскомба тоже часть имущества. Вполне вероятно, его вообще не выставили бы на скачки. Какое им дело до моих ставок! Все еще усугубляется тем, что главный кредитор, к несчастью, мой злейший враг, отпетый негодяй Сэм Брюэр, которого мне однажды пришлось ударить хлыстом. Вы полагаете, он пошел бы мне навстречу?

— Видите ли, сэр Роберт, — ответил Холмс, вставая, — вам необходимо обо всем сообщить властям. Моя обязанность — только установить истину. И я это сделал. Что же касается моральной стороны ваших поступков и соблюдения приличий, то не мне судить вас. Уже почти полночь, Уотсон. Я думаю, нам пора возвращаться в наше скромное пристанище.

* * *

Сейчас уже известно, что эти невероятные события закончились для Норбертона даже более удачно, чем он того заслуживал. Принц Шоскомба все-таки выиграл дерби, а его владелец заработал на этом восемьдесят тысяч фунтов. Кредиторы, в руках которых он находился до окончания заезда, получили все сполна, и у сэра Роберта осталась еще вполне достаточная сумма, чтобы восстановить свое положение в высшем свете.

И полиция, и коронер снисходительно отнеслись к поступкам Норбертона, так что он выпутался из затруднительной ситуации, отделавшись лишь мягким порицанием за несвоевременную регистрацию кончины старой леди. Хотя все происшедшее и бросило легкую тень на репутацию баронета, но нисколько не повлияло на его карьеру, которая обещает быть благополучной в почтенном возрасте.¹⁸

¹⁸ **The Adventure of Shoscombe Old Place**

Впервые опубликовано в Liberty, Mar. 1927, 7 иллюстраций Frederic Dorr Steele, и в Strand Magazine, Апрель 1927, 5

Москательщик на покое

В то утро Шерлок Холмс был настроен на философско-меланхолический лад. Его живой, деятельной натуре свойственны были такие резкие переходы.

— Видели вы его? — спросил он.

— Кого? Старичка, который только что вышел от вас?

— Его самого.

— Да, мы с ним столкнулись в дверях.

— И что вы о нем скажете?

— Жалкое, никчемное, сломленное существо.

— Именно, Уотсон. Жалкое и никчемное. Но не такова ли и сама наша жизнь? Разве его судьба — не судьба всего человечества в миниатюре? Мы тянемся к чему-то. Мы что-то хватаем. А что остается у нас в руках под конец? Тень. Или того хуже: страдание.

— Это один из ваших клиентов?

— Пожалуй, что так. Его направили ко мне из Скотленд-Ярда. Знаете, как врачи иной раз посылают неизлечимых больных к знахарю. Они рассуждают так: сами мы ничего больше сделать не можем, а больному все равно хуже не будет.

— Что же у него стряслось?

Холмс взял со стола не слишком чистую визитную карточку.

— Джозия Эмберли. В прошлом, по его словам, — младший компаньон фирмы «Брикфол и Эмберли», изготавливающей товары для художников. Вы могли видеть эти имена на коробках с красками. Эмберли сколотил небольшое состояние, и, когда ему исполнился шестьдесят один год, вышел из дела, купил дом в Люишеме и поселился там, чтобы насладиться отдыхом после долгих лет неустанный труда. Всякий сказал бы, что этого человека ждет обеспеченная и мирная старость.

— Да, верно.

Холмс взял конверт, на котором были сделаны его рукой какие-то пометки, и пробежал их глазами.

— Ушел на покой в 1896 году, Уотсон. В начале 1897-го женился. Жена на двадцать лет моложе его, притом недурна собой, если не лжет фотография. Достаток, жена, досуг — казалось бы, живи да радуйся. Но не проходит двух лет, и он, как вы сами видели, становится самым несчастным и убитым созданием, какое только копошится под солнцем.

— Но что случилось?

— Старая история, Уотсон. Вероломный друг и ветреная жена. У этого Эмберли, насколько можно судить, есть одна-единственная страсть в жизни: шахматы. В Люишеме, неподалеку от него, живет некий молодой врач, тоже завзятый шахматист. Я вот записал его имя: доктор Рэй Эрнест. Эрнест был частый гость в его доме, и если у него завязались близкие отношения с миссис Эмберли, это только естественно — вы согласитесь, что наш незадачливый клиент не может похвастаться внешней привлекательностью, каковы бы ни были его скрытые добродетели. На прошлой неделе парочка скрылась в неизвестном направлении. Мало того, в качестве ручного багажа неверная супруга прихватила шкатулку старика, в которой хранилась львиная доля всех его сбережений. Можно ли сыскать беглянку? Можно ли вернуть деньги? Поглядеть, так банальная проблема, но для Джозии Эмберли — проблема жизненной важности.

— Как же вы будете действовать?

— Видите ли, мой милый Уотсон, при создавшемся положении вещей надо прежде всего решить, как будете действовать вы, если, конечно, вы согласны заменить меня. Вы знаете, что я сейчас

всецело занят делом двух коптских старейшин и сегодня как раз жду его развязки. Мне, право же, не выкроить времени на поездку в Люишем, а ведь улики, собранные по свежим следам, имеют особую ценность. Старик всячески уговаривал меня приехать, но я объяснил ему, в чем трудность. Он готов принять вас вместо меня.

— Я весь к вашим услугам, — ответил я. — Честно говоря, не думаю, чтобы от меня была особая польза, но я рад буду сделать все, что в моих силах.

Вот так и случилось, что в один прекрасный летний день я отправился в Люишем, совсем не подозревая, что не пройдет и недели, как событие, которое я ехал расследовать, будет с жаром обсуждать вся Англия.

Лишь поздно вечером я вернулся на Бейкер-стрит с отчетом о своей поездке. Худая фигура Холмса покоилась в глубоком кресле, над его трубкой медленно свивалась кольцами струя едкого табачного дыма, глаза были лениво полузакрыты — можно было подумать, что он дремлет, но стоило мне запнуться или допустить неточность в рассказе, как опущенные веки приподнимались и серые глаза, сверкающие и острые, как рапиры, пронизывали меня пытливым взглядом.

— Усадьба мистера Джозии Эмберли зовется «Рай», — начал я. — Я думаю, Холмс, она возбудила бы ваш интерес. Дом похож на обедневшего аристократа, который вынужден ютиться среди простолюдинов. Вам ведь такие места знакомы: однообразные кирпичные дома, унылые провинциальные улицы — и вдруг прямо в гуще всего этого — такая старинная усадьба, крохотный островок древней культуры и уюта за высокой, растрескавшейся от солнца стеной, испещренной лишайниками и покрытой мохом, стеной, которая...

— Без поэтических отступлений, Уотсон, — строго перебил меня Холмс. — Все ясно: высокая кирпичная стена.

— Совершенно верно. Мне бы не догадаться, что это и есть «Рай», да благо я спросил какого-то зеваку, который прохаживаются по улице и курил. Высокий такой брюнет с большими усами и военной выправкой. В ответ он кивком указал нужный мне дом и почему-то окинул меня пристальным, испытующим взглядом. Это припомнилось мне немного спустя.

Едва ступив за ворота, я увидел, что ко мне спешит по аллее мистер Эмберли. Еще утром я заметил в нем что-то необычное, хотя видел его лишь мельком, теперь же, при свете дня, его внешность показалась мне еще более странной.

— Я, разумеется, и сам постарался изучить ее, — вставил Холмс. — Но все-таки интересно узнать, каковы ваши впечатления.

— Он выглядит так, будто забота в буквальном смысле слова пригнула его к земле. Спина его сторблена, словно под бременем тяжелой ноши. Однако он вовсе не так немощен, как кажется на первый взгляд: плечи и грудь у него богатырские, хотя поддерживают этот мощный торс сухие, тонкие ноги.

— Левый ботинок морщит, правый — девственно гладок.

— Этого я не заметил.

— Вы, разумеется, нет. Зато от меня не укрылось, что у него искусственная нога. Однако продолжайте.

— Меня поразили эти пряди сивых волос, которые змеились из-под его ветхой соломенной шляпы, это иступленное, неистовое выражение изрезанного глубокими морщинами лица.

— Очень хорошо, Уотсон. Что он говорил?

— Он принялся взахлеб рассказывать мне историю своих злоключений. Мы шли вдвоем по аллею, и я, разумеется, во все глаза смотрел по сторонам. Сад совершенно не ухожен, весь заглох, все растет, как придется, повинаясь велению природы, а не искусству садовника. Как только приличная женщина могла терпеть такое положение вещей — ума не приложу. Дом тоже запущен до последней степени. Бедняга, видно, и сам это чувствует и пытается как-то поправить дело. Во всяком случае, у него в левой руке была толстая кисть, а посреди холла стояла большая банка с зеленой краской. До моего прихода он занимался тем, что красил двери и оконные рамы.

Он повел меня в свой обшарпанный кабинет, и мы долго беседовали. Конечно, он был огорчен, что вы не приехали сами. Он сказал: «Да я и не слишком надеялся, в особенности после того, как понес столь тяжелый материальный урон, что моя скромная особа сможет серьезно привлечь к себе внимание такого знаменитого человека, как мистер Шерлок Холмс».

Я стал уверять его, что финансовая сторона вопроса тут вовсе ни при чем.

«Да, конечно, — отозвался он, — он этим занимается из любви к искусству, но, возможно, в моем деле для него как раз нашлось бы кое-что интересное. Хотя бы в смысле изучения человеческой природы, доктор Уотсон, ведь какая черная неблагодарность! Разве я хоть раз отказал ей в чем-нибудь? Разве есть еще женщина, которую бы так баловали? А этот молодой человек — я бы и к собственному сыну так не относился. Он был здесь, как у себя дома. И посмотрите, как они со мной обошлись! Ах, доктор Уотсон, какой это ужасный, страшный мир!».

В таком духе он изливался мне час, а то и больше. Он, оказывается, ничего не подозревал об интрижке. Жили они с женой одиноко, только служанка приходила каждое утро и оставалась до шести часов. В тот памятный день старик Эмберли, желая доставить удовольствие жене, взял два билета в театр Хеймаркет, на балкон. В последний момент миссис Эмберли пожаловалась на головную боль и отказалась ехать. Он поехал один. Сомневаться в том, что это, правда, по-видимому, нет оснований: он показывал мне неиспользованный билет, который предназначался жене.

— Любопытно, весьма любопытно, — заметил Холмс, слушавший, казалось, с возрастающим интересом. — Продолжайте, Уотсон, прошу вас. Я нахожу ваш рассказ крайне интересным. Вы видели этот билет собственными глазами? Номер места случайно не запомнили?

— Представьте себе, запомнил, — не без гордости ответил я. — Номер оказался тот же, что был у меня когда-то в школьной раздевалке: тридцать первый. Вот он и застрял у меня в голове.

— Великолепно, Уотсон! У него самого, стало быть, место было либо тридцатое, либо тридцать второе?

— Ну, конечно, — чуть озадаченно подтвердил я. — В ряду «Б».

— Просто прекрасно. Что еще он вам говорил?

— Он показал мне свою, как он выразился, кладовую. Кладовая сама настоящая, как в банке. Железная дверь, железная штора на окне, никакому взломщику не забраться, как он утверждает. Но у жены оказался второй ключ, и она вместе со своим возлюбленным унесла оттуда не много и мало — тысяч семь фунтов в ассигнациях и ценных бумагах.

— Ценных бумагах? Как же они смогут обратить их в деньги?

— Эмберли сказал, что оставил в полиции опись этих бумаг надеется, что продать их не удастся. В тот день он вернулся из театра около двенадцати ночи и увидел, что кладовая ограблена, дверь и окно открыты, а беглецов и след простыл. Никакого письма, никакой записки — и ни слуху ни духу с тех пор. Он сразу же дал знать в полицию.

Холмс на несколько минут погрузился в раздумье.

— Вы говорите, он что-то красил в доме. Что именно?

— При мне он красил коридор. А дверь и деревянные части комнаты, о которой я говорил, уже закончил.

— Вам не кажется, что для человека в подобной ситуации это несколько необычное занятие?

— «Надо же чем-то занять себя, чтобы сердце не так саднило» — это его собственное объяснение. Разумеется, это странный способ отвлечься, так ведь на то он и вообще человек со странностями. При мне разорвал фотографию своей жены — разорвал яростно, в совершенном беспамятстве, с воплем: «Чтобы глаза мои больше не видели ее мерзкое лицо!»

— И это все, Уотсон?

— Нет, есть еще одна вещь, и она поразила меня больше всего. Обратно я уезжал со станции Блэкхит. Сел в поезд, и только он тронулся, как я увидел, что в соседний вагон вскочил какой-то мужчина. Вы знаете, Холмс, какая у меня память на лица. Так вот, это определенно был тот высокий брюнет, к которому я обратился на улице. На Лондонском мосту я заметил его снова, а потом он затерялся в толпе. Но я уверен, что он меня выслеживал.

— Да-да! — сказал Холмс. — Конечно! Так вы говорите, высокий брюнет с большими усами и в очках с дымчатыми стеклами?

— Холмс, вы чародей. Он действительно был в дымчатых очках, но ведь я об этом не говорил!

— А в галстуке — масонская булавка?

— Холмс!

— Это так просто, милый Уотсон. Впрочем, перейдем к тому, что имеет непосредственное отношение к делу. Должен вам признаться: эта история, на первый взгляд до того простая, что мне вряд ли стоило ею заниматься, с каждой минутой приобретает совсем иной характер. Правда, во время вашей поездки все самое важное осталось вами не замеченным, но даже то, что само бросилось вам в глаза, наводит на серьезные размышления.

— Что осталось незамеченным?

— Не обижайтесь, дружище. Вы знаете, я совершенно беспристрастен. Вы справились со своей задачей как нельзя лучше. Многие и этого бы не сумели. Но кое-какие существенные частности вы явно упустили. Что думают об этом Эмберли и его жене соседи? Разве это не важно? Какой славой пользуется доктор Эрнест? Что он, и впрямь такой отчаянный ловелас? При вашем врожденном обаянии, Уотсон, каждая женщина вам сообщница и друг. Почему я не слышу, что думает барышня на почте и супруга зеленщика? Как естественно вообразить себе такую картину: вы нашептываете комплименты молодой кельнерше из «Синего якоря», а взамен получаете сухие факты. И все это пропало втуне.

— Это еще не поздно сделать.

— Это уже сделано. С помощью телефона и Скотленд-Ярда я обычно имею возможность узнавать самое необходимое, не выходя из этой комнаты. Кстати сказать, полученные мною сведения подтверждают рассказ старика. В городишке он слывет скрягой, с женой был требователен и строг. Что он держал в этой своей кладовой крупную сумму денег — святая правда. Правда и то, что доктор Эрнест, молодой холостяк, играл с Эмберди в шахматы, а с его женой, вероятно, играл в любовь. Кажется, все яснее ясного, и больше говорить не о чем, и все-таки... все-таки...

— В чем же тут загвоздка?

— В моем воображении, быть может. Что ж, пусть она там и останется, Уотсон. А мы с вами спасемся от серой повседневности этого мира сквозь боковую дверцу — музыку. В Альберт-Холле сегодня поет Карина. Мы как раз успеем переодеться, пообедать и подадимся наслаждению.

Наутро я встал рано, но крошки от гренков и скорлупа от пары яиц на столе свидетельствовали о том, что мой друг поднялся еще раньше. Здесь же, на столе, я обнаружил второпях нацарапанную записку:

«Милый Уотсон!

Мне хотелось бы навести еще кое-какие справки относительно мистера Джозии Эмберли. Когда я их получу, мы со спокойной душой будем считать это дело законченным, а быть может, и нет. Я только просил бы Вас быть поблизости часа в три, так как не исключено, что Вы мне можете понадобиться.

Ш. Х.»

Полдня я не видел Холмса, но в назначенный час он вернулся, серьезный, озабоченный, занятый своими мыслями. В такие минуты лучше было к нему не подступаться.

— Эмберли еще не приходил?

— Нет.

— Значит, придет. Я его жду.

Ждать пришлось недолго: старик не замедлил явиться: на хмуром лице его явственно обозначились тревога и недоумение.

— Я тут получил телеграмму, мистер Холмс, и что-то никак не могу в ней разобраться.

Он протянул Холмсу телеграмму, и тот прочел ее вслух:

«Немедленно приезжайте. Располагаю сведениями вашей недавней пропаже.
Элман. Дом священника».

— Отправлена в два десять из Малого Пэрлингтона, — сказал Холмс. — Малый Пэрлингтон находится, если не ошибаюсь, в Эссексе, недалеко от Фринтона. Что ж, надо ехать, не откладывая. Пишет явно лицо ответственное, как-никак приходский священник. Минуточку — где мой Крокфорд¹⁹? Ага, вот он: «Дж. К. Элман, магистр искусств, объединенный приход Моссмур — Малый Пэрлингтон». Посмотрите расписание поездов, Уотсон.

— Ближайший — в пять двадцать с Ливерпуль-стрит.

— Превосходно. Вам бы тоже лучше съездить с ним, Уотсон. Ему может понадобиться помощь или совет. Ясно, что близится решающий момент в этой истории.

Наш клиент, однако, не выказывал ни малейшей охоты отправиться в путь.

— Но это же совершенная нелепость, мистер Холмс, — сказал он. — Что может знать о случившемся этот человек? Напрасная трата времени и денег.

— Если б ему не было что-то известно, он не стал бы посылать вам телеграмму. Немедленно сообщите ему, что выезжаете.

— Я, вероятно, все-таки не поеду.

Холмс принял самый суровый вид, на какой был способен.

¹⁹ Выдержавший много изданий справочник по английскому духовенству и церквям.

— И у полиции и у меня, мистер Эмберли, создастся самое неблагоприятное впечатление, если вы откажетесь воспользоваться возможностью, которая сама идет к вам в руки. Нам может показаться, что вы не слишком заинтересованы в успешном исходе расследования.

Это предположение, видимо, привело нашего клиента в ужас.

— Господи, если вы так на это смотрите, я непременно поеду! — воскликнул он. — Просто на первый взгляд глупо рассчитывать, что этот пастор что-нибудь может знать. Но раз вы так считаете...

— Да, считаю, — многозначительно сказал Холмс, и вопрос был решен. Прежде чем мы вышли из комнаты, Холмс отвел меня в сторону и дал краткое наставление, из которого видно было, что он придает серьезное значение этой поездке.

— Во что бы то ни стало, — сказал он, — проследите за тем, чтобы он действительно поехал. Если он, паче чаяния, улизнет или вернется с дороги, бегите на ближайший телефон и передайте мне одно-единственное слово: «Удрал». Я распоряжусь, чтобы мне сообщили, где бы я ни находился.

До местечка Малый Пэрлингтон не так-то просто добраться: оно расположено на боковой ветке. От дороги у меня остались не слишком приятные воспоминания: погода стояла жаркая, поезд полз медленно, мой попутчик был угрюм и молчалив и если раскрывал рот, то лишь затем, чтобы отпустить язвительное замечание насчет того, в какую пустую затею мы ввязались. Когда мы, наконец, сошли с поезда, пришлось ехать еще две мили до пасторского дома, где нас принял в своем кабинете представительный, важный, слегка напыщенный священник. Перед ним лежала наша телеграмма.

— Итак, джентльмены, чем могу быть полезен? — спросил он.

— Мы приехали в ответ на вашу телеграмму, — объяснил я.

— Телеграмму? Я никакой телеграммы не посылал.

— Я говорю о телеграмме, которую вы прислали мистеру Джозии Эмберли, насчет его жены и денег.

— Если это шутка, сэр, то в весьма дурном вкусе, — сердито сказал пастор. — Я никогда не слышал про джентльмена, чье имя вы назвали, и никому не посылал телеграммы.

Мы с Эмберли обменялись удивленными взглядами.

— Быть может, произошла ошибка, — настаивал я. — У вас случайно не два прихода? Вот телеграмма, подпись — «Элман», адрес — «Дом священника».

— Здесь только один приход, сэр, и только один пастор. Что же до вашей телеграммы, то это

возмутительная фальшивка, происхождением которой непременно займется полиция. А пока не вижу причин затягивать далее нашу беседу.

Так мы с мистером Эмберли очутились на обочине дороги в деревушке Малый Пэрлингтон, захолустнее которой, наверное, не сыскать во всей Англии. Мы направились на телеграф, но там было уже закрыто. К счастью, в маленькой привокзальной гостинице оказался телефон, и я связался с Холмсом, который был удивлен не меньше нас, узнав об исходе нашей поездки.

— Поразительно! — сказал далекий голос в трубке. — В высшей степени странно! Я очень боюсь, милый Уотсон, что сегодня обратного поезда уже нет. Сам того не желая, я обрек вас на муки захолустной гостиницы. Но ничего, Уотсон, зато вы побудете на лоне природы. Природа и Джозия Эмберли — вы сможете вполне насладиться общением с ними. — Я услышал его суховатый смешок, прежде чем нас разъединили.

Я очень быстро убедился, что мой попутчик недаром слывет скрягой. Сначала он сетовал на дорожные расходы, настоял, чтобы мы ехали третьим классом, а теперь шумно возмущался тем, что придется платить еще и за гостиницу. Когда на другое утро мы наконец прибыли в Лондон, трудно сказать, кто из нас был в худшем расположении духа.

— Советую вам зайти по дороге на Бейкер-стрит, — сказал я. — Мистер Холмс, возможно, захочет дать какие-то новые указания.

— Если в них столько же проку, сколько в старых, они не многого стоят, — злобно огрызнулся Эмберли. Тем не менее он последовал за мной. Я заблаговременно уведомил Холмса телеграммой о времени нашего приезда, но он оставил нам записку, что уехал в Люишем и будет дожидаться нас там. Это была неожиданность, а еще большая ждала нас в гостинной нашего клиента: Холмс оказался не один. Рядом с ним сидел строгий мужчина с непроницаемым лицом — брюнет в дымчатых очках и с большой масонской булавкой в галстуке.

— Это мой друг мистер Баркер, — представил его Холмс. — Он тоже занимался вашим делом, мистер Джозия Эмберли, хотя и независимо от меня. Но оба мы хотим задать вам один и тот же вопрос.

Мистер Эмберли тяжело опустился на стул. Он почуял недоброе. Я понял это по тому, как у него забегали глаза и судорожно задергалось лицо.

— Какой вопрос, мистер Холмс?

— Только один: куда вы дели трупы?

Эмберли с хриплым воплем вскочил на ноги, судорожно хватая воздух костлявыми руками. Рот у него открылся; он был похож сейчас на какую-то жуткую хищную птицу. В мгновение ока Джозия Эмберли предстал перед нами в своем истинном обличье: злобным чудовищем с душой, такой же уродливой, как тело. Он рухнул обратно на стул и прикрыл рот ладонью, как бы подавляя кашель. Холмс, словно тигр, прыгнул на него и вцепился ему в глотку, силой пригнув его голову вниз. Из разомкнувшихся в удушье губ выпала белая таблетка.

— Не пытайтесь сократить себе путь, Джозия Эмберли. Дела надо делать пристойно и в установленном порядке. Что скажете, Баркер?

— Я оставил кэб у ворот, — отозвался наш немногословный знакомец.

— До участка всего несколько сот ярдов. Отправимся вдвоем. Вы можете остаться здесь, Уотсон. Я вернусь через полчаса.

В мощном теле старого москательщика таилась львиная сила, но в руках таких опытных конвоиров он был беспомощен. Как он ни извивался, стараясь вырваться, его втащили в кэб, и я остался нести одинокую вахту в этом зловещем доме. Но и получаса не прошло, как вернулся Холмс в сопровождении молодого, щеголеватого инспектора полиции.

— Я оставил Баркера завершить все формальности, — сказал Холмс. — Вы ведь в первый раз видите Баркера, Уотсон. Это мой ненавистный соперник и конкурент с того берега Темзы. Когда вы упомянули про высокого брюнета, мне уже нетрудно было довершить картину. У него на счету не одно удачное дело, верно, инспектор?

— Да, он не раз встречался на нашем пути, — сдержанно отозвался инспектор.

— Не отрицаю, он использует недозволенные методы, как и я сам. Недозволенное, знаете, порой очень выручает. Вам, например, с вашим неременным предупреждением: «Все, что бы вы ни сказали, может быть использовано против вас», — ни за что не удалось бы фактически вырвать у этого прохвоста признание.

— Быть может, и так, мистер Холмс. Но мы все равно добиваемся своего. Неужели вы думаете, что мы не составили собственного мнения об этом деле и не настигли бы преступника? Вы уж извините, но как нам не чувствовать себя задетыми, когда вы с вашими запретными для нас методами вырываетесь вперед и пожинаете все лавры!

— Ничего подобного не произойдет, Маккиннон. Обещаю вам, что с этой минуты я буду держаться в тени, а что касается Баркера, он делал лишь то, что я ему указывал.

Инспектор заметно повеселел.

— Это очень благородно с вашей стороны, мистер Холмс. Для вас осуждение и похвала значат очень мало, а ведь мы совсем в другом положении, особенно когда нам начинают задавать вопросы газетчики.

— Совершенно справедливо. Но так как задавать вам вопросы они наверняка будут в любом случае, то не мешает иметь наготове ответы. Что вы скажете, например, если какой-нибудь смысленый и расторопный репортер спросит, какие именно улики пробудили в вас подозрение и в конце концов дали возможность установить подлинные факты?

Инспектор замялся.

— Подлинными фактами мы пока что не располагаем, мистер Холмс. Вы говорите, что арестованный в присутствии трех свидетелей покушался на самоубийство и тем самым фактически признал себя виновным в убийстве своей жены и ее возлюбленного. Вам известны еще какие-нибудь факты?

— Вы отдали приказ произвести обыск?

— Сейчас прибудут три полисмена.

— Тогда скоро в вашем распоряжении будет самый бесспорный из всех фактов. Трупы, несомненно, где-то поблизости. Осмотрите погреб и сад. На то, чтобы проверить наиболее подозрительные места, вам потребуется не так уж много времени. Дом старый, водопроводные трубы новые. Где-то должен быть заброшенный колодец. Попытайте счастья там.

— Но как вы обо всем узнали? И как он это сделал?

— Сначала я расскажу, как он это сделал, а уж потом дам объяснение, на которое вправе рассчитывать и вы и в еще большей степени мой долготерпеливый друг, оказавший мне неоценимую помощь. Но прежде всего мне хотелось бы дать вам представление о том, каков склад ума этого че-

ловека. Он очень необычен — настолько, что преступника, по всей вероятности, ждет не виселица, а Бродмур²⁰. Эмберли в избытке наделен такими чертами натуры, которые в нашем представлении гораздо более свойственны средневековому итальянцу, нежели англичанину наших дней. Это был жалкий скупец, он так замучил жену своим крохоборством, что она стала легкой добычей для любого искателя приключений, каковой и не замедлил явиться в образе этого медикуса-шахматиста Эрнеста. Эмберли играл в шахматы превосходно — характерная примета человека, способного замышлять хитроумные планы, Уотсон. Как все скупцы, он был ревнив, и ревность переросла у него в манию. Были на то основания, нет ли; но он заподозрил измену. Он задался целью отомстить и принялся с дьявольской изобретательностью строить план мести. Подойдите-ка сюда!

Уверенно, словно это был его собственный дом, Холмс повел нас по коридору и остановился у открытой двери кладовой.

— Фу! Как ужасно пахнет краской! — воскликнул инспектор.

— Это обстоятельство и послужило нам первой уликой, — сказал Холмс. — Можете поблагодарить доктора Уотсона, который его заметил, не сумев, правда, сделать должные выводы. Оно-то и навело меня на верный след. Зачем было этому человеку в такое неподходящее время разводить в доме вонь? Очевидно, для того, чтобы заглушить какой-то другой запах, который мог выдать вину, возбудить подозрение. Затем явилась мысль о комнате, вот этой самой, с железной дверью и железной шторой — комнате, которую можно закрыть герметически. Сопоставьте эти два факта — куда они ведут? Это я мог установить, только осмотрев дом самолично. В том, что здесь кроется что-то серьезное, я уже не сомневался, потому что успел навести справки в театре Хеймаркет и — опять-таки благодаря наблюдательности доктора Уотсона — выяснить, что в тот вечер ни тридцатое, ни тридцать второе кресло в ряду «Б» на балконе не было занято. Следовательно, Эмберли в театре не был и его алиби рухнуло. Он допустил грубый промах, позволив моему дальновидному другу заметить номер места, на котором должна была сидеть его жена. Теперь возник вопрос, как осмотреть дом. Я послал своего агента в самую глухую деревушку, какая была мне известна, и вызвал туда Эмберли в такой час, чтобы он заведомо не успел вернуться. На случай, если что-то пойдет не так, я дал ему в попутчики доктора Уотсона. Имя достойного пастора было, разумеется, взято из моего Крокфорда. Я говорю достаточно ясно?

— Это неподражаемо, — благоговейным голосом произнес инспектор.

— Теперь можно было не бояться, что мне помешают, и спокойно лезть в чужой дом. Профессия взломщика всегда меня соблазняла, и, вздумай я ее избрать, не сомневаюсь, что мне удалось бы выдвинуться на этом поприще. Что же я обнаружил? Видите — вдоль плинтуса тянется газовая труба. Прекрасно. Она поднимается вдоль стены, а вон там, в углу, имеется кран. Труба, как вы видите, проведена в кладовую и доходит до вон той лепной розы в центре потолка, где ее невидно под лепниной. Конец ее оставлен открытым. В любой момент, открыв наружный кран, комнату можно наполнить газом. Стоит повернуть рычаг до предела, и любой, кто окажется в этой тесной комнатке при закрытой двери и спущенной шторе, не продержится в сознании даже двух минут. Какой дьявольской хитростью он заманил их сюда, я не знаю, но, едва переступив порог, они оказались в его власти.

Инспектор с интересом рассматривал газовую трубу.

— Кто-то из наших людей говорил, что в доме пахнет газом, — сказал он. — Но окно и дверь были, конечно, открыты, да и краской уже пахло. Он-то утверждал, будто начал красить накануне происшествия. Но что же дальше, мистер Холмс?

²⁰ Психиатрическая больница для преступников (в графстве Беркшир).

— Дальше произошел инцидент, несколько неожиданный для меня самого. Рано на рассвете я уже спускался в сад из окна буфетной, как вдруг чья-то рука схватила меня за шиворот и чей-то голос произнес: «А ну, мошенник, чем ты здесь занимаешься?» Когда мне удалось повернуть голову, передо мной блеснули дымчатые очки моего друга и соперника мистера Баркера. Это была забавная встреча, и мы оба не могли сдержать улыбки. Выяснилось, что по просьбе родственников доктора Эрнеста он тоже предпринял расследование и тоже пришел к выводу, что дело нечисто. Он уже несколько дней наблюдал за домом и взял на заметку доктора Уотсона как явно подозрительное лицо, посетившее усадьбу. Арестовать Уотсона он не мог, но когда у него на глазах какой-то субъект вылез в сад из окна буфетной, он не выдержал. Я, разумеется, рассказал ему, как обстоят дела, и мы продолжали вести дело сообща.

— Почему с ним? Почему не с нами?

— Потому что я предполагал подвергнуть Эмберли небольшому испытанию, которое и удалось так блестяще. Боюсь, что вы не согласились бы зайти так далеко.

Инспектор улыбнулся.

— Что ж, быть может, и нет. Итак, мистер Холмс, если я верно вас понял, вы совершенно устраниваете от участия в этом деле и передаете нам весь ваш материал.

— Разумеется. Это — мое обычное правило.

— Тогда я приношу вам благодарность от имени полиции. Случай, как вы его толкуете, ясный. Трупы мы, вероятно, обнаружим без труда.

— Я покажу вам небольшое, но страшное вещественное доказательство, — продолжал Холмс. — Я уверен, что Эмберли его не заметил. Чтобы добиться успеха, инспектор, надо всегда стараться поставить себя на место другого и вообразить, как поступили бы вы сами. Тут требуется известная доля фантазии, но это окупается.

Допустим, например, что вы заперты в этой комнатке, что жить вам осталось не более двух минут, но вы хотите расквитаться с извергом, который, возможно, еще издевается над вами там, за дверью. Что бы вы в этом случае сделали?

— Оставил бы письмо.

— Правильно. Вы захотели бы рассказать людям о том, как вы погибли. Писать на бумаге бессмысленно. Убийца найдет записку. Но если написать на стене, это может прочесть кто-то другой. Так глядите же! Над самым плинтусом красным химическим карандашом выведено: «Нас у...» — и все.

— О чем же это говорит?

— Видите — от пола до надписи не более фута. Бедняга писал это, лежа на полу, умирая. И, не успев дописать, лишился сознания.

— Он хотел написать: «Нас убили».

— Именно так я и истолковал эту надпись. Так что если вы найдете у убитого химический карандаш...

— Поищем, можете не сомневаться. Ну, а как насчет ценных бумаг? Ведь ясно, что никакой кражи не было. А между тем эти акции у него действительно имелись. Мы проверили.

— Он их надежно припрятал, будьте покойны. Когда вся история с бегством стала бы забываться, он бы внезапно обнаружил их и объявил, что виновники раскаялись и прислали украденное обратно, а не то так обронули где-то по дороге.

— Да, у вас на любой трудный вопрос готов ответ, — сказал инспектор. — Одного я не могу понять: ну, к нам он так или иначе вынужден был обратиться, но зачем ему было идти к вам?

— Из чистого бахвальства! — ответил Холмс. — Он мнил себя таким умником, был так уверен в себе, что вообразил, будто его никому не побить. А потом он смог бы сказать недоверчивому соседу: «Посмотрите — чего я только не предпринимал! Я обратился не только в полицию, но даже к Шерлоку Холмсу».

Инспектор рассмеялся.

— Придется простить вам это «даже», мистер Холмс, — сказал он. — Такой искусной работы я не припомню.

Несколько дней спустя мой друг бросил мне на колени номер выходящей два раза в месяц «Норе Суррей Обсервер». В ней под множеством леденящих кровь заголовков — от «Упырь из „Рая“» до «Блестящий успех полицейского сыска» — шел целый столбец, в котором впервые давалось последовательное изложение этого дела. По заключительному абзацу можно судить о стиле, в котором оно было написано:

«Редкостная проницательность, которую выказал инспектор Маккиннон, заключив, что запах краски, возможно, призван заглушить какой-то иной запах, например, запах газа; дерзкое предположение, что кладовая могла оказаться камерой смерти, а также последующее расследование, увенчавшееся находкой трупов в заброшенном колодце, искусно замаскированном собачьей конурой, будут жить в истории сыска как убедительный пример высокого мастерства нашей полиции».

— Ну, ничего, Маккиннон — славный малый, — со снисходительной усмешкой промолвил Холмс. — Советую присовокупить это к нашим архивам, Уотсон. Когда-нибудь можно будет сказать правду об этой истории.²¹

²¹ **The Adventure of the Retired Colourman**

Впервые опубликовано в Liberty, Декабрь 1926, 4 иллюстрации Frederic Dorr Steele, и в Strand Magazine, Январь 1927, 5 иллюстраций Frank Wiles.